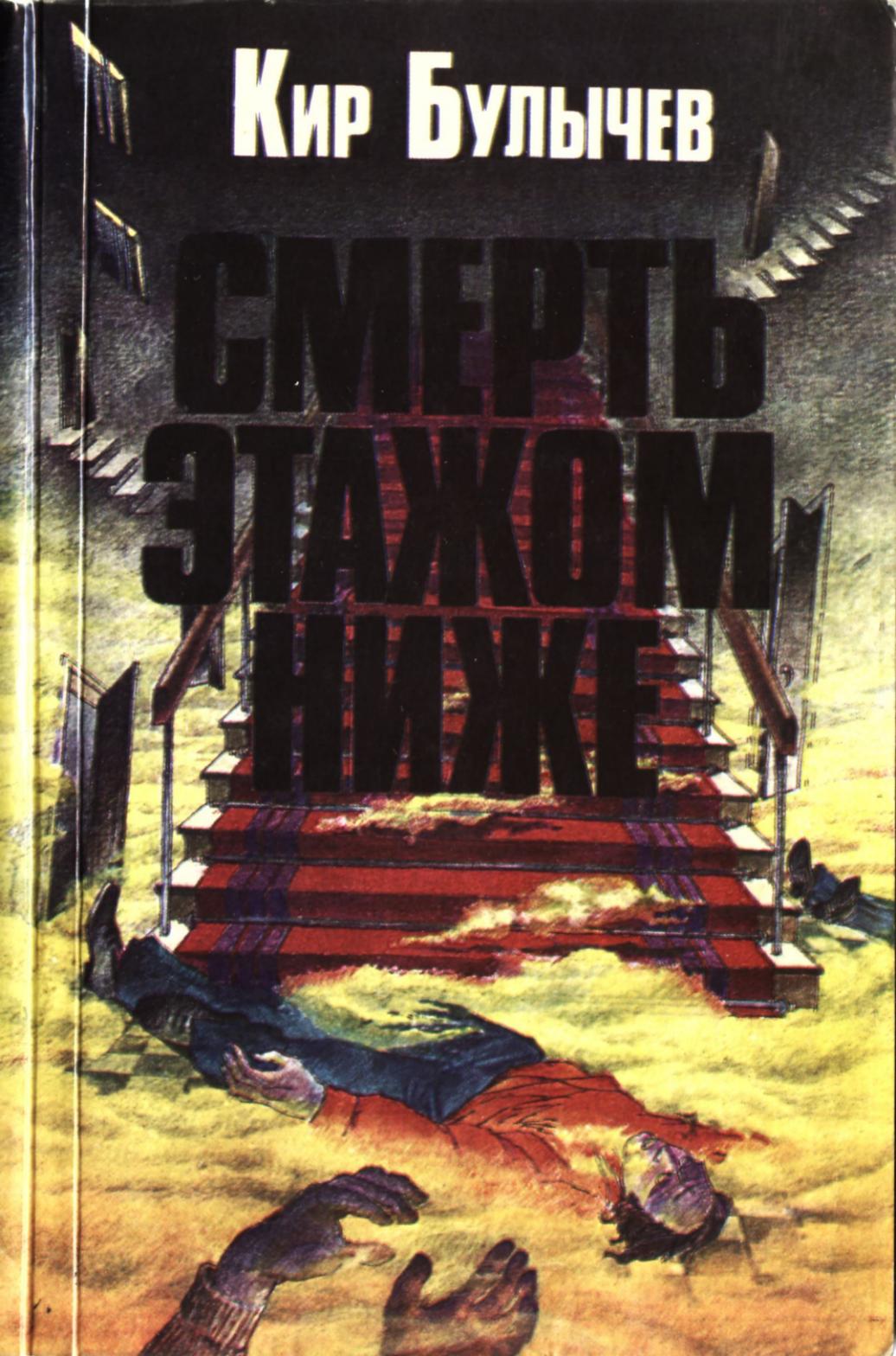

Кир Булычев

**СМЕРТЬ
ЭТАЖКОМ
НИЖЕ**

Кир Булычев

**СМЕРТЬ
ЭТАЖОМ
НИЖЕ**

1989

ББК 84Р7—4
Б90

Булычев Кир

Б90 Смерть этажом ниже: Фантастическая повесть.—
М.: СП «Вся Москва», 1989.— 160 с.

В нашем хрупком мире, живущем под угрозой экологических бедствий, человек может оказаться в совершенно непредугадываемой ситуации, в которой и определяются его истинные качества. Фантастическая и в то же время жизненная коллизия, описанная в новой повести Кира Булычева, заставит читателя всерьез задуматься над актуальными проблемами современности.

Книга издана за счет производственного объединения
«Контур».

ISBN 5—7110—0016—0

ББК 84Р7—4

© Булычев Кир.
Фантастическая повесть, оформление. СП «Вся Москва», 1989

Часть первая. ДО ПОЛУНОЧИ

Самолет приземлился на рассвете. Пассажиры переминаясь возле трапа, ежились после прерванного уютного сна. Снег был синим, небо синим; аэродромные огни желтыми. Потом вереницей пошли к аэропорту. Синий снег обрывался у навеса, где многие остановились в ожидании багажа. Там было натоптанно и грязно. Встречающих почти не было. Но Шубина встречали. Председатель городского общества «Знание», который представился Николайчиком Федором Семеновичем, сразу принялся упрекать Шубина в опоздании самолета. «На сорок минут!» — сказал он так, словно Шубин притормаживал самолет в воздухе. С ним была темноглазая молодая женщина в кепке и куртке из искусственной кожи. Она оказалась шофером, и ее звали Элей.

Серый «Москвич» общества «Знание» стоял на пустынной синей площади. Дверь замерзла и не открывалась. Николайчик сказал, что сойдет по пути, в новом районе, где получил двухкомнатную квартиру. Там удачная роза ветров. Когда сели в промерзшую машину, Николайчик вытащил мятую бумажку и принялся, не заглядывая в нее, да и что он мог бы разглядеть в темноте, рассказывать, где и когда Шубину выступать. Особенно он подчеркивал, что устроил две публичные лекции.

— Мы вам, конечно, не сможем заплатить как Хазанову, но народ у нас интересуется.

У Николайчика был профиль индейца майя, нарушенный сивыми обвислыми усами, каких индейцы майя не носили. Машина ехала по обледенелому шоссе между черных зубчатых еловых стен. Шубина потянуло в сон, и он приблизил щеку к окошку. Стекло не доставало до верха, и оттуда дуло. Ветер был нечист, словно близко была помойка.

— Это вы по телевизору на той неделе выступали? — спросила Эля. — Я вашу фамилию запомнила.

— Этот факт повысит посещаемость,— сказал Николайчик.— А то у нас теперь больше интересуются внутренними проблемами, экологией, реформой цен, вы сами понимаете.

Лес кончился, и за пустырем, по которому были разбросаны какие-то склады, начался длинный бетонный заводской забор. Трубы завода, как колонны разрушенного веками античного храма, курились разноцветными дымами.

За заводом пошел жилой район, пятиэтажный и тоскливый. Равномерно поставленные среди пятиэтажек девятиэтажные башни только подчеркивали тоску. На автобусной остановке томились темные фигуры.

— Я с вами прощаюсь,— сказал Николайчик.— В десять двадцать буду звонить вам в номер. Отдыхайте.

— Спасибо, что вы меня встретили.

— Это наш долг. Мы всех встречаем,— сказал Николайчик, открывая дверь со своей стороны.— Независимо от ранга и значения.

Шубин заподозрил, что его ранг и значение недостаточны.

— А мне когда за вами? — спросила Эля.

— Как всегда,— сказал Николайчик.

Они поехали дальше. Эля сказала:

— Как всегда — это еще ничего не значит.

Стандартные дома кончились. Машина ехала по длинной улице одноэтажных домов. Когда-то город был небольшим и эти дома опоясывали его каменный двухэтажный центр. На перекрестке долго стояли перед красным светом.

— А вы Сергиенко не знаете? — спросила Эля.— Он к нам в том месяце приезжал.

— А что он делает?

— Он химик,— сказала Эля.— Экологией занимается. Столько вопросов было, вы не представляете, до часу ночи не отпускали. Силантьев потом нашего Николайчика вызывал, чтобы больше таких не приглашать.

— А чем он Силантьеву не угодил?

— У нас комитет,— сказала Эля.— За экологию. С биокормом борются и химзаводом. Они всюду выступают.

— Ясно,— сказал Шубин.

— Я хотела пойти на митинг, но Николайчик узнал и отказал. Ему тогда квартиру обещали, он опасался, что в его коллективе будут диссиденты.

— У вас здесь строго.

— Гронский, Николаев и Силантьев — большая тройка, — сказала Эля. — Куда Силантьеву деваться? Городские деньги от комбината идут. Или от химзавода. Кто даст. Это и ежу понятно.

Они добрались до центра города. Некогда унылая, но логичная линия двухэтажных каменных домов, разбежавшихся затем площадью с собором и украшенным колоннами могучим присутственным зданием, была нарушена вклинившимися блочными башнями и стеклянной бездарностью нового универмага:

— В соборе склад? — спросил Шубин.

— Нет, что вы! Там кино, а скоро филармонии отдадут. Там такая акустика, вы не представляете.

Когда повернули на вокзальную площадь, где стояла гостиница «Советская», уже совсем рассвело и на площади былолюдно.

— Вы к нам летом приезжайте, у нас зелень, многим нравится, — сказала Эля.

Вокзальные площади редко бывают привлекательны, а ноябрьское замороженное утро, черные кости деревьев в привокзальном сквере, само здание вокзала, построенное, видно, после войны в попытке совместить идеалы классицизма и оптимизм эпохи, но давно не крашенное, панельные корпуса, ограждающие грязно-снежное пространство под прямым углом к длинному вокзальному фасаду и завершение площади — типовая гостиница в пять этажей — весь этот комплекс провинциальной обыденности привел Шубина в то состояние духа, которое вызывает раздражение, направленное против самого себя. И что меня сюда принесло? Три сотни, которые я заработаю лекциями, или нежелание спорить с московским обществом «Знание», обещавшим в лице деловой Ниночки Георгиевны в благодарность за плановый визит сюда замечательную поездку весной по Прибалтике?

Эля сказала:

— Вы идите, я машину запру и догоню.

— У вас всегда так пахнет? — спросил Шубин.

— Мы привыкли. Большая химия.

Шубин поднялся по пяти скользким ступеням к стеклянным дверям и с непривычки ткнулся по очереди и безрезультатно в правую и среднюю, прежде чем левая дверь поддалась. В вестибюле, на стуле у двери, дремал старик с красной повязкой. Он не проснулся, когда Шубин прошел мимо. На деревянных скамейках дремали те, кому не досталось места в гостинице. Администратора

не было, но пришла Эля, она не боялась разбудить всю гостиницу и принялась громко спрашивать:

— Эй, кто здесь живой? Принимайте гостя.

Кто-то проснулся на скамейке и сказал:

— Мест нет.

Администраторша вышла откуда-то сбоку. Она была так недовольна приходом Шубина, что даже не стала разговаривать. Помахала рукой над стойкой, и Эля сказала:

— У вас паспорт есть?

Шубин достал паспорт, и администраторша стала искать бронь. Шубину было неловко перед теми, кто проснулся на скамейках и недоброжелательно глядел ему в спину, но и страшно, что администраторша сейчас не найдет его брони и придется сидеть в этом холле, на краю скамейки, ожидая, пока Николайчик с началом рабочего дня восстановит справедливость и авторитет общества «Знание». Но бронь нашлась.

Пока Шубин заполнял анкету, гостиница начала просыпаться. Кто-то подошел к стойке, чтобы быть ближе к администраторше и напомнить о себе, худой офицерик с большой женой и двумя детьми спорил с дежурным у входа, который однообразно говорил:

— Мест нет, мест нет, мест нет.

По лестнице спускались три деловых кавказца в кожаных пальто и ондатровых шапках. Они перебрасывались быстрыми фразами, начиная каждую со слова «ара!».

Эля сказала:

— Ну вот и устроились. Я сегодня на вашу лекцию обязательно приду.

Только тут, в освещенном вестибюле, Шубин увидел, как она молода. Глаза карие, раскосые, губы очень розовые. Когда она говорила, видна была золотая коронка.

Эля протянула Шубину руку, пальцы у нее были длинные, ладонь сухая и гладкая, а тыльная ее сторона — шершавая, как у человека, которому приходится работать руками на холоде.

— Вы отдыхайте, — сказала она. — В десять он не позвонит. До двенадцати проспит. Да я ему машину раньше и не подам. Мне же тоже поспать надо. Я из-за вас не легла.

Сказано это было без укора, и Шубин не почувствовал вины.

— Спасибо, — сказал он. — Значит, у меня пять часов.

— Как минимум, — улыбнулась Эля.

Потом вспомнила, подбежала к стойке и спросила:

— Горячая вода есть? Гость-то у нас из Москвы.

— Есть, есть;— сказала администраторша.— Мойтесь.

Шубин поднялся на третий этаж. Дежурная по этажу спала на диване, накрывшись пальто. Пришлось ее разбудить, потому что ключ был у нее. Дежурная сказала:

— Ничего, не извиняйтесь. Все равно вставать пора. Вы надолго?

— На три дня.

Номер был маленький. Шубину показалось, что он в нем уже жил. Действительно, он жил во многих точно таких же номерах других стандартных гостиниц.

Раздевшись и обозрев свой новый дом, Шубин вернулся к дежурной по этажу. Та уже не спала, разговаривала с горничной о печенке, которую завезли во второй магазин. Шубин сказал:

— Простите, но мне забыли дать мыло и туалетную бумагу.

— Вы что? — дежурная была даже обижена.— У нас второй год этого нету.

— Но как можно? Даже в районных гостиницах...

— Не дают! Вы пишете, а то такие, как вы, ко мне с претензиями, а как уедут, забывают.

— Но, может, можно купить?

— Нету у меня.

— Хотите, я дам кусочек? — сказала горничная.— У меня один оставил в номере. Если не брезгуете?

— Спасибо.

Шубин пустил в ванной воду. Вода была теплой и сильно пахла сероводородом. Хотя, может, и не сероводородом, а чем-то схожим.

Вымывшись, Шубин лег спать, но проспал недолго. Проснулся вскоре от духоты, открыл фрамугу; и комната наполнилась шумом вокзальной площади. Стало холодно. Шубин укрылся с головой. Ему казалось, что он никогда не уснет, но он все же уснул и проснулся от того, что звонил телефон. Шубин вскочил, спросонья промахнулся мимо трубки, потом рванул телефон на себя, шнур был очень короткий, телефон рванулся из руки и упал на пол. Но не разъединился.

Сидя на корточках, Шубин поднес трубку к уху.

— Доброе утро,— послышался унылый голос Николайчика.— Как вы отдыхаете?

— Спасибо,— сказал Шубин.— Я спал.

— Можете продолжать,— сказал Николайчик.— В

два за вами будет машина. Серый «Москвич», вы его уже знаете. Водитель тот же.

— А у вас много машин?

— Одна,— серьезно ответил Николайчик.

— Значит, вы мне позвонили, чтобы сообщить, что я могу спать дальше?

— Я полагал, что вы ждете моего звонка согласно нашей утренней договоренности,— сказал Николайчик.

— Хорошо, спасибо,— сказал Шубин.

Он нырнул под теплое одеяло, но согреться уже не мог. И сон пропал. Он решил подниматься, погулять по городу. К тому же проголодался.

Вода была только холодная, но все равно воняла. Буфет в гостинице был закрыт, пришлось идти на вокзал и стоять там в длинной очереди к буфету. Рядом у игровых автоматов шумели подростки. Шубина преследовал запах — иной, чем у воды, но осязаемый, проникающий, гадкий, будто где-то рядом валяласьдохлаямышь. Народу на вокзале было много, как и положено на вокзале, где люди проводят по нескольку суток. По радио дважды объявили о том, что желающие могут интересно провести время в видеосалоне, просмотрев французский детективный фильм «Полицейские и воры». Потом объявили, что поезд Свердловск—Пермь прибывает на первую платформу, и вокруг началось движение людей, вызванное этим объявлением.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, Шубин вышел на перрон. У общих вагонов остановившегося поезда кипела толпа — он обратил внимание, что все пассажиры, что лезли в вагоны, были с детьми. На перроне пахло еще противнее. Даже начало подташнивать. А может быть, из-за той холодной курицы, съеденной в буфете? Этого еще не хватало.

Шубин вернулся на площадь. В киосках кооператоров торговали наклейками на джинсы, трикотажными кофточками и бусами. Шубин решил купить себе каких-нибудь продуктов к обеду, взять у дежурной чаю и добиться таким образом независимости от общественного питания. Но купить удалось только хлеба и печенья. В гастрономе висела стыдливая надпись: «Колбаса любительская и маслo бутербродное по предварительным заказам населения».

С каждой минутой город нравился Шубину все менее. И его не примирили с ним даже милые, приземистые, провинциальные особнячки, что сохранились ближе к центру, и городской парк с фонтаном, посреди которого стоял

Нептун в трусах, но книжный магазин ему понравился. Там было тепло; вонь, пронизывающая весь город, нехотя отступала перед запахами типографской краски и книжной пыли. Магазин был невелик и протянулся в глубь старого дома. В дальнем его конце обнаружился даже небольшой букинистический прилавок, где на полках тесно стояли многочисленные тома Всемирной литературы, а на прилавке, корешками вверх, теснились книги относительно новые, но надоевшие владельцам и в основном малоинтересные. Одна полка была выделена для старых книг, и Шубин подошел к ней, допущенный милостиво худенькой курчавой девушкой в больших модных очках. Девушка спросила:

— Вас что-то конкретно интересует?

— Нет, конкретно меня ничего не интересует.

— Вы любите книги?

— Кто их не любит?

— У нас редко бывают интересные книги,— сказала девушка.— Но есть настоящие любители. Если вы к нам надолго, то я вам советую заглянуть в общество книголюбов.

— Я ненадолго. У вас плохо пахнет.

Шубин не имел в виду ничего дурного, но, сказав так, понял, что, наверное, обидел девушку.

— Я имею в виду на улице,— добавил он поспешно.

— К этому нельзя привыкнуть,— сказала девушка.— Я вас понимаю. В «Социалистической индустрии» была статья о нас, совсем недавно. Но потом у автора были неприятности. Наше начальство приняло меры.

— Такие длинные руки?

— Так в Москве министерство! Они все одним миром мазаны.

— Мне говорили, что у вас в городе создано экологическое общество?

— Мы хотим провести митинг,— сказала девушка.— Я сама ходила в горисполком. Не разрешили. Сказали, что меры принимаются.

Человек, с черной бородой и длинными нечесаными волосами, подошел совсем близко и высоким настырным голосом сказал:

— Ты бы, Наташечка, пригласила гостя погулять на речку.

— Борис! Я тебя не заметила.

— Меня трудно не заметить,— ответил длинноволосый.— Меня замечают чаще, чем бы мне этого хотелось.

Он громко засмеялся.

Борис был постоянно агрессивен. Даже когда молчал и, наверное, когда спал. Такие люди вызывают немедленную неприязнь у любого начальства, что не останавливает их от желания вступать с начальством в конфликты.

— Судя по тому, что вы зашли в книжный магазин, вы ленинградец,— продолжал Борис.— Человек вы респектабельный, бывавший за рубежом. Я бы сказал — старший научный сотрудник, химик, намерены что-то внедрить на нашем химзаводе. И потому, разделяя тревоги жителей города, останетесь при своем мнении и даже будете способствовать дальнейшему его отравлению, правда оставаясь вне пределов вони. Что, молчите? Я угадал? Ну конечно же, я угадал! Я таких типов просекаю мигом.

Борис все смеялся, и Шубин почувствовал, как он ему неприятен — от жирных невымытых волос, плохо выбритого худого лица, висячего красного носа до рук, слабых, желтых, с обгрызенными ногтями.

— Нет, не угадали,— сказал Шубин и отвернулся к полке.

— Не хотите, не надо,— сказал Борис.— Мы не гордые.

— Боря, ты стараешься обидеть незнакомого тебе человека,— сказала, покраснев, Наташа.

— А я их всегда обижаю,— сказал Борис.— Между нами слишком много барьеров — классовых, социальных, национальных и даже банных. У нас мыла дешевого нет, а рублевая парфюмерия мне не по карману.

— Спасибо,— сказал Шубин Наташе и отошел от полок. В ином случае он бы поправил провидца, переселившего его с помощью никуда не годного дедуктивного метода в Ленинград и сделавшего химиком. Но поправлять Бориса значило оправдываться перед ним.

За его спиной что-то шептала Наташа, а Борис громко сказал вслед Шубину:

— Убийцы! Все они из одной своры...

Больше в городе смотреть было нечего. Поискать, что ли, музей?

Но ведь заранее известно, что будет в том музее. Состав экспозиций утвержден в Министерстве культуры.

Обратно к гостинице Шубин пошел другой улицей — заблудиться было трудно, город распланировали в девятнадцатом веке, по линейке. Стало теплее, и белый снег остался только во дворах. Крыши были мокрыми, тротуары и мостовые покрывала каша, которая брызгала из-под

колес набитых народом автобусов. Над очередью, что стояла за грейпфрутами, висел приклеенный к стене неровно написанный лозунг: «Защитим чистый воздух!» Борьба за чистоту окружающей среды, отраженная в лозунге, висевшем слишком высоко, чтобы его не сорвали походя, вызвала в Шубине раздражение. Он вспомнил о Борисе и ощутил сочувствие к химзаводу.

Солнце блеснуло сквозь сизые облака, и сразу же его закрыла туча. Пошел холодный дождь. Очередь покорно мокла, накрывшись зонтиками. Шубину показалось, что дождь воняет, и он пожалел, что не взял зонтика.

Николайчик пришел в два. Он долго снимал пальто, складывал зонтик.

— Вы хорошо отдохнули? — спросил он.

— Спасибо.

— Я забыл провентилировать с вами вопрос питания, — сказал он. — На Луначарского есть приличная диетическая столовая. Но туда надо ходить до часу или после трех, потому что днем там много посетителей.

Он был очень тоскливым человеком, под стать погоде. Прошел в комнату, уселся за письменный стол, разложил на нем мятую бумажку, ту же, что пытался зачитывать утром в машине.

— Сейчас мы с вами направляемся на прием к товарищу Силантьеву. Будет чай.

— С колбасой по талонам? — спросил Шубин.

У него разболелась голова, не привык к здешним миазам.

— Ценю юмор столичного жителя, — сказал Николайчик. — Однако снабжение по талонам для нас, провинциалов, имеет свои преимущества, так как вводит социальную справедливость. Этим ликвидированы очереди за дефицитом. Если же вы намерены шутить на эту тему у товарища Силантьева, я бы не советовал, потому что он не разделит вашего юмора. Снабжение нашего города представляет большие трудности, и товарищ Силантьев на своем посту сделал немало для улучшения быта наших граждан.

Произнеся такой монолог, Николайчик выдохнул с шумом воздух и уставился в окно. Шубину показалось, что его выключили.

Без стука вошла Эля. В той же кепке и кожаной куртке.

— Федор Семеныч, — обратилась она к Николайчику. — Вам еще на «Французскую коммуну» надо успеть. Забыли, что ли?

— Да,— проснулся Николайчик.— И в самом деле забыл.

Он смущенно улыбнулся, и Шубин подумал, что он бывает обыкновенным и даже добрым. Николайчик долго одевался, почему-то стал открывать зонтик в крошечной прихожей, не смог пройти с ним в дверь и снова закрыл его.

Эля стояла посреди комнаты, оглядывая номер с любопытством, словно пришла к Шубину домой и хочет понять, как живет знаменитый корреспондент-международник.

— Вы машинку пишущую всегда с собой возите? — спросила она.

— Всегда.

— Чтобы когда мысль придет, ее сразу схватить, да?

— Примерно.

Николайчик захлопнул за собой дверь и громко затопал по коридору.

— Мне пора,— сообщила Эля, не трогаясь с места.

— Скажите, Эля, он всегда такой или бывает другой?

— Он вполне приличный,— сказала Эля.— Только запуганный. Его из гороно выгнали, за прогрессивность. С тех пор он боится. Я думала, что когда он квартиры дождется, то перестанет бояться. А он уже привык.

Эля засмеялась.

Дверь открылась, Николайчик сунул голову внутрь. Шляпа задела за край двери и упала. Николайчик присел на корточки и спросил:

— Мы не опоздаем, Эльвира?

— Я быстро поеду,— сказала девушка.— А мы о вас говорили.

— Я знаю,— Николайчик поднялся, напялил шляпу.— Я слышал.

Они ушли, но через минуту снова заглянула Эля.

— Я его отвезу и прямо за вами! Вы пока одевайтесь.

Горисполком занимал солидный, с колоннами, трехэтажный дом, в котором, вероятно, когда-то была гимназия. Когда они шли по широкому коридору, Шубин заглянул в раскрытую дверь и увидел, что пространство за ней разгорожено фанерными стенками, которые не доставали до потолка. Из-за стенок стрекотали машинки и стоял гул голосов. По коридору слонялись посетители, некоторые стояли, прислонившись к стенкам, или сидели на подоконниках. Последняя дверь в коридоре была обита пластиком. Справа и слева от нее были черные застеклен-

ные таблички. Справа — «В. Г. СИЛАНТЬЕВ», слева — «В. Г. Мышечкина». Мышечкина была изображена куда более мелкими буквами.

В приемной, где по обе стороны высокого узкого окна стояли столы и за ними сидели две пожилые секретарши, Эля сдернула кепку.

— Привела,— сказала она.

— Пусть товарищ подождет,— сказала правая секретарша.— У Василия Григорьевича совещание.

— Вы сидите,— сказала Эля,— я пойду Николайчика встречу. Он всегда здесь плурует. Сколько раз был, а плурует.

Шубин уселся на мягкий стул, рядом с дверью в кабинет. Дверь была обита таким же пластиком, как и внешняя, и возле нее висела точно такая же табличка.

Секретарши на Шубина не смотрели. Из кабинета долетали обрывки фраз, разговор шел на повышенных тонах.

— У меня детей из города увозят,— басил начальственный голос.— Завтра они по Свердловску понесут.

— Ты же знаешь, Василий Григорьевич,— отвечал другой голос, тоже начальственный, но повыше.— Все это бабьи сплетни. Кирилл, подтверди.

— Опасность сильно преувеличена, Василий Григорьевич. Мы непрерывно проводим замеры. Зараженность не увеличивается.

Третий голос был совсем не начальственный. Тенор.

— Кирилл — специалист. Ему за это деньги платят.

— Кто платит? Кто платит? — рычал Василий Григорьевич.— Ты знаешь, что они митинг назначили на завтра?

— А вот это надо пресекать,— сказал второй голос наставительно.— Ты же понимаешь, с какими это делается целями и кому это нужно?

Возникла пауза. Потом Василий Григорьевич сказал, тоном ниже.

— Хоть вонь бы убрали. У меня сейчас из Москвы один будет...

— Откуда?

— Из Москвы.

— Я имею в виду — кто его прислал?

— Нет, не думай. По линии «Знания». Международник.

— Ну и что? Знаем мы этих международников.

— Вот я и говорю: нанюхается наших амбре, вернется, и в ЦК!

— Точно международник?
— Ну что ты заладил! Точно. Позавчера по телевизору выступал.

— Когда мне телевизор смотреть? Ты Кириенку предупредил?

— Милиция и без меня знает. Но я думаю... всегда лучше запретить, чем разгонять.

— Должны быть зачинщики. Надо обезглавить.

— А перестройка?

— Мы не шутить собрались.

— А я и не шучу. Мне еще тут работать. У тебя Москва есть — прикроет. А меня кто прикроет? Ты?

Была пауза. Потом невнятное бурчание отдалившихся от двери голосов. И снова, уже понятнее:

— Отправь их куда-нибудь. Это в наших общих интересах.

— Наши общие интересы — служение народу.

— Смотри как заговорил. Место бережешь?

— А мне еще до пенсии далеко. У тебя в списке Синявская... знакомая фамилия.

— Из пединститута.

— Давно на пенсию пора. А тот еврей, который на площади сидел, голодал? Помнишь, Кириенко его на пятнадцать суток?

— Борис Мелконян. Он в списке есть.

— Армянин?

— Может, и еврей.

Снова была пауза. Потом:

— Возьми свою цидулю. Не буду я связываться. Пускай митингуют.

— Ты свое место так не спасешь. Им только дай палец.

— Лучше бы об очистных побеспокоился. Вторую очередь пустил, а об очистных опять забыл.

— А что я могу? Я же пишу, звоню — а мне: давай план!

— Детей из города вывозят.

— Положение нормализуется. За ноябрь аварийных сбросов не было.

— Я могу утверждать, что принятые меры должны оказаться действенными, — произнес долго молчавший тенор.

— А у меня письмо доцента Бруни. Он меня предупреждает санитарной инспекции не верить, потому что вы в кармане у Гронского.

— Василий Григорьевич, ну кто этому Бруни верит?

В приемную быстро вошел Николайчик. В руке он мял мокрую шляпу.

— Вы здесь? Как хорошо! Меня задержали,— сказал он.— Вас еще не приняли?

Шубин не ответил. Ему жаль было, что Николайчик принес с собой шум, перекрывший голоса из кабинета.

— А что? Он занят? — Николайчик повесил шляпу на вешалку, что стояла в углу приемной. И принялся стаскивать пальто.— У него кто-то есть?

— Гронский у него, с санинспекцией,— сказала секретарша недовольно. И Шубин понял, что она тоже слушала разговор из-за двери и ей тоже жаль, что Николайчик помешал.

— Тогда мы подождем,— сказал Николайчик, усаживаясь рядом с Шубиным.— Там проблемы важные.

Он чуть склонился к Шубину и понизил голос:

— В городе напряженная экологическая обстановка. Лично Василий Григорьевич в контакте с общественностью принимает энергичные меры. Я полагаю, что товарищ Гронский докладывает ситуацию на химзаводе. Подождем, хорошо? У нас еще есть время.

Секретарша громко хмыкнула, и Шубин понял, что этим она как бы обращается именно к нему, знающему истинное положение вещей и способному оценить лживость Николайчика. А вторая вдруг сказала:

— Могли бы, Федор Семенович, и внизу раздеться. Как все люди. У вас пальто все мокрое.

— Разумеется! — Николайчик вскочил, метнулся к вешалке, хотел было снять пальто, но замер.— Нет,— сказал он твердо.— В любую минуту нас пригласят. Я в следующий раз.

Дверь кабинета отворилась, и один за другим оттуда вышли три человека. Все трое были респектабельны, все в хороших импортных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Подобных чиновников Шубин мог представить перенесенными в московский кабинет и ничем не нарушающими столичные церемонии. Первым вышел красавец, стройный, седовласый и розовощекий. Шубин наблюдал, как они прощаются, не обращая на него внимания. Значит, это и есть санинспекция. Мягкий, с брылями, улыбчивый, будет директор химзавода Гронский, а налитой явным здоровьем, обладатель геометрически правильного пробора — Силантьев.

Силантьев, пожимая руку Гронскому, заканчивал фразу:

— У нас там воздух сказочный... тайга.

Тут он увидел поднявшегося Шубина и склонившегося вперед Николайчика. Он чуть приподнял брови и кинул взгляд на большие настенные часы, словно счел приход визитеров преждевременным. Обращение к часам убедило Силантьева, что визитеры не поспешили, а он забыл о них за важными беседами, и, не выпуская руки Гронского, он шагнул к Шубину, подтягивая Гронского за собой.

— Простите, заговорились,— сказал он и властно вложил руку Гронского в ладонь Шубина.— Спасибо, что пришли, спасибо! К нам редко залетают птицы вашего полета.

Гронский крепко сжал руку Шубина и сразу отпустил, словно обжегся.

— Как же,— сказал он,— слышал. Вы позавчера по телевизору выступали?

— Вот именно,— обрадовался Силантьев и обратился к Гронскому: — Не останешься на лекцию? Товарищ Шубин согласился выступить перед аппаратом. Через полчаса.

— Ты же знаешь,— смущенно улыбнулся Гронский и стал похож на породистую собаку,— конец месяца. Я уж не помню, когда у меня выходной был.

— Ну хорошо, мы с тобой все обсудили, ты иди, трудись. Давай родине большую химию! А вы, товарищ Шубин, заходите в кабинет. Вера Осиповна, вы не будете так любезны угостить нас чайком? А то на улице мразь и холодина. Такой климат, что поделаешь? Рады бы перенести сюда сочинские пейзажи, но это дело — отдаленного будущего. Заходите, и ты, Федор Семенович, заходи. Все в бегах и заботах?

У безостановочного Силантьева был совсем другой голос, не тот, что звучал за дверью. На октаву выше, дробней, оживленней. Подталкивая Шубина в спину, он ввел его в кабинет, где стоял обязательный стол буквой «т» для посетителей, а в стороне длинный, по десять стульев с каждой стороны, под зеленой скатертью — стол для заседаний. Над столом висел отретушированный портрет М. С. Горбачева, а в шкафу, занимавшем всю стену, стояли тома собрания сочинений В. И. Ленина, а также размещались медали, скульптурки и вымпелы.

Силантьев был демократичен, он усадил Шубина за длинный стол, сам сел рядом, показал жестом Николайчику, где ему поместиться.

— Чай,— сказал он,— живительный напиток. Вы на западе и не знаете, как его пить надо.

В приоткрытую дверь было слышно, как звенит посудой Вера Осиповна.

— Пока еще индийский есть,— доверительно сообщил Силантьев.— Но с нового года закрываем распределитель, все товары ветеранам и в торговую сеть. Социальная справедливость. Если посетите нас в следующем году, буду угощать грузинским.

— Может, к тому времени индийского чая хватит на всех? — вставил Шубин.

— Любопытная мысль. А у вас там есть сведения? Надо расширять закупки. Наверное, вы обращали внимание, что нас, так сказать, командировочных со стажем, всегда больше всего шокирует за рубежом не то, что у них шмотки на каждом шагу. Это привычно и нас не так уж касается. А вот продовольственное изобилие! Я недавно был в Кельне. Вы бывали в Кельне?

— Приходилось.

— Заглянул я там в чайный магазинчик, как раз напротив нашей гостиницы. По крайней мере, сто сортов чаю, я не преувеличиваю. И дешево, черт их побери. Я, знаете, чуть ли не половину командировочных ухлопал — всем привез. Да что деньги беречь — все равно копейки дают.

Вера Осиповна принесла чай и печенье на тарелке.

— Спасибо,— сказал Силантьев.— Живем мы скромно. Если бы заглянули в наш обыкновенный магазин, увидели бы, что у нас даже масло по талонам. Стыдно, стыдно людям в глаза смотреть. Но пока у нас нет изобилия, мы компенсируем его справедливостью. Помните, Вера Осиповна, какой я в апреле чай привез из ФРГ?

— Замечательный чай,— вздохнула Вера Осиповна.

Силантьев обернулся к Николайчику, который грел пальцы о чашку.

— Надеюсь, ты разработал программу нашему гостю? Твой долг обеспечить максимальную аудиторию — пусть люди встретятся, поговорят, послушают очевидца. Мы обязаны вести пропаганду на самом высоком уровне.

Николайчик вытащил из верхнего кармана пиджака еще более измявшуюся бумажку и вознамерился ее зачитывать, но Силантьев отмахнулся:

— Верю, верю, знаю, пашешь, сил не жалеешь! Хорошие у нас местные кадры. Беречь надо, а мы не бережем. И платим недостаточно, и жилищная проблема находится в процессе решения.

— Василий Григорьевич,— сказал Николайчик,— вы обещали для нашего «Москвича» резину выделить. Помните?

— Что? Какую резину?

— Когда академик приезжал. Мы здесь сидели.

— Ну и хитрец ты, Николайчик, ну и хитрец! Знаешь, когда подкатиться к начальству. Сделаем, завтра Нечкину позвони.

Чай был хороший, крепкий.

— Как устроились? — спросил Силантьев. — Гостиница у нас обычная, но чисто. Правда, чисто?

Шубин хотел было сказать о мыле и туалетной бумаге, но сдержался. Откуда Силантьеву взять эту проклятую туалетную бумагу?

— Чисто, — сказал Шубин. — Только вода у вас не очень.

— Что? Вода? Какая вода? — Силантьев будто выпустил на секунду из себя другого человека, с начальственным голосом, настороженного и готового к борьбе. И тут же спохватился, загнав внутрь. — У нас много проблем. Много. Вот Федор Семенович как старожил помнит — какая вода у нас была! А в речке — каждый камешек! На любую глубину. Я ведь сам местный, из Плутова, так мы мальчишками вот таких сомов вытаскивали... Прогресс. Губим мы природу, не жалеем. Любую газету откроешь — что видишь? Уничтожение природы. Вот сейчас был у меня Гронский, директор нашего химзавода. Детище второй пятилетки. Вроде бы он мой друг и соратник, а с другой стороны, у нас с ним происходят большие споры. На него министерство давит — план! Нужна стране химия? Отвечаю — нужна! Но не за счет здоровья людей. Моя позиция беспорна.

— А позиция завода? — спросил Шубин.

— В целом — конструктивная. Если будет у вас время, отвезем на очистные сооружения! В два с половиной миллиона обойдутся. Вернем воду нашей реке! Только не поддаваться панике и не прислушиваться к демагогам. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал Шубин.

— Мы от вас ничего не скрываем. Но и у меня к вам просьба, товарищ Шубин.

— Пожалуйста.

— У вас свежий взгляд. Объективный. Я вас по-товарищески прошу: если заметите или услышите что-нибудь интересное, или, скажем, тревожное — пожалуйста ко мне! Я готов в любой момент дать разъяснения. Ночью разбудите — я ваш!

Силантьев поднялся.

— Пора идти, товарищи наши уже собрались, ждут с нетерпением человека, который здоровался с госпожой Тэтчер.

Силантьев первым шагнул по просторному коридору, как царь Петр вел сподвижников на строительство Петербурга. Ботинки у него были хорошо начищены. И подкованы. Уши прижаты, пробор уходил на затылок, и там волосы аккуратно и выверенно прикрывали начинающую лысинку.

На лестничной площадке курили две девицы. Они спрятали сигареты за спины. Силантьев сказал на ходу:

— Все в зал, все в зал!

Зал заседаний, некогда актовый зал гимназии, был полон. Двадцать рядов — быстро просчитал Шубин — по четырнадцать стульев. И все заняты. Девяносто процентов — женщины. Сколько же человек здесь трудится?

Некоторые начали подниматься, как перед уроком, другие принялись аплодировать. На сцене стояли три стула и микрофон. Силантьев энергичным жестом остановил аплодисменты и подошел к микрофону.

— Среди нас, — сказал он, — находится известный журналист-международник, корреспондент газеты «Известия» Юрий Сергеевич Шубин.

Последним словом он вызвал в зале аплодисменты, причем именно такой мощности, что их можно было остановить новым движением руки.

Подходя к микрофону, Шубин краем глаза увидел, как Силантьев усаживается на стул за его спиной, чтобы вместе с товарищами по работе прослушать увлекательный рассказ московского лектора, который не пожалел времени, оторвался от своих важных дел ради сотрудников городского аппарата.

Потом, уже в середине лекции, Шубин снова кинул взгляд назад, но там был лишь Николайчик — весь внимание. Стул Силантьева был пуст.

Слушали так себе, и чем дальше, тем громче становилось шуршание в зале. Шубин не был профессиональным лектором и на каком-то очередном повышении шума смешался, забыл, о чем надо говорить и, совершенно очевидно, с силой провидца, заглянувшего в коллективную душу аудитории, понял, насколько безразличны аргентинские и бразильские проблемы и даже выборы президента в США для тех, кто сидел в зале, надеясь, что лектор уложится минут в сорок и можно будет уйти с работы пораньше. Но этот московский лектор — еще относительно моло-

дой и внешне интересный, хоть и небольшого роста — все говорит и говорит и не соображает, да и как ему, сытому москвичу, сообразить, что еще надо бежать в прачечную, идти за ребенком в детский садик, а автобус набит и в магазине вечерняя очередь.

— А теперь я хотел бы, чтобы вы мне задали вопросы,— услышал Шубин собственный голос, что его удивило, потому что он настолько отвлекся, читая мысли слушательниц, что забыл о себе и не слышал конца лекции, видно гладкого и ожидаемого, потому что никто в зале не заметил раздвоения лектора.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Шубин мог позволить себе сказать: «Раз вопросов сегодня нет, то я хотел бы поблагодарить вас за внимание...» И тут поднялся сурового вида ветеран с орденскими планками и начал прокашливаться. И по залу, мгновенно охваченному негодованием к человеку, остановившему благоприятное течение событий, прокатился свирепый гул, на что Николайчик, увидя, что наступил его час, вскочил и громко произнес:

— Товарищи! Лекция еще не закончена. Каждый получит возможность задать вопрос.

Словно и в самом деле шум возник от неумемного желания чиновниц засыпать Шубина вопросами.

— Нельзя ли уточнить, и поподробнее, товарищ лектор,— прогудел ветеран,— взаимные позиции Англии и Аргентины касательно Фолклендских, или Мальвинских, островов.

Зал послушно примолк, а Шубин покорно и слишком подробно принялся объяснять людям, которым и во сне не приснятся Фолклендские острова, как они были аннексированы Великобританией.

Зал шуршал, шептался и надеялся, что другого активиста не найдется. Но нашелся. Правда, в несколько ином облике.

Когда человек с планками начал прокашливаться, подготавливая новый вопрос, резко вскочила женщина, из породы крикливых, простоволосых любительниц правды-матки.

— Вы нам вместо Аргентины скажите,— выкрикнула она,— как в Москве обстановка с водой? Долго еще будем детей травить?

Зал сочувственно зашумел. Шубин не знал, что ответить, но ответил Николайчик.

— Я просил,— грозно сказал он,— задавать вопросы

по сути дела, а не отвлекаться. И если вопросов по сути нет, то Юрий Сергеевич закончил лекцию.

В зале сразу стали вставать, потянулись к дверям, загалдели, и ни один человек не взглянул более на сцену.

Николайчик был огорчен.

— Не ожидал такого выпада в этих стенах. Но вы не расстраивайтесь. Вечером будет совсем иначе, люди за свои деньги придут.

— Я не сомневаюсь,— сказал Шубин.

Шубин попал в поток женщин, они расступались, одна сказала спасибо, что приехали. Чья-то рука дотронулась до его пальцев — Шубин почувствовал, что ему передают сложенный лист бумаги. Хотел положить его в карман, но Николайчик заметил и спросил:

— Что это вам дали?

— Записку,— сказал Шубин.

— Можете отдать ее мне,— сказал Николайчик.— Вам она не нужна.

— Не беспокойтесь,— сказал Шубин.— Я собираю записки.

До вечерней лекции в ДК «Текстильщик» оставалось еще часа три. «Москвича» не было. Шубин сказал, что дойдет до гостиницы сам. Николайчик обрадовался — сказал, что жена ждет обедать, а его язве нужна диета. И они попрощались.

Возвратясь в гостиницу, Шубин попросил у горничной чаю, достал купленную утром булку и устроил себе скромный диетический обед. Потом вспомнил о записке и достал ее из кармана.

Там было написано:

«Как можно рассуждать о Мальвинских островах, когда у нас в городе такое тяжелое положение, но обратиться совершенно некуда. Скажите, чтобы к нам прислали корреспондента. Городу буквально угрожает опасность, она исходит от деятельности химзавода и биокомбината. В один прекрасный день они устроят у нас эпидемию, а пока они медленно убивают наших детей, но никто не обращает внимания».

Подписи не было.

Шубин оставил записку на столе. Городов, где плохой воздух и вонючая вода, немало. Все на свете относительно: ему, Шубину, хочется снова пожить в Швейцарии, а этим людям Москва кажется недосягаемым раем.

Он подошел к окну. Темнело. По небу, озаренному

розовым зимним закатом, тянулись горизонтальные полосы неестественного анилинового цвета.

В комнате было душно, Шубин, забыв о городских ароматах, приоткрыл окно. Потом захлопнул его.

Шубин решил вздремнуть.

Проснулся он от того, что в комнате стояла Эля.

— Что? — спросил Шубин, открывая глаза.— Пора?

— У вас лицо выразительное, — сказала Эля.— У меня брат художник, Гера, на кладбище работает, на плитах вырезает буквы и венки. Хотите, к нему поедем, он вас нарисует, лады?

Шубин рассмеялся. Он вскочил, стараясь сделать это легко и молодо. И сразу оказался рядом с Элей — номер был мал. Она подняла глаза и посмотрела на Шубина внимательно и серьезно. Руки сами притянули ее за плечи. Эля послушно сделала шаг вперед. Ее губы чуть разошлись, как бы ожидая поцелуя, и поцелуй получился долгим, как будто не первым, а тем, десятым, сотым, от которого одно движение до близости. Рукам Шубина было неловко прижимать к себе скользкую кожу куртки.

Эля вдруг оттолкнула Шубина. И сказала, будто процитировала:

— Не время и не место.

Сам поцелуй не вызвал в ней удивления или сопротивления.

— Извини, — сказал Шубин.

— А чего извиняться. Я заводная. Если бы не кожан, вы бы почувствовали. Пошли, а то Федор Семеновича инфаркт хватит.

Она пошла к двери первой, Шубин натягивал аляску и смотрел на волосы Эли, очень густые, черные, прямые. Восточные волосы. А лицо русское.

— Волосы у тебя красивые, — сказал Шубин, выходя в коридор.

— Это раньше были красивые, — сказала Эля.— Я химию делала. А когда на машинё стала работать, обрезала. И не жалко.

Дежурный с красной повязкой у двери поднялся, когда Шубин поравнялся с ним. Открыл дверь. Какое тупое, злое лицо, подумал Шубин.

— Он всегда так? — спросил Шубин.

— Ну что вы! Он в людях разбирается. Другого и не заметит.

— Или его предупредили?

— О чем предупредили?

— Что приехал ревизор, остановился в гостинице.
— Да какой вы ревизор?
— Вот и я говорю. А что, непохоже?
— Ревизоры разные бывают. Если вы ревизор, то секретный. Но вы даже не секретный.

— Почему?

— А потому что целоваться с шофершей не полезли бы. Ревизоры свое место ценят. Если надо, им доставят какую следует. Без риска. С керамическими зубами.

Шубин улыбнулся.

Он сел рядом с Элей на переднее сиденье. Она долго заводила машину, мотор взрывался шумом и тут же замолкал.

— А еще ревизоры, даже секретные, не садятся рядом с водителем,— сказала она поучительно.— Люди на мелочах попадают.

— Как шпионы,— сказал Шубин.

Он смотрел на ее профиль, который ему очень нравился. Он был четкий и логичный.

— Не смотрите,— сказала Эля.— А то никогда не заведу.

Машина все же завелась и, разбрызгивая снежную жижу по асфальту, развернулась к центру.

— Расскажи мне про общество защиты природы.

— Про зеленых?

— Они себя так зовут?

— Нет, это их так зовут. У нас в городе сейчас обществ посоздавалось — не представляете. Я даже не все знаю и разницу не понимаю. Есть «Память», потом «Мемориал», эти хотят памятник жертвам сталинских репрессий ставить, потом «Отечество» и еще «Родина». Ну, конечно, «Зеленые», а в пединституте — политический клуб. Смешно, правда?

— Это везде происходит,— сказал Шубин.

— У вас это, может, и серьезно, а у нас их всерьез никто не принимает. Все равно власть не у них.

— А ты сама принадлежишь к какому-нибудь обществу?

— Вы с ума сошли! Мне работать надо. Митьку кормить.

— Кого?

— У меня сын есть, в садик ходит.

— Вот не думал...

— Мне уже двадцать пять, вы что думали? Девочка?

— А муж? — Шубину стало неловко — командировочный козел! Мужчина в сорок лет...

— Не беспокойтесь...— улыбнулась Эля.— Нет у меня мужа. В Томске мой муж строит новую семью. Выгнали мы его с Митькой. Так что я женщина свободная, люблю кого хочу.

Эта бравада была Шубину неприятна.

— Мне бы от полочки до полочки прокрутиться, не до фарфоровых зубов. Я у Федора Семеновича как личный лакей — туда, сюда, подай, привези. На себя некогда пахать. Вот и крутимся на полторы сотни в месяц.

— А он помогает ребенку?

— Он бы себе помог.

«Москвич» резко затормозил у подъезда безликого желтокирпичного клуба. Машину занесло по грязи. Эля матюкнулась сквозь зубы. Может быть, нечаянно, а может, специально для Шубина.

— Идите,— сказала она.— Вас в дверях встретят.

Она осталась в машине и не смотрела на Шубина, будто была обижена.

Шубин поднялся по лестнице. Суетливая женщина в школьном платье с белым кружевным воротничком ждала его у вешалки.

— Вам не здесь раздеваться,— сказала она.— Вам, Юрий Сергеевич, в кабинет директора.

Сейчас скажет, подумал Шубин, что видела меня позавчера по телевизору.

Но обошлось. Они прошли через буфет, где стояла длинная очередь. Шубину было ясно, что этим людям никак не управиться до начала лекции. Они будут входить и стучать стульями во время ее. В кабинете директора было натоплено, на столе стоял чай и домашние пирожки, которые, как выяснилось, испекла женщина в школьном платье. Николайчик уже восседал за столом и жевал бутерброд с ветчиной.

— Подкрепитесь,— сказал он наставительно.

— Уже надо идти.

— Подождут.

Шубин хотел было возразить, но тут понял, что страшно голоден и совершенно неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Пригласили, велят по кабинетам, а чтобы покормить — это в голову не приходит.

Он уселся за стол и стал жевать бутерброд. В кабинет заглядывали какие-то люди, будто узнали, что привезли редкое животное. Скорей бы домой. Вода в жидком чае противно пахла. Шубину показалось, что этот запах будет теперь преследовать его везде.

— Вода у нас, можно сказать, целебная,— сказал Николайчик.— Я смотрел сводку — по химическому составу она содержит многие полезные микроэлементы. Правда, приходится жертвовать вкусовыми данными.

— Лучше бы без микроэлементов,— сказал Шубин, и Николайчик послушно засмеялся.

Зал был почти полон, и это немного примирило Шубина с жизнью. Он сел за столик рядом с Николайчиком, который принялся по бумажке вычитывать краткую биографию гостя. Звучало солидно. Шубин хотел найти в зале Элю, но свет в зале был притушен, только первые ряды на свету. Если она пришла, она где-то у выхода. Нет, сказал себе Шубин, она сейчас пользуется возможностью подрабатывать. Ловит клиентов на вокзале.

Шубин старался говорить интересно, ему надо было почувствовать зал. Важно почувствовать, что тебя слушают. Зал был благожелательный. Люди купили билеты, то есть сознательно отдали ему вечер, и Шубин честно хотел отработать полтинник, который каждый из них заплатил.

Слушали хорошо, потом были вопросы. Так как зал был велик, вопросы передавали в записках из ряда в ряд, а потом мальчик, сидевший в первом ряду, бежал к сцене, поднимался на цыпочки и клал их в картонную коробку, что стояла на краю сцены. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию записок, нес к столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая на две стопки, — та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой у Николайчика, предназначалась черт знает для чего.

Шубин отвечал, поглядывая на все растущую стопку под рукой Николайчика, и его подмывало вытащить записки у организатора. Ему было неприятно, что кто-то решает за него.

Когда Николайчик в очередной раз отошел, Шубин протянул руку к забракованным запискам и спросил в микрофон:

— А на эти отвечать можно?

В зале засмеялись. Потом раздались аплодисменты.

Николайчик вернулся к столу и сказал не в микрофон:

— Это все повторения. Те же вопросы. Я не хотел ваше время отнимать.

Шубин не поверил ему и потянул записки к себе. Николайчик сдался, но добавил при этом:

— Но есть такие, которые к вам не относятся.

— А вот это мы сейчас и посмотрим,— сказал Шубин в микрофон.

— Читайте, читайте! — кто-то крикнул из зала.

Шубиным владело сладкое мстительное чувство презрения сильного к провинциальному бюрократу, который посмел поднять руку на его свободу.

Он раскрыл верхнюю записку и прочел ее вслух:

— «Вы женаты?»

Зал после короткой паузы расхохотался. Даже Николайчик смеялся удовлетворенно. Шубин сказал:

— Это к делу не относится.— Ответ был неудачен, и зал продолжал смеяться.

Шубин достал другую записку:

— «Как решается проблема с нитратами в овощах в других странах?» — Шубин начал отвечать, и зал слушал зачарованно, так как это всех интересовало. Шубин поглядывал на Николайчика, который нервно зевал. Ему очень хотелось кончить эту лекцию, но Шубин в союзе с залом продолжал его злить.

Следующая записка:

— «Какие меры принимаются в Японии или Америке по отношению к заводам, травящим население? А то у нас химзавод и биокombинат травят нас как мышей. А разве мы полевые вредители?»

— Это провокационный вопрос и не имеет отношения к международной обстановке,— сказал Николайчик, и зал зашумел.

— Ничего,— сказал Шубин.— Я отвечаю. Как я понимаю, эта проблема остро стоит в вашем городе.

— Еще как! — крикнули из третьего ряда. Шубин поглядел в ту сторону и увидел сидевших рядом борода того Бориса и очкастую Наташу из книжного магазина.

— Помимо государственных органов, которые обязаны следить за окружающей средой и которые независимы от местных властей, в европейских странах существуют сильные общественные организации, которые могут влиять на производителей. Губить природу предприятиям там стало экономически невыгодно. Слишком дорого это обходится.

— А у нас он платит из государственного кармана! — крикнул Борис, поднимаясь, словно в Римском сенате, и указывая перстом на неизвестного Шубину человека в черном костюме, который сидел в первом ряду.

— Спокойно! — кричал в микрофон Николайчик. — Спокойно, товарищи! Мы не на базаре!

Человек в черном костюме поднялся и пошел к выходу.

Борис с Наташей из книжного магазина ждали Шубина у выхода. Шубин знал, что они будут его ждать. После ухода человека в черном костюме, оказавшегося «товарищем Николаевым», ввергнувшего Николайчика в глубокое прискорбие, вечер быстро закруглился, так как Николайчик пошел на предательский шаг, сразу выбивший почву из-под ног общественности. Он встал и громко напомнил собравшимся, что после лекции намечен британский кинофильм, а механик не может ждать до полуночи. Шубину бы обидеться, но стало смешно, и к тому же он уже понял, что Борис с Наташей будут его ждать. Еще несколько минут назад он и не помнил об их существовании, да и не трогали его их заботы. Не потому что Шубин был особо бездушен — он был равнодушен в меру, фаталистически полагая, что химзавод и дальше будет травить воздух, пока не прорвется этот город со своими бедами на телевидение или в центральную газету, тогда придет какая-нибудь комиссия, и фильтры в конце концов построят.

— Значит, так, — сказал Николайчик, когда они вышли за кулисы, — в будущем нам с вами придется быть несколько осторожнее.

Он уже овладел собой и старался быть дипломатичным.

— Я не совсем понимаю, — сказал Шубин. — Мне кажется, что встреча прошла интересно.

— Юрий Сергеевич! — сказал Николайчик. — Вы приехали, вы уехали. Нам здесь оставаться. Обстановка напряженная, есть провокационные элементы, которые совершенно не думают о реальных интересах города. Легко быть крикуном. Сложнее — созидателем.

— Вы серьезно?

— Я не сторонник демагогии, — сказал Николайчик твердо. — И не нам с вами решать, как помочь моему родному городу. Есть более решительные силы. А этим силам ставят палки в колеса. Неужели вы думаете, что Василий Григорьевич не принимает близко к сердцу то, что происходит?

— Значит, митинга завтра не будет? — спросил Шубин.

Они зашли одеться в кабинет директора, где к ним кинулась женщина в школьном платье и принялась благо-

дарить Шубина за замечательную лекцию. Она пошла их провожать, но Шубин и Николайчик быстро пошли вперед, и женщина не посмела держаться рядом.

— Что вы знаете о митинге? — спросил Николайчик.

— Все о нем говорят.

— Вот это лишнее. Все не говорят. Вы получили эту информацию со стороны. И даже интересно, откуда.

— Так будет или не будет?

— Я не милиция, — сказал Николайчик. — Но хотите знать мое личное мнение?

— Я его знаю.

— Да?

— Вы бы на месте Силантьева обязательно запретили этот митинг, который не отвечает высоким интересам города и нашего социалистического государства в целом.

— Примерно так, — согласился Николайчик. — А вы со мной не согласны?

— Категорически.

— Интересно, это ваше личное мнение?

— Нет, — ответил Шубин. — Я его согласовал в Москве.

Николайчик проглотил слюну. За спиной тихо ахнула женщина в школьном платье. Они уже вышли в вестибюль. Шубин увидел открытую дверь в буфет. Там все так же стояла длинная очередь.

Николайчик резко обернулся к женщине в школьном платье:

— Простите, я забыл позвонить в клуб химзавода о завтрашнем выступлении. Где телефон?

— Я вас провожу.

— Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик официальным голосом. — Если вы согласитесь подождать три минуты, буквально три минуты, я вас завезу в гостиницу.

— Не беспокойтесь, звоните спокойно, — сказал Шубин. — Ведь не исключено, что завтра клуб химзавода закроется на ремонт.

— Как так?

— И моя лекция будет отменена по техническим причинам. Так бывает.

— Я бы этого не хотел.

— До свидания. Я пойду пешком.

Николайчик засуетился. Он разрывался между долгом отвезти домой Шубина и чувством долга, велевшим доложить кому следует о странной фразе московского журналиста.

Шубин пошел к двери, но Николайчик догнал его.

— Я хотел сегодня вас пригласить к себе,— сказал он,— но моя жена прихворнула. Если позволите, давайте перенесем нашу встречу на завтра. Жена мечтает с вами познакомиться.

— Разумеется,— сказал Шубин.— Я буду счастлив.

Борис и Наташа ждали его у выхода. С ними еще два человека.

— Мы хотели бы с вами поговорить,— сказала Наташа.— Вы извините, если вы устали.

— Одну минуту,— сказал Шубин.

Эля стояла возле машины. Шубин подошел к ней.

— Я пойду до гостиницы пешком,— сказал он.

— Я была в зале,— сказала Эля.— Вы интересно выступали. А где Федор Семенович?

— Я ему сказал, что у меня особое задание. Из Москвы.

— Он звонить побежал? — сказала Эля.

— Ты его хорошо знаешь?

— Как же не знать! Третий год с ним работаю. Только вы на него не сердитесь. Он от них зависит.

— Я ни на кого не сержусь. У тебя телефон дома есть?

— Нет. А зачем?

— Я думал позвонить тебе вечером. Попозже.

— Позже некуда. Девятый час.

— Ну тогда до завтра.

— Вы с ними гулять пойдете?

— До гостиницы.

— Тогда идите скорей. А то Федор Семенович сейчас выскочит, увидит вас в такой компании — испугается.

— За меня?

— За себя. Чего ему за вас пугаться? Вы сами за себя пугайтесь.

— Спасибо за предупреждение.

— Долго не гуляйте,— сказала Эля.— У нас беспокойно. На химии эки расконвоированные работают. А у вас куртка импортная.

Шубин поспешил к четверем темным фигурам, стоявшим возле выхода.

— Пошли?

Борис был без шапки — его космы и не уместились бы под шапку. Два других человека представились ему. Один был пожилой, с бородкой клинышком. Такие бородки давно не в моде — они неизбежно вызывают представление о владельце, как о человеке с оппортунисти-

ческими взглядами. В революционных фильмах владельцы таких бородок предают дело рабочего класса. Бородку звали Николаем Николаевичем Бруни. Второй, молодой, в ватнике и железнодорожной фуражке, буркнул что-то, протягивая Шубину жесткую ладонь, Шубин не разобрал имени.

Они спустились к пустому скверу.

— Мы хотим вам нашу реку показать,— сказала Наташа.

— Только давайте договоримся с самого начала, чтобы не было никаких неожиданностей,— сказал Шубин.— Я не агент Москвы, не тайный ревизор. Это все недоразумение.

— А мы и не думали,— сказал Борис.— Это те, кто боятся, они легко верят всякой чепухе. Вы типичный благоустроенный международник. Наверно, «вольво» привезли?

— У меня «Жигули»,— сказал Шубин без обиды.

— Боря, не цепляйся к человеку,— сказала Наташа.

Начало подмораживать, было скользко. Они миновали сквер, уставленный мокрыми черными стволами. Две или три лампочки на столбах горели, остальные перегорели или были разбиты. По краю сквера тянулась тропинка, от которой шел скат к неширокой речке. От нее плохо пахло.

За речкой тянулись темные склады. Дальше торчали усеянные светящимися квадратиками жилые башни, а за ними несколько труб, изрыгавших в беспокойное небо светлые клубы дыма.

— Это не вода,— сказал Бруни.— Это жидкость замедленного действия.

Вода в реке была черной, но странно отражала огни домов и завода на том берегу — они мерцали в воде, потому что по ее поверхности плыли обрывки желтоватого, почти прозрачного тумана.

— Это еще что такое? — спросила Наташа, и все ее сразу поняли.

— Я постараюсь прийти сюда завтра,— сказал Бруни,— чтобы разобраться.

— И пахнет иначе,— сказал Борис.— Еще гаже, чем всегда.

— Это у тебя нос слишком большой,— сказал парень в ватнике.

— В самом деле — пахнет иначе,— подтвердил Шубин.— Я тут человек новый, еще не принялся.

Запах был тревожным и удушающе мертвым. Даже

нельзя было сказать, насколько он неприятен, потому что ноздри отказывались пропускать его в легкие.

— Наша беда в том,— сказал Бруни,— что инспекция и химики отказываются изучать сбросы в сумме воздействия, во взаимной активности. Сброс может быть умеренно гадким сам по себе и убийственным в соединении с каким-то вполне нейтральным веществом.

— Пошли отсюда,— сказала Наташа и закашлялась.

Когда они вернулись в сквер и дышать стало легче, Шубин спросил:

— Но почему вы не пишете, не скандалите?

— Завтра будем снова скандалить. А нас разгонят,— сказал парень в ватнике.— Я уже отсидел пятнадцать суток.

— За что?

— Они узнали, что я у брата на свадьбе был. На обратном пути подстерегли. Пьянство и хулиганство.

— Я уверен, что наши письма и обращения доходят,— сказал Бруни.— Но потом, как у нас положено, их отправляют снова на круги своя — в обком, к нам в город, на завод. И получаем отработанные тексты. У нас выработалась замечательная система медленного нереагирования.

Они отвели Шубина в маленькое, жаркое, набитое народом кафе. В углу гремел телевизор, показывая видеофильм про Микки Мауса. Парень в ватнике сумел вытеснить с одного из столиков девчужек с дикими прическами. Наташа с Борисом принесли жидкий, но горячий кофе.

— Кофе приходится класть втрое больше,— сказал Бруни,— чтобы отбить у воды этот вкус.

— Я его убью,— сказал Борис.

— Кого?

— Главврача городской больницы. Он выступил со статьей, где доказал, что сочетание микроэлементов в нашей воде полезно для здоровья.

— Я уже слышал об этом,— сказал Шубин.

— От Николайчика? — спросила Наташа.

— Здесь все друг друга знают?

— Нет, далеко не все, но есть ряд известных фигур,— сказала Наташа.— Например, Боря.

И Шубин уловил в ее голосе нежность. Неужели можно испытывать нежность к этому чудищу?

— Наш город численно разросся,— сказал Бруни.— В нем более ста пятидесяти тысяч человек. Но это в основном жители заводских районов — стандартных кварталов.

Вы их видели, когда с аэродрома ехали. И шанхайчиков, где обитают бичи, бомжи и прочая подобная публика.

— А еще зона,— сказал Борис.

— К сожалению, на заводах мало интеллигенции,— сказал Бруни.— Большею частью это люди случайные. Они не укореняются здесь. Да и не хотят. Город невыгодный. Коэффициентов нет, климат паршивый, вонь, скучно, холодно. Стараются уехать.

— Нет, ты не прав, есть хорошие ребята. На биокомбинате политический клуб организовали,— сказала Наташа.

Шубина начало клонить в сон. Тепло, душно, перед глазами прыгает Микки Маус. Обычные милые, несчастные люди, которые хотят что-то сделать, но сделать не могут. А завтра их разгонит милиция. И поделом, не вставай на пути сильных мира сего...

В самом деле Шубин так не думал. Он как бы проигрывал чужую, не свою роль, за неимением своей... Он уедет, они останутся.

— А что, становится хуже? — спросил Шубин, потому что от него ждали вопроса.

— Разумеется. Все процессы такого рода необратимы. Если их не пресечь, они дают лавинообразный эффект,— сказал Бруни.

— Николай Николаевич работает в пединституте,— сказала Наташа.— Он биолог.

— Вы читали про Чернобыль? — спросил Бруни.— У нас тоже были случаи выпадения волос. Родители напуганы.

— И что же?

— Наши медики считают, что таких случаев нет. Все в пределах нормы.

— Еще кофе будете? — спросила Наташа.

— Нет, спасибо,— ответил Шубин. Он вспомнил, что в чемодане у него початая банка бразильского кофе. Вернется, выпьет.

— Положение ухудшается,— сказал Бруни. У него была манера осторожно пощипывать себя за конец бородки, будто пробуя ее на крепость.— Первый фактор,— продолжал Бруни,— введение в строй третьей очереди на биокомбинате. Они так спешили, что добились отсрочки ввода очистных сооружений до весны. А существующая система не справляется.

Бруни говорил ровно, тихо, Шубин подумал, что на его лекциях все спят. Особенно если это первая лекция, за

окном еще полутемно, в аудитории уютно и тепло. И все спят.

— Второй и важнейший фактор — стоки комбината и стоки химзавода перемешиваются в бывшем озере...

— Именно в бывшем. Лет десять назад в нем еще купались, — сказала Наташа. — Знаете, как оно называется? Прозрачное. Честное слово, это как издевательство.

Бруни терпеливо дождался, пока Наташа замолчит, и продолжал:

— Бряд ли вам, как неспециалисту, что-либо даст перечисление тех компонентов, которые, вступая между собой в возможную реакцию, дают куммулятивный эффект. Достаточно знать химию в объеме вуза, чтобы понять, насколько это может быть опасно. Представьте себе...

Бруни начал пальцем рисовать на столе направление стоков к озеру и называть химические соединения, которые определенным образом реагируют друг с другом. А Шубин представил себе, что он сидит на той самой утренней лекции, а Бруни стоит где-то далеко, на трибуне, и голос его долетает издалека. Все тише и тише...

Только бы никто из них не догадался, что он засыпает. К счастью, все слушали Бруни и не глядели на Шубина.

— Это может случиться сегодня, завтра, через неделю. Но случится обязательно, — закончил лекцию Бруни.

— Но если вы считаете, что положение такое опасное, — сказал Шубин, просыпаясь, — почему вы не послали телеграмму, письмо...

— Есть указание: не выпускать порочащую информацию из города, — сказал Борис.

— Передайте письмо с проводником поезда.

— Письмо без убежденного человека — полдела.

— Так поезжайте в Москву.

— Нас никто слушать не будет.

— А кого будут?

— Вас, Юрий Сергеевич! — воскликнула Наташа.

— Но почему же?

— Вы известный журналист! У вас друзья в газетах, на телевидении! Вы обязаны нам помочь!

Шубину не хотелось спорить — в полутьме эти люди казались группой не совсем нормальных заговорщиков, которые обсуждают с приезжим эмиссаром взрыв городской думы. Чепуха какая-то...

— У вас получается, что городом правят изуверы, — сказал Шубин.

— Ни в коем случае, — сказала Наташа. — Они поставлены в такое положение обстоятельствами.

— Гронскому нужен план,— сказал парень в ватнике.

— Его в Москву зовут, главк дают в Москве. Ему надо уехать победителем,— добавил Борис.

Шубин кивнул. Возможно.

— У Силантьева шестидесятилетие,— сказала Наташа.— Он хочет получить орден.

— У других тоже всякие соображения,— сказал парень в ватнике.— Николаев с биокомбината, которого Боря на вашей лекции обидел, хочет спокойной жизни.

Правдоподобно, конечно, все это бывает — и ордена, и перевод в Москву. Но мои друзья склонны к преувеличениям, думал Шубин. У нас в стране нет пока общественных движений или даже клубов по интересам. Все немедленно приобретает элемент религиозной секты. Секта сыроедов, секта водопитов, секта любителей собирать малину. Вокруг меня очередная маленькая секта — они объединены противостоянием «машине», по-своему отлаженной и сплоченной. Чем острее противостояние, тем слаще терзаться мученичеством. Конечно же — это ранние христианские мученики! И если завтра их выкинут на съедение дружинникам, они пойдут на смерть с определенной гордостью.

— Не думайте, что мы преувеличиваем,— сказал Бруни.

— Я не думаю.

— По глазам видно, что думаете. Мы имеем дело не со злым умыслом, даже не с аппаратно-промышленным заговором, а с сетью побуждений, поступков и интересов, которые в сумме угрожают нашему городу.

— Притом они сейчас страшно нервничают,— сказала Наташа.— Завтра должен состояться наш митинг. Придут люди. Надо разгонять.

— И тут приезжаете вы,— сказал парень в ватнике.

— Я совершенно ни при чем,— сказал Шубин.

— Мало ли что? У всех перепуганных людей развито воображение,— сказал Бруни.— А вдруг до Москвы что-то дошло? А вдруг вы получили тайное задание проверить, как здесь пахнет воздух. Черт вас знает.

— Спасибо. Но они ошиблись.

— Мы тоже думаем, что они ошиблись,— согласился Бруни, дергая бородку за хвостик.

— С первого взгляда видно, что перед тобой благополучный международник с телевизора,— сказал Борис.

— Что вам далось мое благополучие?

— Бедных всегда раздражает богатство,— сказал Борис.— Из-за этого было столько революций!

— А я думал, что не я — ваш главный враг.

— А я думаю,— повторил Борис начало шубинской фразы,— что живи вы здесь, то были бы с ними. Вообще, вы очень похожи на редактора нашей газеты.

— Мне уйти? — сказал Шубин.

Ему и в самом деле хотелось уйти.

— Не надо всерьез обижаться на Бору,— сказал Бруни.— Его несдержанность — его беда. В побуждениях он чист.

— В самом деле пора,— сказал Шубин.

Он встал. Остальные покорно поднялись, и в их молчании были укор и разочарование. Шубину стало неловко.

— Значит, вы хотите, чтобы я завтра пришел на митинг? — спросил он.

— Нет, это не главное,— обрадовалась Наташа.— Главное — чтобы вы взяли письмо в Москву и отдали его честному журналисту.

Они проталкивались к выходу. Кафе было полно. Вокруг толпились подростки, одетые и причесанные с провинциальной потугой на телевизионную рок-моду. Все были заняты друг другом.

— А им и дела нет,— сказал вдруг парень в ватнике, словно угадав мысль Шубина.

Они остановились перед выходом из кафе. Неоновая надпись бросала красные блики на лица заговорщиков.

— Мы вас проводим до гостиницы,— предложил Бруни.

— Далеко?

— Нет, три квартала.

Они повернули направо. Шубин понимал, что одного его не отпустят. Ну что ж, потерпим их общество еще пять минут.

— Мы с вами расстанемся на углу,— сказал Бруни.— Может быть, за вами наблюдают. Вы возьмете письмо?

— Возьму.

— Его передаст вам Наташа, если вы зайдете в книжный магазин.

— Зачем такая конспирация? — улыбнулся Шубин.

— Вы не знаете, наверное,— сказал Бруни,— на что способны испуганные люди, облеченные властью.

— На что же?

— Вас могут скомпрометировать. Это лучший способ избавиться от опасного свидетеля.

— Меня трудно скомпрометировать.

— Трудно? — ухмыльнулся парень в ватнике. — Вот, видишь, ребята идут? Устроят драку. Попадём в милицию, а потом доказывай, что ты не верблюд. Даже фельетон сообразят: «Общественники — хулиганы».

Шубина вдруг кольнул страх. Бывает — ничего не случилось, ничего и не должно случиться, а в сердце неожиданный сбой. Осознание того, что ты очень далек от дома, где твои права кто-то охраняет и можно в крайнем случае кому-то позвонить... А здесь свой мир, и им правят не эти ничтожные, хоть и отважные заговорщики, а уверенный в себе Силантьев и послушный ему Николайчик.

И Шубин стал присматриваться к двум ребятам, что, видно, шли к кафе, и дела им не было до кучки людей, двигавшихся навстречу. Они были в подпитии и чуть покачивались. Поравнявшись с ними, Шубин невольно шагнул в сторону, чтобы не задеть ближнего к нему парня. Парни прошли мимо, ничего не случилось, но гадкое чувство близкого страха осталось.

И тут Шубин услышал сзади голос:

— Сколько времени?

Шедший там, за спиной, Бруни ответил:

— Четверть десятого.

Шубин продолжал идти вперед, не оглядываясь, и следующие слова донеслись издали:

— Ты не уходи, папаша, не спеши, закурить найдется?

— Я не курю, — сказал Бруни.

— Он не курит? — послышался удивленный голос второго парня.

— Отстаньте! — это голос Наташи.

Тогда Шубин обернулся.

Один из ребят тащил за рукав Наташу, второй отталкивал Бруни.

Борис кинулся назад, а парень в ватнике остановил Шубина, который тоже рванулся было на помощь.

Теперь страха не было. По крайней мере, их трое мужчин, даже если не считать Бруни и Наташу.

Второй пьяный отпустил Бруни и встретил Бориса ударом в лицо, которого тот не ожидал. Шубин видел, как голова Бориса дернулась, как он пошатнулся и протянул руку к стене дома, стараясь удержаться на ногах.

— Да погоди ты! — рывкнул Шубин, вырываясь у парня в ватнике и кидаясь на того, кто ударил Бориса. Он ударил его, но удар пришелся в плечо куртки и скользнул,

а пьяный отклонился в сторону и успел бы ударить Шубина, но тут его перехватил парень в ватнике. Они сцепились и превратились в одного темного, толстого, качающегося и рычащего человека, а тот, что держал Наташу, отшвырнул ее в сторону. Наташа упала, и Шубин увидел в его руке нож. Может, даже не увидел — было почти совсем темно, но почувствовал, что у него в руке нож.

— Осторожнее! — крикнул Шубин. — Нож!

Где-то на периферии зрения Шубина замелькало синим, но он не мог обернуться — он смотрел на руку, в которой был нож.

Взвизгнула сирена.

— Милиция! — закричала Наташа.

Шубин видел, как она поднимается с мокрого снега, скользит и тянется на мостовую, поднимая руку, призывая на помощь.

И в этот момент неподвижности парень в ватнике крикнул в самое ухо Шубина:

— Бегите! Там двор! Бегите!

Сирена приближалась. Один из пьяных, тот, что с ножом, начал отступать, но отступал он не спеша, один шаг, другой. И тут Шубин увидел, что он кинул нож, — тот рыбкой блеснул под далеким фонарем и упал у ног Бориса.

Парень в ватнике резко рванул Шубина к стене дома. Шубин упирался, но молчал. Парень был сильнее.

Шубин не понял, как получилось, что он уже стоял в арке, где было совсем темно. И парень в ватнике быстро шептал:

— Поверни направо и выйдешь к гостинице. И прямо в свой номер.

— Но мы ничего не делали.

— Беги, идиот! — прошипел парень в ватнике. — Разве не понимаешь: московский журналист участвует в пьяной драке...

Визжали тормоза. Засвистел милицейский свисток.

— Беги же!

И Шубин послушался. Он побежал в арку, по белому снегу между корявых кустов. Ударился о ствол дерева. Остановился, чтобы понять, куда бежать дальше, и взгляд его метнулся назад, к арке, подобной черной овальной раме для картины: в ней маленькая фигура парня в ватнике отбивалась от милиционера, не пуская его во двор.

И тогда до Шубина дошло, что это все охота, охота за ним, чистым, законопослушным, недавно вернувшимся из Аргентины корреспондентом газеты «Известия».

И он побежал прочь от арки.

Оказавшись шагов через сто в узком переулке, Шубин перешел на шаг, чтобы выглядеть человеком, который от нечего делать фланирует по улицам города, потому что он знал, что именно таким образом обманывают погоню киногерои. Сзади слышались голоса — невнятные, но угрожающие. Улица была пуста, и спрятаться было негде. Напротив стоял одноэтажный дом за высоким деревянным забором. В заборе была дверь. Шубин скользнул внутрь и, прикрыв дверь, прижался к ней всем телом, глядя наружу через узкую щель между досок.

Из двора, который он только что миновал, выбежали два милиционера.

Они бежали тяжело, скользили, шинели путались в ногах. В переулке милиционеры остановились, стали смотреть — сначала направо, потом налево.

Сейчас они посмотрят на забор и догадаются, понял Шубин. Он начал осторожно продвигаться в сторону от двери.

Сзади хлопнула дверь дома. Яркий прямоугольник света упал на снег и достиг ног Шубина. Шубин обернулся. На крыльце черным силуэтом на фоне желтого света стояла женщина. Она прикрывала глаза ладонью, глядяваясь в темноту.

— Это кто там? — спросила она.

А милиционеры слышат, понял Шубин. Они все слышат.

Он чуть было не сказал женщине: «Тише».

Но сдержался. Он неподвижно стоял животом к забору, повернув голову так, чтобы видеть дверь. На улице было тихо. Возможно, милиционеры подкрадываются к калитке.

Вдруг стало темно. Хлопнула дверь. То ли женщине стало холодно, то ли она решила, что шум ей померещился.

Шубин понял, что жутко вспотел. Пот катился по спине и животу. И лоб мокрый. Он провел рукой по лбу и понял, что потерял кепку, отличную английскую кепку. И где — не помнит.

Шубин расстроился. И сам удивился тому, что в такой момент может расстраиваться из-за кепки.

Он снова выглянул в щель. Улица была пуста.

Но это могло быть хитростью милиционеров. Он решил подождать. Он сосчитал до ста, потом принялся считать снова. Сначала до ста потом до пятисот. К третьей сотне он страшно замерз.

Ну и черт с вами, сказал он себе с ожесточением, будто стараясь рассердиться. Он широким жестом распахнул калитку и вышел, мысленно воображая разговор с милиционерами, что выскочат сейчас из-за угла большого дома. «Да, я гулял, я никого не видел, а во двор зашел облегчиться. Простите, у меня слабый мочевого пузырь, а в вашем городе нет общественных туалетов».

Не прерывая этого внутреннего монолога, Шубин вышел на улицу и, мысленно представив план города, направился направо, в сторону вокзала.

Почему-то лицо мерзло. Он снова провел по нему, полагая, что это пот, но пальцам было липко. Бровь над правым глазом была рассечена. Шубин не мог вспомнить, когда это случилось — вроде бы его никто не бил... Он нагнулся, набрал пригоршню снега и приложил снежок к брови.

Шубин долго шел по плохо освещенным переулкам, почти никого не встречая. Город ложился рано, закрывался в своих ячейках у телевизоров.

Затем неожиданно, с непривычной стороны, вышел на вокзальную площадь и увидел гостиницу сбоку, отчего не сразу узнал ее.

Он словно оказался в другом городе — шумном, громящем поездами, шуршащем автобусами и машинами, что подъезжали к вокзалу, перекликающемся голосами. Видно, пришел поезд — на остановках и у стоянки такси толпились люди.

Встретив удивленные взгляды у респектабельной парочки, которая почему-то вышла на вокзальную площадь гулять с пуделем, он вспомнил, что все еще держит у брови снежок. Он отбросил его. Под фонарем было светло — снежок стал розовым.

Шум площади и ее обыденность отрезали кинематографический кошмар драки и бегства, и ему не хотелось думать, что все это было. Ничего не было — даже разговоров в кафе и у вонючей реки. Но как назло от вокзала волной пошел тяжелый ядовитый запах, от которого хотелось зажать нос и спрятаться за дверь, что Шубин и поспешил сделать, повернув к гостинице, кораблем плившей над площадью, — почти все окна в ней светились нерушимостью цивилизации и горячего чая у дежурной по этажу.

Молодой человек с красной повязкой и такой предупредительный днем встал и преградил дорогу Шубину. Тот долго копался по карманам, разыскивая пропуск в гости-

ницу. Подвыпившие, модно одетые юноши оттолкнули его и принялись совать молодому человеку деньги, склоняясь близко и заговорщицки пришептывая.

Шубина совсем оттеснили, и он вдруг испугался, что останется ночевать на вокзале, в чем была доля черного юмора. И в этот момент его заметила Эля, которая сидела в холле и ждала его.

Она возникла за спиной молодого человека с красной повязкой, и Шубин не сразу узнал ее, потому что уже привык к энергичному существу в кожанке и надвинутой на глаза кепке. А Эля была в синтетической дубленке, на плечах белый платок, темные волосы были завиты к концам.

— Этого пропустите,— сказала она громко, и человек с повязкой тут же подчинился, не столько словам, как тону:

— Проходите, товарищ. Вы чего жметесь, гражданин, вы чего там жметесь? — словно Шубин сам был виноват в том, что до сих пор не вошел в гостиницу. Неандертальские глазки дежурного издевались над Шубиным — конечно же, он узнал постояльца.

Хорошо одетые юноши нехотя пропустили его.

В холле было тепло и светло. Эля сразу увидела ссадину над бровью.

— Что с вами? — спросила она. — Вы упали?

— Подрался,— сказал Шубин.

— Ну уж шутки у вас, Юрий Сергеевич.

— А ты что здесь делаешь?

— Я ждала вас, Юрий Сергеевич.

— Ждала? Почему?

— Хотела и ждала. А вы не рады?

— Очень рад. Только не ожидал.

— Значит, я сюрприз вам сделала.

Они стояли посреди холла, возле забытых ремонтниками козлов.

Мимо прошли хорошо одетые юноши, они повернули налево, к приоткрытой двери в ресторан, и, проследив за ними взглядом, Шубин услышал, как ресторанный оркестр настраивает инструменты.

— Что же мы будем делать? — спросил Шубин.

Он был раздосадован, увидев Элю, потому что мечтал о том, как бы забраться в номер и остаться одному, совершенно и абсолютно одному. Очевидно, Эля почувствовала это в его голосе и быстро сказала:

— Я могу уйти. Мне все равно домой пора. Я просто

шла из гаража и думаю — зайду. А вас нету. Вот и решила подождать — мало ли что, город чужой...

— Готовилась искать меня по моргам?

— У нас это бывает, — сказала она серьезно. — А морг у нас один.

— Тогда пошли ко мне, — сказал Шубин.

— В номер?

— Ну не стоять же здесь?

— Нет, в номер не пойду.

— Почему?

— Я по номерам не хожу.

Она сказала это с вызовом, и Шубин улыбнулся.

— Ты уже ходила, — сказал он. — Сегодня у меня была. Даже раза три. И один раз, когда я спал.

— Так это днем. По делам.

Шубин понизил голос и спросил:

— А целовалась тоже по делам?

— Вот поэтому и не пойду, — обиделась вдруг Эля.

— Ну что тогда делать? Мне в любом случае надо умыться.

— Вы идите, я домой пойду.

— Слушай, — сказал Шубин, — а ты сегодня когда обедала?

— Днем перехватила, — сказала она. — День трудный, в разгоне. А домой зашла, Митьке все сделала и к вам побежала.

Значит, не прямо из гаража, отметил Шубин. Врать не умеет.

— Я что предлагаю, — сказал Шубин. — Давай тогда поужинаем в ресторане. И я за день ничего толком не поел.

— В ресторане? Нет, дорого.

— Это не твоя забота, — сказал Шубин. — Только, наверное, туда не попасть.

— Почему это?

— Желающих много.

Шубин уже жалел, что предложил ужинать. Он знал, что стоит ему потерять из глаз Элю, как разорвется связь, возникшая от того, что ради него другой человек поздно вечером притаился в гостиницу.

Правда, оставалась надежда, что в моральном кодексе Эли ресторан не значит.

Эля широко улыбнулась. Сверкнула золотая коронка.

— Я это устрою, — сказала она. — У меня официант знакомый. Миша. Я его уже видала, пока вас ждала. Он меня спросил даже — гулять собралась? Мы с ним в школе учились. В соседнем классе.

— Вот и отлично,— сказал Шубин.— Только у меня смокинга нет.

— Чего нет? — Эля не поняла его.

— Я не одет для ресторана.

— Вы что, сдурели, что ли? Сюда каждый, как хочет, ходит. А я прямо как подозревала — надела платье.

И было ясно, что ресторан — ее потаенная мечта, хотя сама она предложить такое развлечение не смела.

— Тогда веди переговоры с Мишей, а я через пять минут приду.

Шубин поднялся к себе. Отдавая ключ, рыхлая дежурная по этажу сказала:

— Вас тут женщина искала.

В голосе было осуждение.

— Я знаю,— сказал Шубин.— Я ее уже встретил.

— После двадцати трех посторонним в номерах не разрешается,— сказала дежурная.

— Еще десяти нет,— сказал Шубин.— Да и в номере у меня пусто.

— Я предупредила,— сказала дежурная, протягивая ему ключ с отвращением, словно некий символ разврата.

Шубин прошел к себе в номер. В туалете на раковине сидел таракан, удивленный столь поздним человеческим визитом. Он не спеша ушел в щель. Шубин поглядел на себя в зеркало. Ссадина была невелика, но вокруг была видна подсохшая кровь. Он начал мыться. Висок и бровь защипало от мыла.

Ничего страшного не произошло, рассуждал он. Давай считать путешествие сюда цепью различных, большей частью забавных, приключений, которые еще не закончились, но неприятностей не сулят... сулят, сулят! Шубин был суверен.

Вот вроде и прилично. Жалко, что нет пластыря, впрочем, порез почти не заметен.

Шубин взглянул на часы: без двадцати десять. Неужели прошло только двадцать минут с того момента, когда пьяный спросил время у Бруни? А ведь в них уместилась драка, потом бегство, потом разговор с Элей... Шубин приложил часы к уху — забыл, что электронику не слышно. Он переложил сигареты в карман пиджака.

Площадь за окном была оживлена, свет фонарей поблескивал в складках одежд монумента труженикам перед вокзалом. Как же он не заметил его днем?

Шубин прикрыл фрамугу, чтобы не так тянуло запахами. И в самом деле, после переживаний следует выпить. Он

старался не вспоминать о драке и о том, что могло случиться с его знакомыми. В конце концов они сами хотели, чтобы он ушел, и это было разумно. Они местные, им ничего не будет. А ему... получить телегу в Москву о недостойном поведении лектора? Кто-нибудь из недругов этим воспользуется, и в Женеву поедет другой. Желających достаточно.

Шубин запер комнату и спустился вниз.

Эля раздобыла столик недалеко от эстрады и была тем горда. На нем стояла табличка «Стол не обслуживается». Добродушный увалень с широким плоским лицом — друг Миша — убрал табличку и посадил за стол двух командировочных среднего уровня. Они были раздражены и все еще переживали битву с администрацией. Один из них, горбатенький и унылый, сразу начал рассказывать Шубину, что они прописаны в гостинице и потому имеют первоочередное право скромно поужинать в ресторане:

— А свободные места есть, и их берегут для спекулянтов. Везде одно и то же, поглядите за соседний стол. Вы видите ту кавказскую компанию? Получается, что именно они, торговцы, и есть хозяева жизни. А один даже кепку не снял.

— В какую гостиницу ни приедешь, — вторил другой командировочный, налитой здоровьем и потому особенно контрастный рядом со своим спутником, — везде они толкуются в вестибюле. Твою бронь найти не могут — понятно, почему не могут. У них связи с администрацией. Все куплены.

К счастью, не видя особого сочувствия, соседи по столу принялись жаловаться друг другу и забыли о Шубине и Эле.

На Эле было плохо сшитое платье из толстого сукна. Она его специально надела, понял Шубин, потому что надеялась, хитрая, что мы с ней сюда пойдем. Тобой манипулируют, Шубин. А впрочем, не так уж и плохо получилось. Все равно надо где-то питаться.

Миша принимал заказ у командировочных. Они долго выясняли, что можно есть, а что нельзя, почему этого нет, а в меню оно указано, а жесткое ли мясо? Эля сказала Мише, когда он обернулся к ним, держа перед собой книжечку:

— Мишенька, ты уж сам сообрази, хорошо?

— Горячее есть будете? — спросил Миша, тускло глядя на Шубина.

- Мы голодные,— сказал Шубин.
- Мишенька, ты все носи,— сказала Эля.— А мы пить будем? — Это относилось к Шубину.
- Будем,— сказал Шубин.— Обязательно будем.
- Вот видишь,— сказала Эля, словно он ранее высказывал сомнения.— Мы выпьем немного.
- Есть водка, коньяк и сухое вино,— сказал Миша.
- Командировочный напротив услышал и вставил обиженно:
- Почему вы нам не сказали, что водка есть?
- Я в буфете спрошу,— сказал Миша.— А вам тоже?
- Нет, нам не надо,— сказал второй командировочный.— Мы будем пить коньяк, как заказывали.
- Миша ушел за заказом, и Эля спросила:
- Вы обещали рассказать, что там у вас случилось?
- Меня ждали общественники,— сказал Шубин.— Мы с ними разговаривали.
- Это психованный Борис, да?
- Там их четверо было. Еще девушка из книжного магазина.
- Очкастая? Знаю. Чего им нужно? На Силантьева жаловались?
- Рассказывали, как дела в городе.
- Дурачье они,— сказала Эля.— Они только злят начальство. А лучше не будет.
- Ты им не веришь?
- Разве так дела делаются? Это все равно что в этот ресторан без знакомства идти. Там снаружи человек пятьдесят стоят, руками машут. А мы здесь сидим, понимаете?
- А завтрашний митинг?
- Они уже вам рассказали? Разгонят митинг. А им только неприятности.
- Ты откуда знаешь?
- А мы, водители, рядом стоим у всех учреждений,— сказала Эля.— Ждем начальство и разговариваем. Если бы среди нас шпион сидел, он бы даже удивился, как мы много знаем. Водителей не замечают. Говорят, а не замечают. А мы все слышим. Мы же нормальные люди. Они уже решили. Сначала сомневались, а потом решили — разгонят. Им бы несколько дней протянуть...
- Пока силантьевский юбилей отпразднуют? — сказал Шубин.
- Ну вот, вы тоже много знаете. Один день у нас, а столько знаете.

Подошел Миша, поставил салат, бутылку водки, нарезанные помидоры. Командировочным пока ничего не дали — только хлеб. Командировочные глядели на Шубина и Элю волками, но молчали.

— Вам сейчас будет, — сказал им Миша.

Оркестранты были навеселе, видно тоже поужинали, один из них рассказывал анекдот, певица в длинном декольтированном платье, вся в блестках, от висков до пола, тонко хихикала.

— Но потом случилась странная история, — сказал Шубин. — Когда мы вышли из кафе, навстречу два парня...

Он рассказал о драке, правда, не стал признаваться в том, как бегал и прятался от милиционеров.

— Он велел бежать? — спросила Эля. — Думали, что это подстроили?

— Да, тот парень думал, что меня хотели скомпрометировать.

— Нет, — сказала Эля. — Если бы их, чтобы на митинг завтра не пришли, то возможно. Они сейчас сидят в отделении, пишут показания. Вот смешно!

— Значит, я зря убежал?

— Нет, не зря. А то бы вы тоже объяснения писали, а я бы тут сидела одна, в новом платье.

— Платье у тебя красивое, — сказал Шубин.

— Откуда здесь красивому быть? Это я еще в сентябре купила, подруга из Москвы привезла. А вам нравится?

— Честное слово, нравится.

Они выпили. Эля опрокинула рюмку резко, незаметно и привычно. В этом была неприятная для Шубина бравада. Или привычка?

Он немного не допил, поставил рюмку. Эля с удовольствием принялась за салат. Потом сказала:

— Нет, про вас они не знали. У нас здесь молодежь такая дикая, вы не представляете! Еще хорошо, что шапку не сняли.

— Я кепку потерял.

— Ой, и другой нет?

— Другой нет.

— Я вам завтра шапку лыжную принесу. У меня от мужа осталась. А то простудитесь. Она почти новая.

Шубин налил водки.

— За ваше здоровье, — сказала Эля. — Чтобы не простужались.

И выпила так же, как первую.

Она ела салат, потом вдруг отодвинула тарелку и сказала:

— Не знали они про вас. Николайчик вышел, когда вы уже отошли. Он меня спросил, куда вы пошли, а я сказала, что не видела. Значит, они не знали.

— Ну и отлично,— сказал Шубин.

Оркестр грянул с тем остервенением, с которым умеют играть ресторанные оркестры. Разговоры пришлось прекратить. Подошел Миша, небрежно поставил на стол две тарелки супа для командировочных и ушел.

— Пошли потанцуем! — крикнула Эля на ухо Шубину.— А то не поговоришь.

Они пошли танцевать. Танцевали все, и Шубин подумал, что многие танцуют от невозможности поговорить иначе. От тесноты получался не танец, а некое коллективное покачивание. Эля запрокинула голову, откровенно глядя на Шубина. Он прижал ее к себе, и она была послушна. Они не говорили, да и не хотелось. Водка сразу затуманила голову, потому что Шубин был голоден. Но это ощущение было приятным. Эля положила голову на плечо Шубину, она была ниже его ростом. Он дотронулся губами до ее волос. Волосы пахли мылом.

Когда они возвращались к столу, толпа танцующих рассосалась и Шубин увидел, что у стены, за длинным столом, уставленным бутылками шампанского и водки, сидит знакомый человек, похожий на породистого дога, и внимательно рассматривает Шубина.

Шубин встретил его взгляд и, не узнав еще, чуть поклонился, но человек не пошевелил головой, а продолжал смотреть, и тогда Шубин вспомнил: это же Гронский, директор химзавода. Он глядел на Шубина тяжелым пьяным взглядом, и, хоть до него было метров десять, ощущение было неприятным, как от физического прикосновения.

За стол возвращались со своими пышнотельными дамами соседи Гронского. Народ солидный, крепкий. Когда Шубин уже подходил к своему столику, он обернулся и увидел, что Гронский что-то говорит склонившемуся к нему молодому человеку с оттопыренными ушами. Молодой человек поднял голову, шаря глазами по залу, взгляд его отыскал Шубина. Молодой человек выпрямился и быстро пошел прочь.

— Вы что увидели? — спросила Эля.

— Там Гронский?

— У них банкет сегодня,— сказала Эля.— Комиссия работала по расширению производства, из министерства. Провожают.

Молодой человек с оттопыренными ушами прошел

близко от их столика, старательно не глядя в сторону Шубина.

— А это кто такой? — спросил Шубин.

Эля кинула взгляд в спину молодого человека.

— Референт, что ли... шестерка.

Шубин сказал:

— Давай еще выпьем.

— Давайте, чтобы забыть о всех неприятностях.

Оркестр снова загремел, и они снова танцевали. Шубин поцеловал Элю в висок, а она теснее прижалась к нему. Шубину почему-то казалось, что Гронский исподтишка наблюдает за ним, он поглядывал на него, но Гронский был занят разговором с соседом, похожим на Хрущева.

Когда они вернулись после танца за стол, командировочные уже доели суп и Миша расставлял тарелки — с котлетами для командировочных и с подобными же котлетами, но украшенными зеленью, маринованными сливами и дольками лимона, для Эли с Шубиным.

Один из командировочных вынул из кармана плоский калькулятор и принялся жать на кнопки.

— Должно быть по четыре сорок с носа, — сказал он горбуну.

— Ага, — горбун загадочно улыбнулся, и Шубин понял, что они уже точно рассчитали, сколько должны заплатить, и готовятся к обману, обсчету, скандалу и жалобам. Симпатии Шубина были на стороне Миши, но правда не настолько, чтобы предупреждать его о намерениях клиентов.

Молодой человек с оттопыренными ушами вернулся к столу Гронского и, склонившись, шептался с ним. Шубин решил, что если Гронский или молодой человек в ходе разговора посмотрят на него, значит, их разговор и уход шестерки как-то связан с ним. Но никто на Шубина не смотрел. И он сказал вслух:

— Маня преследования.

— Что?

— Ничего, Эля, давай еще выпьем. Не пропадать же добруму напитку?

Эля протянула под столом руку и дотронулась до колена Шубина.

— Вы очень добрый, — сказала она. — Честное слово.

— С чего ты так решила?

— Я чувствую людей. Я как увидела вас утром, так вы мне понравились. Честное слово.

Котлета была теплой. Мишино расположение не распространялось на качество пищи.

Шубин смотрел на Элю. Она была удивительно хороша. Грубоватой, чуть восточной, чистой красотой лани. Конечно же, лани — даже это идиотское платье не может скрыть гибкости и крепости ее фигуры, о чем, с танца, помнили его пальцы.

Оркестр, молчавший уже несколько минут, вдруг ожил, пианист вышел к микрофону и объявил:

— По просьбе друзей Руслана Квирикидзе, отмечающих его день рождения, исполняется песня «Сулико».

Песню «Сулико» оркестр умудрился исполнить в том же громовом ключе, как и прежние композиции.

— Будете танцевать? — спросила Эля.

— Давай доедим сначала, — сказал Шубин.

Мимо проходил Миша, один из командировочных поймал его за рукав, и по движению его губ Шубин понял, что тот требует счет. Второй держал руку в кармане — Шубин знал, что там ждет своей минуты бесстрастный калькулятор.

— Я рад, что тебя встретил, — сказал Шубин, наклонившись к уху Эли. Она кивнула, прожевывая кусок котлеты. Прожевала и крикнула:

— Я тоже! Я просто счастливая. Спасибо.

Оркестр застал, завершая песню. Грузины с длинного стола громко хлопали в ладоши. Миша положил перед командировочными счет, и те впелись взорами в итог. Миша обернулся к Шубину и спросил:

— Что еще будем?

Шубин отрицательно покачал головой. Он следил за командировочными.

На лицах их было написано отвращение.

Они вынули из карманов бумажники и принялись выкладывать деньги, потом искали мелочь. Значит, Миша обманул их чаяния — посчитал все правильно.

Миша стоял рядом, делал вид, что его интересует лишь Шубин.

Он спросил:

— Как котлета, понравилась?

— Очень вкусная, — сказала Эля. — Спасибо, Мишенька.

Командировочные сложили деньги на скатерти, и горбун подвинул их к официанту.

— Здесь точно? — спросил Миша, подчеркивая свой триумф.

Командировочные не ответили. Грозно и шумно отодвинув стулья, они поднялись и пошли к выходу.

Эля засмеялась.

— Ты тоже видела? — спросил Шубин.

— Конечно, с самого начала. И Миша видел.

— Да мне от кухни было видно, как они с калькулятором играют, — сказал Миша. — Я им на шестнадцать копеек меньше посчитал. Для страховки. Так ведь не сознались.

Он сгреб деньги и, не считая, сунул в боковой карман пиджака, как бы отделяя их этим от остальных, более благородных.

— Кофе будем? — спросил Миша.

Эля выжидательно посмотрела на Шубина. Он понимал, что ей не хочется уходить отсюда.

— Несите, — сказал Шубин. Теперь они с Мишей были почти друзьями.

— А вашей даме мороженое, хорошо? — спросил Миша.

— Ну уж и даме! — сказала Эля.

Ей было очень смешно.

— Здесь, наверное, кофе никуда не годится, — сказал Шубин.

— Синтетика, — сказала Эля. — Из бочки.

— У меня растворимый есть. Хороший, настоящий. И кипятильник.

— Где?

— В номере.

— Вы принесете, да?

— Зачем? Пойдем ко мне, выпьем кофе. Потом я тебя провожу.

— Ой, что вы! Уже скоро одиннадцать. Они не пустят.

— Мы ее попросим.

— Да вы что! Здесь строго.

— А им можно? — спросил Шубин, указывая на стол Гронского.

— Им все можно.

— Жалко, — сказал Шубин. — Я люблю справедливость.

Эля положила пальцы на руку Шубина и погладила:

— Не расстраивайтесь. Мы попробуем. Я тогда скажу Мише, что кофе не надо.

Она не успела встать, как подошел Миша с мороженым. Пока Шубин расплачивался с ним, Эля быстро ела мороженое. Уголки губ стали белыми.

— Я ужасно мороженое люблю, — призналась она.

— Ты не спеши.

Шубин посмотрел на стол Гронского. Человек, похожий на Хрущева, смеялся, тыча пальцем в сидевшую напротив статную даму.

— Пошли,— сказала Эля.— Пошли, а то автобус ко мне перестанет ходить.

Когда они вышли в холл, Эля сказала:

— Вы по лестнице идите. И отвлекайте ее разговорами.

Шубин пошел к лестнице. У стойки администраторши толпился народ — наверное, пришел поезд или самолет. Шестерка с оттопыренными ушами, перегнувшись через стойку, говорил по телефону.

— А ты?

— Я на лифте выше поднимусь и потом вниз по лестнице.

Так и сделали. Дежурная была занята беседой с кем-то из постояльцев, она кинула на Шубина равнодушный взгляд, тот миновал ее стол и пошел по коридору. Коридор был пуст. Он остановился у своей двери, достал ключ, повернул его. И увидел, что по коридору быстро идет Эля. Обошлось. Обошлось, черт возьми.

И тут за спиной Эли в конце коридора возникла фигура дежурной.

— Это ты куда? — грозно спросила она, и голос ее ядром пролетел по коридору.

Эля пробежала еще несколько шагов и замерла, словно ждала следующего выстрела в спину.

Шубин пошел навстречу ей.

Дежурная спешила по коридору, переваливаясь, словно утка. Она догнала Элю и схватила ее за руку. Эля рванула руку, но остановилась. Шубин подошел к ним.

— Это ко мне,— сказал он, стараясь произнести эти слова официальным тоном, но язык не послушался его.

— Вижу, что к вам,— сказала дежурная.— Время одиннадцать, а к нему идут. Я же предупреждала.

— Но мы на минутку,— сказал Шубин.

— Я книжку в номере оставила,— сказала Эля.

— Вот и вынесет он твою книжку.

— Ну что за безобразие! — не выдержал Шубин.— Почему я должен все время чего-то просить, чего-то нарушать, перед кем-то унижаться! Мне нужно, чтобы эта девушка зашла ко мне в номер. Она зайдет и выйдет совершенно целая.

Голос Шубина, помимо его воли, повышался, в нем появились визгливые нотки. Эля втиснулась между ним

и дежурной, уже готовой к большому скандалу, и заговорила быстро, тихо и напористо:

— Вы не сердитесь, все тихо, все нормально.

И Шубин вдруг увидел, как Эля сует в руку дежурной красную бумажку, и чуть было в справедливом гневе не вырвал эту бумажку, но Эля и тут успела остановить его — будто понимала все, что в нем клокочет. Она отстранила его другой рукой, и он отступил на шаг.

— Только чтобы быстро,— сказала дежурная.— Взяла книгу — и быстро. Поняла?

Она и не смотрела больше на Шубина.

Они были в номере.

— А ты чего хотел? — спросила Эля.— Чтобы я не пришла?

— Противно все это.

— Я к тебе в номере не просилась.

— Да я не о том...

— Ты бы радовался, что обошлось.

Она поцеловала его в щеку.

— Разве в других местах не так?

— В Швейцарии не так.

— Но мы же не в Швейцарии. Нам и здесь хорошо.

Шубин понял, что гнев его вымирает, и в самом деле — все хорошо. Они вдвоем. Дверь закрыта. За окном вокзальная площадь чужого города. Дежурная заработала свой червонец. И это даже к лучшему, потому что она куплена и не сунется. Мы не в Швейцарии.

— Я тебе отдам десятку,— сказал Шубин.

— Глупо,— сказала Эля.— Вы же за ужин платили. Больше.

— Сравнила. Сколько я зарабатываю, сколько ты!

— А я сегодня больше червонца заработала, пока вы там лекцию читали.

— Ты не была?

— Вы лучше кофе сделайте. Обещали ведь.

Шубин достал банку с кофе и кипятыльник.

Эля взяла банку и стала рассматривать.

— Я такого не видела,— сказала она.— С собой привезли?

— С собой. Только у меня ничего сладкого нет.

— Ну и не надо.

— И выпить мы ничего не взяли.

— С меня хватит. Я завтра работаю.

Шубин налил в стакан воды, вложил в него кипятыльник. Поставил на письменный стол. Эля стояла

совсем рядом. От ее волос пахло мылом. Шубин взял ее за плечи и притянул к себе. Поцелуй был таким долгим, что, когда Эля вдруг рванулась и воскликнула громким шепотом: «Стакан лопнет!» — Шубин не сразу сообразил, что вода в стакане закипела.

— Ты хочешь кофе? — спросил он тоже шепотом, выключив кипятильник.

— Не знаю, — сказала Эля и сама приблизилась к нему, подняв голову и отыскивая губами его губы.

— Я запру дверь? — сказал Шубин.

— Да.

...Эля лежала, уютно вписавшись в тело Шубина, голова мягко давила на выемку под плечом.

— Я такая счастливая, — шептала она. — Очень счастливая. Ты не думай, я не навязываюсь. Я и не думала, что пойду к тебе. Ты, наверно, думаешь, что я со всеми такая — без мужа, шоферка.

— Я так не думаю.

— А у меня грудь красивая, да?

— Очень красивая.

— Я мороженое ела и боялась, что ты сейчас скажешь, что спать хочешь, а что мне уходить пора.

— Я не хотел, чтобы ты уходила.

Шубин поправил подушку, он любил, чтобы голова была высоко. Эля приподнялась, чтобы ему было сподручней это сделать. Он увидел светящееся небо за окном. Зеленоватое с синими и черными провалами. В здешнем небе была всегдашняя тревога. На улице заверещала сирена «скорой помощи».

— Кипяток, наверное, совсем остыл, — сказал Шубин.

— Я сейчас согрею, — сказала Эля, но не двинулась. Шубин почувствовал, как она считает секунды, которые ей остались. Он прижал ее к себе теснее, и она принялась быстро и нежно целовать его руку.

Такая сладкая и горькая нежность к этой женщине одолела Шубина, что сдавило в груди от неминуемого конца этой встречи.

— Я думала, что ты на меня даже не помотришь.

— Глупо. Ты красивая и знаешь об этом.

— У меня ноги не очень длинные.

— Я не смотрел.

Кто-то тронул дверь. Толкнул. Как будто человек, неверно шагнувший по коридору, ударился о нее плечом.

Так сначала Шубин и подумал, но потом раздался стук.

Часть вторая. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

— Ошиблись номером,— сказал Шубин шепотом.

— Она не придет,— сказала Эля.— Она червонец взяла.

Стук повторился. На этот раз он был громче и требовательнее.

— Может, телеграмма? — спросила Эля.— Тебе из Москвы не могут телеграмму прислать?

— Лежи,— сказал Шубин, поднимаясь. Коврик у кровати поехал, и Шубин с трудом удержал равновесие. В дверь ударили так, словно хотели ее сломать.

— Погодите! — крикнул Шубин.— Сейчас открою. Босиком он подошел к двери.

— Кто там?— спросил он.

— Откройте, телеграмма,— послышался мужской голос.

— Ну вот,— сказала Эля за спиной Шубина.— Я же говорила. Шубин оглянулся. Эля сидела на кровати, ее силуэт был черным на фоне светящегося неба.

Что-то удерживало Шубина от того, чтобы открыть дверь. Может, голос был не телеграфный.

— Откуда телеграмма? — спросил он.

— Из Москвы,— ответили из-за двери.

— Знаете что,— сказал Шубин,— я уже сплю. Суньте ее под дверь.

Была пауза, и Шубину показалось, что за дверью шептались.

— А расписаться? — спросил голос.

— Завтра распишусь.

— Нет, возьмите телеграмму и распишитесь.

— Да открой ты,— сказала тихо Эля.— Может, что дома случилось?

Шубин повернул ключ в двери и приоткрыл ее, протягивая руку, чтобы взять телеграмму:

— Давайте,— сказал он.

С той стороны дверь пихнули так, что Шубин, не ожидавший толчка, потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. Дверь распахнулась. Яркий свет ударил в лицо из коридора.

Тут же загорелась лампа в прихожей — поднимаясь, Шубин увидел, что перед ним стоит молодой человек с красной повязкой и лицом неандертальца, которому положено охранять вход в гостиницу. Он держит руку на выключателе.

— Это что такое? — взъярился Шубин.

Дежурный с красной повязкой шагнул вперед, но Шубин загородил путь в номер.

— А ну, пропустите,— сказал неандерталец,— я при исполнении.

Шубин ощутил такой взрыв злобы, что с силой оттолкнул дежурного, и тот, чтобы не упасть, вцепился сильными пальцами в майку Шубина. Майка с треском разорвалась.

— Драться? — закричал неандерталец.— Мало ему разврата, он еще драться!

И тут же, словно его подтолкнули в спину, в дверях появился молодой милиционер в мокрой шинели и мокрой фуражке.

— А ну, бери его,— сказал дежурный.— И в отделение.

Шубин отскочил в номер, но милиционер был резвее — он рванул за плечо и тут же заломил ему руку за спину.

Пролетным, неверным взглядом Шубин успел увидеть Элю. Она стояла возле дивана, завернувшись в простыню.

— Не смейте! — крикнула она, но не могла двинуться, потому что была как бы прикована к месту длинной простыней.

Левой рукой Шубин цеплялся за вешалку, дверь в туалет, за свое пальто, но милиционер лишь сильнее давил на руку, уверенный, что Шубин подчинится, и было так больно, что Шубин вынужден был подчиниться. Он вылетел в коридор, и милиционер толкнул его к стене лицом.

Дежурный тут же ударил его в бок. Милиционер сказал:

— Ну, это лишнее.

— Он на меня напал,— сказал неандерталец.— Приезжают тут хулиганить.

— Я его не пускала,— услышал Шубин испуганный и потому визгливый голос дежурной по этажу.— Вижу, что пьяный, и не пускала.

— Выходи,— сказал неандерталец, и Шубин понял, что это относится к Эле. Но повернуться не мог.

— Я оденусь,— сказала Эля.

— Умела блядовать, умей и ходить, в чем мать родила,— сказал неандерталец.

— Слушай,— сказал милиционер.— Не тебе разбираться. Пускай оденется.

— Тебя вызвали, ты исполняй.

Дежурный подогревал себя, злился, был на грани истерики, как уголовник, нарывающийся на драку.

— Отпустите,— сказал Шубин милиционеру.— Вы что, хотите меня в трусах тащить?

— И потащим; сука,— сказал дежурный.— За избие-ние меня при исполнении потащим. При свидетелях.

— Одевайтесь,— сказал милиционер.

Хватка ослабла. Шубин выпрямился. Дежурная по эта-жу отошла подальше. Неандерталец стоял рядом и тяжело дышал, от него пахло чесноком.

— Только без штучек,— сказал милиционер, входя в номер следом за Шубиным.

Эля уже была в платье, она надевала сапоги.

Шубин увидел на кресле свои брюки. Там же валялась скомканная рубашка. Было стыдно, что чужие люди смот-рят на его вещи.

— Вы бы отвернулись,— сказал Шубин.— Здесь жен-щина.

За окном взвизгнула еще одна «скорая помощь». Загу-дел паровоз. Гудок его коротко оборвался.

— Блядь, а не женщина,— сказал дежурный.

Милиционер сразу же сделал шаг к Шубину, отрезая его от дежурного, Эля сказала тихо и зло:

— Ты у меня кровавыми слезами будешь плакать.

— Не пугай.

Шубин сказал:

— Товарищ милиционер, вы свидетель оскорблениям, которым нас подвергают.

— Одевайтесь, одевайтесь,— сказал милиционер, гля-дя в окно.

— И я вас предупреждаю: завтра же я буду у вашего секретаря горкома.

— Разберемся,— сказал милиционер.

— То-то он тебя примет,— сказал неандерталец.

— Оделись? — спросил милиционер.— Тогда следуйте за мной. В отделение.

— Почему? Вы обязаны мне сказать, в чем вы меня об-виняете.

— В нарушении режима гостиницы,— сказал мили-ционер.

— Нет! — крикнул неандерталец.— В нападении и хулиганстве.

— А вам не стыдно, товарищ сержант? — спросил Шубин.

— Это вам, гражданин, должно быть стыдно,— отве-тил милиционер.

У него было простоватое, почти мальчишеское кур-

носое лицо. И видно было, что милиционеру не хочется ни во что вникать и мысли его далеко отсюда.

— Пойдем,— сказала Эля.— Ты им ничего не докажешь. Достали все-таки тебя. А я сначала не поверила.

И только тут Шубин понял, что, вернее всего, Эля права. Его достали. Его старались достать у кафе, а в ресторане, увидев его, Гронский понял, что представляется замечательный шанс ликвидировать журналиста.

— Я не пойду в отделение,— сказал Шубин.

— Надо,— сказал милиционер.— На алкоголь проверим.

Он взял со стола ключ от номера и подтолкнул Шубина к двери.

Эля сама пошла впереди.

— Документы не забыли? — спросил милиционер.

Вопрос был задан буднично, и Шубин, стукнув ладонью по груди и убедившись, что бумажник на месте, также буднично ответил:

— Не забыл.

Милиционер сам запер дверь и протянул ключ дежурной. Она подбежала и взяла ключ.

— Червонец отдай,— сказала Эля.

— Что? Какой? — дежурная поспешила по коридору впереди, она раскачивалась, как утка, которая спешит спрятаться в камыши.

Неандерталец шел за ней, ежесекундно оборачиваясь, словно боялся, что Шубин приблизится на опасное расстояние. Замыкал шествие милиционер.

Они вышли на лестничную площадку. Там стоял смертельно пьяный парень в дубленке и волчьей шапке. Увидев Шубина, он невнятно, но громко и дружелюбно спросил:

— Что передать на волю?

И пьяно засмеялся.

Снизу донесся короткий крик. Перешел в хрип, оборвался.

— Я одеться должна,— сказала Эля милиционеру.— У меня пальто в ресторане. В гардеробе.

Милиционер обдумывал эту информацию. Они спустились еще на один пролет.

— Эй,— сказал милиционер,— охрана.

Неандерталец обернулся.

— Проводишь девушку одеться.

— Так дойдет.

— Проводишь, говорю. Мы тебя у машины подождем.

Дежурный не ответил, он продолжал спускаться вниз. За последним пролетом открылся холл гостиницы.

С первого взгляда Шубину показалось, что он видит иллюстрацию к сказке о спящей царевне.

Там все спали.

В желтом прозрачном тумане, заполнившем холл, спали на полу те люди, что недавно толпились у стойки в ожидании места, спала, положив голову на стол, администратор, спали те, кто коротал время в креслах. Спал официант у приоткрытой двери в ресторан. И было очень тихо.

В этом сонном царстве была такая заколдованная странность, что милиционер тихо сказал:

— Стоять!

И все послушно остановились, кроме неандертальца, который продолжал спускаться по лестнице.

Снизу поднимался тяжелый, неживой запах, который, хоть и был знаком, не разбудил бы в Шубине воспоминания, если бы не мерцание желтоватого тумана. И Шубин увидел: черная река... желтый туман по воде... кашель Наташи и слова Бруни о непредвиденных сочетаниях сбросов. Это узнавание мелькнуло и пропало, изгнанное невероятной действительностью.

Шубин видел, как неандерталец вступил в прозрачно-желтоватую пелену тумана и движения его стали замедляться. Он схватился двумя руками за горло, повернулся обратно, к лестнице, но подняться больше чем на ступеньку не успел, а упал, ударился головой о нижнюю ступеньку и замер.

Шубин схватил за руку Элю, которая кинулась было к дежурному.

— Сказали же, стой! — крикнул он. И крик его был слишком громким для этого зала.

Они стояли втроем на лестнице, и вокруг была страшная тишина, потому что ни из ресторана, ни с улицы не доносилось ни звука. После минутной оторопи вниз двинулся милиционер. Он сделал шаг.

— Да нельзя же! — крикнул Шубин, и голос его странно раскатился по холлу, будто тот был гулким храмом.

Желтое легкое марево чуть клубилось, мерцало, словно воздух в жаркий летний день над перегретой дорогой. Шубин физически почувствовал его жадное движение, он по-

нял, что это марево,— поглотившее тех людей, которые, казалось, спали, но по нелепым, неестественным позам было ясно, что они мертвы,— стремится к лестнице, чтобы дотянуться до живых людей, заставить его, и Элю, и милиционера упасть и утонуть в нем, как утонул дежурный с красной повязкой на рукаве.

— Там люди,— сказал милиционер. Над верхней губой его проступили капельки пота.

— Ты им не поможешь,— сказал Шубин.— А сам умрешь.

— Умрешь? — тихо спросила Эля.— Как же так?

— Не знаю. Но туда нельзя. Пошли наверх.

Шубин почувствовал дурноту и жжение в горле. Может, это было самовнушение, может, и в самом деле марево испарялось, удушая все вокруг.

Он потянул Элю за руку, а она вдруг жалобно сказала:

— Но у меня пальто в гардеробе.

Шубин начал подталкивать вверх милиционера и Элю, и они нехотя подчинялись.

— Они сознание потеряли,— говорил милиционер.— Надо «скорую» вызвать.

Вытолкнув их за площадку на ступеньки, откуда не был виден холл, Шубин остановился и стал шарить по карманам — где сигареты? Все было нереально, нет, не сон, а нереальность, в которой он бодрствует. Один раз в жизни с Шубиным такое было: у самолета — старого, трижды спиланного «вайкаунта», принадлежавшего небольшой частной компании, что делала дважды в неделю рейсы из Боготы в провинцию, загорелся в воздухе мотор. Шубин сидел в салоне, вокруг кричали, кто-то пытался встать — густой шлейф дыма несся за иллюминатором, самолет крепился, кружил, искал места сесть, а внизу были покрытые курчавым лесом горы. Шубин понимал, что все это не сон, а собственная смерть, но продолжал сидеть спокойно и старался, как бы помогая пилоту, сквозь разрывы в дымном шлейфе углядеть прогалину в лесу или плоскую долину для посадки. Самолет все же сел на кочковатом поле, всем набило синяков, потом пилоты выводили пассажиров, выталкивали их из самолета. Люди, не соображая, хватили свои вещи, чемоданы, сумки, а пилоты кричали и гнали их, чтобы они отошли от самолета... И уже издали Шубин увидел, как самолет взорвался, и с каким-то странным удовлетворением понял, что он-то успел взять свой чемодан.

Сверху по лестнице спускался, покачиваясь, парень в дубленке.

— Затормозились? — спросил он. — Хочешь, я тебя освобожу?

Шубин не понял его, он забыл, что только что был арестован, потому что между той сценой в номере и виденным в вестибюле была непроницаемая вековая граница.

— Что? — спросил Шубин.

Милиционер сказал:

— Туда нельзя.

— Ну и дела, — сказал парень в дубленке. — Свободная страна, свободный город. Кого хотят, того хватают.

Он толкнул милиционера, и милиционер отступил, потому что не ощущал себя сейчас милиционером.

— погоди, — сказал Шубин. — Там опасно. Какой-то газ.

— Газ так газ.

Парень был силен и по-пьяному размахист.

Эля зашлась в кашле.

Шубин сказал парню:

— Как хочешь, только поздно будет.

— Да нельзя же, нельзя! Там все мертвые лежат! — закричала Эля и снова закашлялась.

— Какие такие мертвые? — парень отрезвел. Ему не ответили. Шубин поддерживал Элю, которой стало плохо, ее начало рвать. Она старалась сдерживаться, Шубин подвел ее к урне, что, к счастью, стояла на лестничной площадке.

Парень прошел на площадку и заглянул вниз. И остановился. Потом тихо выругался, запахнул дубленку и побежал наверх.

Шубин поддерживал обмякшую Элю, ему стало страшно, что она отравилась.

— Ты как? — спросил он. — Это от волнения. Сейчас пройдет.

Словно старался уговорить ее, что это не имеет отношения к желтому мареву, к тому, что они увидели.

— Мне лучше, — сказала Эля. — Ты извини.

— Тебе надо наверх, в номер, тебе надо лечь, — сказал Шубин.

— Да, конечно, — Эля сразу согласилась.

— Где ключ от моего номера? — спросил Шубин.

— Ключ? Я его дежурной отдал, — сказал милиционер.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Надо позвонить.

— Точно,— милиционер вдруг улыбнулся с облегчением. Словно получил толчок, вернувший его к реальности.

И он первым побежал наверх.

Шубин достал платок, и Эля вытерла рот.

Когда они поднялись вслед за милиционером наверх, то успели как раз к тому моменту, когда дежурная по этажу привстала от удивления, увидев, что милиционер возвращается один. Она спросила:

— А что? Что еще? Я денег не брала.

— Ключ от номера. Быстро! — сказал Шубин.

Дежурная стала копаться в ящике с ключами.

— А что? Случилось что, да?

— Внизу несчастье. Авария,— сказала Шубин.— Вниз не спускайтесь. И никому не разрешайте. Стойте на лестнице и никого не пускайте.

— Убили кого, да? Кого убили?

Милиционер увидел телефон на ее столе.

— Помолчите,— сказал он.

Он набрал три номера, ударил по рычагу.

— Через восьмерку,— сказала дежурная.— Город через восьмерку.

— Раньше бы сказали.

Милиционер набрал номер и стал ждать.

Шубин взял ключ. Он сказал милиционеру:

— Я отведу Элю в номер. Двести тридцать два. Я вернусь.

Милиционер кивнул и стал снова набирать номер. Дежурная стояла возле.

— Не отвечают,— сказал милиционер.

— Тогда пошли ко мне, позвоним от меня. Может, телефон неисправен.

Они втроем побежали по коридору. В номере горел свет. Его забыли выключить. Милиционер прошел к столу, отодвинул банку с бразильским кофе и начал набирать.

— Через восьмерку,— напомнил Шубин.

Он подошел к окну и откинул штору. Почему-то раньше это не пришло в голову. Ведь в этом ответ на все вопросы — случилось ли это только в гостинице или и на улице.

Окно было как бы большим экраном, отделяющим Шубина от того, что он увидел. На площади перед вокзалом по-прежнему горели фонари. Их желтый свет как бы рождал ответное желтое мерцание, поднимающееся от земли. Снег потерял свою ночную голубизну.

Это был стоп-кадр.

Площадь была неподвижна.

Человеческие фигурки были разбросаны по площади, будто их, куколок, высыпали с большой высоты. Они были везде. Совсем маленькие, кучками, темными пятнами — возле вокзала и на троллейбусной остановке. Реже на самой площади, между редких машин и у киосков. Совсем мало — справа, на тротуаре, возле темных магазинов.

Еще были машины. Одна из них на скорости налетела на столб, и тот вошел в радиатор, как бы обнятый им. Дверца в машине распахнулась, и водитель до половины выпал головой на мостовую.

Шубин хотел обернуться и сказать, чтобы другие тоже подошли и смотрели, но тут он увидел, как на площадь въезжает высокий «Икарус». Желтое мерцание поглотило его колеса и закружилось впереди. Видно, водитель понял, что впереди неладно. Автобус резко затормозил. Открылась дверь.

Шубин стал рвать на себя окно, забыв повернуть задвижку, — он хотел предупредить водителя.

Тот показался в дверях. Огляделся, спрыгнул на мостовую и уже в прыжке потерял сознание или умер, потому что его подошвы так и не успели коснуться асфальта — он согнулся и упал головой вперед.

Дернулся, будто хотел отползти... и замер.

— Нельзя! — кричала Эля, и Шубин только сейчас услышал ее крик. Она повисла на его руке, отрывала ее от окна, чтобы он его не открыл.

— Ты смотри, смотри! — пытался объяснить ей Шубин.

— Я все понимаю, я все видела... ты не сможешь — они же не слышат!

Милиционер, не выпуская трубки из руки, тоже смотрел на автобус.

Пассажиров в нем было немного. Человека три.

Первый из них появился в открытых дверях сразу за водителем и задержался на верхней ступеньке, глядя вниз. Он смотрел на водителя и, видно, что-то говорил. Потом повернулся внутрь автобуса — к нему подошел второй пассажир. Затем пассажир начал спускаться вниз. Но медленно, осматриваясь. Шубину было видно, как ноги его утонули в желтом мерцании, взметнувшимся облачком навстречу. Пассажир, испугавшись, хотел подняться обратно в автобус, но вдруг ноги его подломились, словно он хотел усесться на ступеньку, и, нырнув головой вниз, он упал на водителя.

Шубину наконец удалось открыть окно.

— Назад! — закричал он отчаянно. — Не выходите!

Неизвестно, услышал ли второй пассажир крик или сам догадался, что выходить нельзя, но он обернулся к женщине, последней пассажирке, что собиралась выйти через заднюю дверь. Та остановилась, оглянулась. Отмахнулась от его слов и — через несколько секунд уже лежала на мокром снегу у задней двери.

Остался последний пассажир. Он отошел от двери, видно было, как он прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть, что там, на площади. Эля закрыла окно.

Милиционер сказал, показывая трубку Шубину:

— Не отвечают.

— Милиция одноэтажная? — спросил Шубин.

— Дежурная часть на первом этаже.

— А второй этаж есть?

— Второй этаж? Зачем?

— Если газ добрался до первого этажа, то на втором могут остаться люди!

— Но там сейчас нет никого. Ночь.

— Тогда звоните в городское управление. Звоните в горком! В «скорую помощь»! Неужели непонятно!

— А я не знаю, — сказал милиционер жалобно. — Я наш телефон знаю, а других не знаю.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Пошли к дежурной. У нее справочник может быть. Эля, милая, не выходи, хорошо? Я скоро вернусь.

— Ты куда, Юра?

— Надо узнать телефоны.

— А я?

— Ты тоже звони. Звони Николайчику. Кого знаешь — звони. Надо, чтобы принимали меры.

— А что случилось? Это газ?

— Откуда я знаю? Мы же с тобой вместе были.

— Мне надо домой, — Эля остановила его. Милиционер стоял в дверях, ждал. Он признал главенство Шубина и его право распоряжаться.

— Зачем тебе домой? Жить надоело?

— Митька дома.

— Ты на каком этаже живешь?

— На четвертом.

— И пускай спит. Он с кем?

— С мамой.

— Тогда позвони маме и скажи, чтобы заперлась и никуда не выходила. И пусть посмотрит в окно — есть

ли желтый туман. Только ты ей лишнего не говори, не пугай, понимаешь, только не пугай!

Эля покорно слушала, кивала, словно старалась запомнить, а потом сказала:

— У нас телефона нет.

— Звони соседке.

— У нас в доме нет телефонов.

— Звони Николайчику домой. У него-то есть?

— У него есть.

Шубин с милиционером вышли в коридор. Из-за соседней двери доносилась музыка. Слышны были громкие голоса.

— Надо будет поставить кого-то на лестнице,— сказал Шубин.— Чтобы не пускал жильцов вниз.

— Они на лифте могут спуститься,— сказал милиционер.

— Посмотрим.

Дежурной по этажу на месте не было. Вместо нее они увидели человека с чемоданом. Это был один из командировочных, грустный горбун. Он покорно стоял возле столика дежурной.

— Вы куда? — спросил Шубин.

— Я уезжаю,— сообщил командировочный.— А ее нет. Мне ключ сдать надо.

— Вот вы и будете стоять на лестнице. Вот здесь,— сказал Шубин.— И никого не пускать вниз.

— Это еще почему? — спросил горбун.— Мне уезжать нужно.

— Сержант, объясните,— сказал Шубин. Он увидел горящий свет в комнате горничной. Может, дежурная скрывается там? Нет, комната была пуста.

— Не может быть,— говорил горбун милиционеру.— Это вымысел. Я был на улице полчаса назад.

— Ваше счастье,— сказал Шубин раздраженно,— что вы вернулись живым.

Он дернул ящик в столе дежурной. Он был заперт. Шубин рванул сильнее.

— Что вы делаете? — спросил горбун.

— Вы стойте, где вам сказали! — рявкнул Шубин.

— Стойте, стойте! — поддержал его милиционер.— А чемодан оставьте. Никто его не возьмет.

Горбун, все еще сомневаясь, сделал несколько шагов к лестничной площадке, но чемодана не выпускал.

Ящик с треском вылетел из стола. Посыпались бумажки. Шубин начал ворошить их, надеясь отыскать какую-нибудь тетрадь или список телефонов.

Зажужжал, проезжая мимо, лифт.

— Черт! — вырвалось у Шубина. Он кинулся к лифту. Но пока он бежал к нему, услышал, как лифт остановился на первом этаже, его двери открылись. Кто-то вскрикнул. И снова тишина. Красный огонек продолжал гореть рядом с дверью лифта.

— По крайней мере, теперь его уже никто не использует, — сказал Шубин.

— А что? Что случилось?

— Спуститесь на один пролет вниз, — сказал Шубин горбуну, — но не больше — загляните вниз и тут же возвращайтесь обратно, если вам мало того, что сказал сержант.

— Но он сказал — там отравление газом.

— Вот именно.

Горбун осторожно пошел вниз.

Наверху кто-то забарабанил в дверь лифта — видно, не мог вызвать и сердился.

— Я пойду наверх, — сказал Шубин. — Может, у кого из дежурных есть телефонный справочник. Вы знаете, что делать?

— Так точно, — ответил милиционер, который не знал, что ему делать.

Шубин подбежал к лестнице. Остановился. Где этот чертов горбун? Вместо того чтобы бежать наверх, Шубин сошел на несколько ступенек ниже. То, что он увидел, его не испугало: разозлило.

Горбун сидел на нижней ступеньке лестницы, откинув голову к стене и приоткрыв рот. Чемодан он продолжал держать на коленях.

— Эх, черт, — сказал вслух Шубин. — Проверить решил!

Он посмотрел на холл. Он уже привыкал к этому зрелищу. Оно было невероятным, но не сказочным и не граничило более со сном. Это была тяжелая реальность, и мозг ее воспринимал трезво.

Уровень желтого мерцания поднялся. Зал был залит им метра на полтора. От движения газа контуры предметов были размыты, и казалось, что люди движутся. Шубин заставил себя не смотреть более на холл.

Наверху милиционер по-прежнему стоял у телефона.

Он увидел Шубина и обрадовался.

— Нигде не отвечают, — сказал он, смущенно улыбаясь, словно был виноват в этом. — Я в «скорую» позвонил и в пожарную команду. И никто не подходит. Странно, да?

— Плохо, а не странно,— сказал Шубин.

— Вы думаете, что и там? — спросил милиционер.

— Мы с вами вместе смотрим это кино,— сказал Шубин.— Я пойду наверх, поищу телефонный справочник. Я хочу дозвониться до заводов или до аэропорта.

Он не стал говорить милиционеру о горбатом командирочном. Вернее всего, милиционер забыл о нем.

Шубин не успел подняться до третьего этажа, как услышал, что сверху, громко и весело разговаривая, спускается группа людей.

— Нам нет преград ни в море, ни на суше! — загудел бас.

— Стойте! — приказал он, отступая на шаг перед поющими гостями и видя лишь напряженное лицо Гронского.

— Что еще? Это что еще, нам мешают петь! — воскликнула толстая матрона.— Витя, он нам мешает!

— Он пьян! — нашелся референт.— Уже милицию вызывали, а он все хулиганит.

— И мы тоже пьяные! — запела матрона.— Давайте петь вместе.

Шубин резко оттолкнул ее и оказался лицом к лицу с Гронским.

— Отойдите сюда,— показал он наверх.— Мне надо сказать вам два слова.

— Ты поосторожнее! — закричал референт.— Без хулиганства.

Гронский был насторожен и зол. В глазах читалось опасение: если Шубин смог вырваться из цепких объятий милиции, значит, он нашел какой-то ход, какие-то связи? Какие?

— А вы,— сказал Шубин остальным,— стойте здесь. И не спускайтесь ниже.

В голосе Шубина была та уверенность в праве приказывать, что быстро угадывается и признается людьми иерархии. Это умение, происходящее от внутренней убежденности, трудно подделать.

Компания прервала пение, все замолчали. Стояли, глядели на Гронского, будто он был старшим в этой стае и ему принимать решение.

— Подождите,— сказал он и поднялся на ступеньку выше, так что теперь его отделяло от остальных метра два. Референт приклеился сбоку, чтобы не оставить шефа в опасную минуту.

— Отойдите,— сказал ему Шубин брезгливо, как и положено говорить с шестерками.

Тот смотрел на Гронского.

— Ну! — сказал Шубин.

Гронский сделал движение головой, отправляя шестерку к остальным.

Шубин дотронулся до плеча Гронского, отводя его еще дальше от компании.

— Случилось несчастье, — прошептал он. — Катастрофа. Много людей погибло.

Гронский не отвечал. Он почуял опасность и весь подобрался. Ноздри породистого носа побелели, даже брыли подобрались.

— Вернее всего, это химическое отравление.

— Где? — спросил Гронский шепотом.

— Два этажа вниз, — сказал Шубин. Он уже говорил нормальным голосом и слышал тяжелое дыхание прочих слушателей.

— Если это шутка...

— Тогда идите, только идите один, — сказал Шубин. — Я вам не советую подвергать риску жизнь ваших гостей.

— Это бессмыслица какая-то, — сказал Гронский. Он смотрел не на Шубина, а на очень толстого, туго затянутого в костюм краснощекого лысого гостя. Гость тронул Шубина за рукав.

— Повторите, что произошло, — сказал он.

У него были красные щеки и красный носик. Очень светлые, живые, не замутненные водкой глаза.

— Я не знаю причин катастрофы, — сказал Шубин. — Но внизу лежат мертвые люди. На площади тоже. Много людей.

— На площади? Где? — Толстяк как бы взял в свои руки командование. Он был главнее Гронского, и Шубин понял, что банкет происходил именно в его честь.

— Спуститесь на пролет ниже — можете выглянуть в окно, — сказал Шубин. — В холл спускаться нельзя. Там газ.

— Какой газ? — Гронский был раздражен, ему хотелось не верить Шубину, он подозревал в этом какую-то месть за милицкий рейд. — Какой может быть газ?

Шубин пошел с ними вниз. Теперь не было нужды искать телефонный справочник. Если можно говорить о везении в такой ситуации — Гронский был этим везением. Уж он-то знает все телефоны.

Толстяк первым оказался на лестничной клетке. Милиционер все еще стоял у телефона. Больше ничего за эти минуты не изменилось. Толстяк подошел к окну возле сто-

ла дежурной и отодвинул занавеску резким жестом пьяного человека. Гронский подошел к нему, остальные стояли сзади, заглядывали через плечи.

— Не отвечают? — спросил Шубин у милиционера.

— Боюсь, что да, — сказал милиционер. Он взял фуражку, что лежала на столе. Надел ее. Он знал, когда имел дело с начальством.

— Чепуха какая-то, — сказал Гронский. Толстяк молчал. — Возможно, они потеряли сознание, — сказал Гронский.

— Сознание? — Толстяк обернулся к Гронскому. Потом перевел взгляд на Шубина: — Давно это случилось, товарищ...

— Шубин.

— Шубин. Очень приятно. Спиридонов. Когда это случилось, товарищ Шубин?

— Я увидел это... минут двадцать назад.

— Как увидели?

— Я спустился в холл. Вместе с сержантом.

Милиционер кивнул. Присутствие толстяка все ставило на свои места. Этот будет принимать меры. И если даже милиционер знал в лицо Гронского, все равно на роль начальника он выбрал именно Спиридонова.

— Там то же самое?

— Да. Там все мертвые. И когда человек, который был с нами, все же спустился в холл, он упал.

— Это случилось быстро?

— Практически мгновенно.

— Что вы можете сказать, Виктор Иннокентьевич? — спросил Спиридонов у Гронского.

— У нас такого не бывает, — сказал Гронский.

— Знаю, что не бывает. Иначе бы давно всю Россию перетравили, — сказал Спиридонов.

— Может, диверсия? — спросил шестерка. Уши его шевельнулись.

— Диверсия? — повторил Спиридонов. — И наверное, американская? Или сионистская? Замечательное объяснение.

— Надо позвонить на биокомбинат, — сказал Гронский. — Может, у них выброс?

— Вот и займитесь, — сказал Спиридонов.

Одна из толстых женщин громко рыдала, прислонившись к стене. Гронский подошел к ней. Он сказал:

— Верочка, не надо.

— Милиция не отвечает, — сказал Шубин.

— «Скорая помощь» тоже,— добавил милиционер.— И пожарники молчат.

— Понятно,— сказал Спиридонов.— Товарищ Шубин, пойдете со мной, покажете мне, что там, в холле.

Шубин подчинился, подумав, правда, что даже в такой ситуации Спиридонову, привыкшему, чтобы его провожали и ему показывали, не приходит в голову пойти посмотреть на холл одному. Шубин понимал, что это происходит не от того, что Спиридонов боится — он не производил впечатления пугливого человека. Просто он не привык действовать без человека, которому в случае нужды мог бы отдать приказание. А из окружающих он выделил себе в помощники Шубина.

Гронский взял телефонную трубку, протянутую милиционером. Шубин последовал за Спиридоновым к лестнице.

— Осторожнее,— сказал он, когда они начали спускаться.— Туман постепенно поднимается.

— Туман? Почему вы раньше не сказали?

— Я не уверен, что он — причина гибели людей,— сказал Шубин.— Но там есть желтый туман, и я думаю, что люди погибли из-за него.

Они остановились у последнего пролета. Спиридонов стоял, уперев кулаки в бока, и медленно поворачивался, как бы впитывая в себя зрелище.

Два человека лежали, заклинив открытую дверь лифта. Певица из оркестра скорчилась в дверях ресторана, и блестящие ее платья мерцали в тумане золотыми звездочками.

— Мертвые,— сказал Спиридонов.

Он чуть двинул голову в сторону, чтобы вобрать в поле зрения Шубина.

— Воняет,— сказал он.— Чувствуете?

— Да.

— Здесь всегда воняет, даже вода воняет — я уж отмечал,— сказал Спиридонов.— А так чтобы воняло — не помню.

Шубин не стал отвечать.

— И что же вы предлагаете делать? — спросил Спиридонов.

— Надо связаться с другими районами,— сказал Шубин.— Мне говорили, что город стоит в низине, а заводы расположены выше.

— И зачем? — спросил Спиридонов.

— Они смогут сказать причину.

— Вряд ли,— сказал Спиридонов.— Ночь на дворе. На заводах только сторожа.

— А ночная смена?

— Сомневаюсь. Начало месяца,— сказал Спиридонов.— Но людей поднимать надо. Добраться бы до армии.

Наверху появились Гронский, рядом его референт. Они смотрели вниз, на холл, лица их были неподвижны.

— А вы что скажете? — спросил Спиридонов.

— Очень странно,— ответил Гронский.

Сверху послышался шум. Чей-то громкий голос кричал:

— У меня самолет через час. Вы что, не понимаете?

В ответ бубнил что-то милиционер.

— Успокойте его,— сказал Спиридонов Гронскому, тот кивнул шестерке, который сразу сорвался с места. Шубин смотрел ему вслед.

— Чего мы стоим? — сказал он.

— Есть предложения?

Желтый туман закрутился под ногами, и Спиридонов отошел на ступеньку выше.

— Почему мы до сих пор не позвонили в Москву?

— В Москву? — переспросил Спиридонов. Пожевал губами.— Может быть, и в Москву.

— Зачем в Москву? — спросил Гронский. Он не возражал, он задал спокойный вопрос, как человек, который хочет разобраться в трудной задаче.

— В любом случае мы должны сообщить,— сказал Шубин.— Там примут меры.

Гронский смотрел на Спиридонова. Спиридонов — на Гронского.

— Нет,— сказал твердо Гронский.— Мы не знаем ни масштабов аварии, ни причин — ничего не знаем. Что мы скажем Москве? Что в гостинице какое-то отравление?

— Не только в гостинице,— сказал Шубин.

— Пускай не только в гостинице. Пускай и на площади. И нас спросят, а какие вы приняли меры? И мы скажем — позвонили в Москву. Это же, простите, несерьезно! — Гронский развел руками, чтобы все поняли, насколько это несерьезно.

Чувствуя неуверенность Спиридонова, Гронский загремел вопросами:

— И куда мы будем звонить в Москву? В штаб ПВО? В Министерство здравоохранения? Куда? В ЦК?

Слова Гронского звучали разумно, но в них была ложь, в них был страх, что сильнее страха от увиденного. Страх перед собственной гибелью, но не физической, а моральной, карьерной, деловой.

Вернулся шестерка с оттопыренными ушами. Он не скрывал восхищения перед филиппикой Гронского. Радостно кивая, будто ждал, когда начнут раздавать конфеты.

— Дело говоришь,— сказал Спиридонов.— До Москвы больше тысячи верст. Пока мы будем дозваниваться да искать, с кем побеседовать, утро наступит. Давайте сначала попробуем задействовать местные силы. Чем больше сделаем сами, тем меньше будет претензий у Москвы. Как там, Гронский, на биокомбинате? Что тебе сказали?

— Никто не подошел.

— Это ничего не значит. Что у тебя предусмотрено на случай аварии?

— Есть программа у дежурного.

— Ты ему приказал действовать?

— Сергей Иванович, но ведь нет аварии на моем заводе! Нет аварии! Что-то случилось здесь, в центре. А завод вон там. Вы же знаете.

— Так, значит, на завод ты еще не звонил? Иди звони.

Заметив, что шестерка хочет бежать за Гронским, Спиридонов приказал ему:

— А ты, Плотников, давай в номер люкс, держи ключ! Неси сюда бутылку и стакан.

Спиридонов посмотрел на Шубина.

— Два стакана. Нам подкрепиться надо... Так, Шубин?

— Так,— Шубину захотелось улыбнуться. В Спиридонове была внутренняя ясность, которая позволяет подчиняться без сопротивления.

— Гронский на завод не дозвонится, вот увидишь, что не дозвонится. У него там тоже все дрыхнут. А мы с тобой, знаешь что сделаем? Мы с военным аэродромом свяжемся. Здесь есть, в Нехаловке. Пускай поднимут вертолеты и облетят город. Прежде чем действовать, мы должны знать, с чем имеем дело. Разумно?

— Разумно,— сказал Шубин.

— Вот и я так думаю. Пошли, а то я помру от этой вони. Мутит. Тебя мутит?

— Мутит,— сказал Шубин и отметил про себя, что ему очень хотелось добавить «так точно!».

Наверху народу прибавилось. Гронский был у телефона. Все смотрели на него. Эля стояла в сторонке, увидела Шубина и обрадовалась. Но не подошла, не посмела. Она понимала, что теперь наступило время начальников.

В стороне стояли три грузина из ресторанной компании. Они допрашивали милиционера, хотели посмотреть, что там, внизу, но милиционер пришел в себя и говорил

властно. У лифта, где все еще горел красный огонек, стоял второй из командировочных, что был с Шубиным в ресторане. Надо ему сказать, что его товарищ погиб. Потом скажу, подумал Шубин. Он хотел было подойти к Эле, но тут Гронский громко сказал:

— Это кто у телефона? Почему не подходите? Кто, кто — Гронский, вот кто! Что там у вас происходит?

Гронский послушал ответ. Все замерли, замолчали.

— А кто у телефона? — продолжал Гронский. — Так вот, Ховенко, выйди из дежурки, обойди территорию. Я тебе через десять минут позвоню. А если что — немедленно отзовишь сюда. Какой телефон?

Гронский спросил, зажав трубку ладонью:

— Какой здесь телефон?

— Двадцать-триста четыре, — отозвалась дежурная по этажу.

— Двадцать-триста четыре. Гостиница «Советская». Немедленно отзови.

Гронский положил трубку с таким видом, словно у него гора свалилась с плеч.

— У нас все в порядке, — сказал он.

Получалось, что все происходящее вокруг — лишь видимость, недоразумение.

Это уловил и Спиридонов.

— У тебя в дежурке все в порядке, — сказал он. — А что это значит? Ничего не значит! Люди погибли, а ты — все в порядке!

— Мы будем искать причину, — сказал Гронский, проводя ладонью по гладкой щеке. — Мне позвонят. Все выяснится. Я уверен, что утечка на биокомбинате.

Появился шестерка Плотников. Он нес поднос, на котором стояли початая бутылка водки, два стакана и лежала нарезанная колбаска.

Он остановился перед Спиридоновым, не кланяясь ему, но всем своим видом изображая поклон.

— Молодец, — сказал рассеянно Спиридонов, — поставь на стол.

Тот поставил поднос на стол дежурной, и все смотрели молча, как Спиридонов разливает водку в два стакана, будто решая задачу, с кем разделить бутылку.

— Шубин, — сказал Спиридонов, — примем за знакомство.

Гронский не скрывал ненависти. Если бы не беда — ох бы он до Шубина добрался!

Может, в ином случае Шубин бы отказался, но именно из-за взгляда Гронского он стакан взял.

— За здоровье,— сказал Спиридонов.— Твое лицо мне знакомо. Откуда?

— Товарищ Шубин позавчера по Центральному телевидению выступал,— сказал шестерка, легкомысленно предавая своего шефа.

— Точно,— сказал Спиридонов.— У меня память на лица.

Он выпил свой стакан в три глотка.

— Давай, набирай аэродром, Гронский! Поднимем родные ВВС в темное небо. Ты чего не пьешь? — спросил он Шубина.

— Я знаю, куда позвонить в Москве,— сказал Шубин.— Надо позвонить к нам, в «Известия». Они знают, что делать.

— Зачем? — быстро ответил Гронский. Он уже цепко держал телефонную трубку.— Мы собственными силами, без прессы.

— Испугался,— без злобы сказал Спиридонов.— Ты понимаешь, Шубин, что будет, если Москва сейчас вмешается?

— Я думаю о пользе дела,— сказал Гронский и стал набирать номер.

Шубин знал, что все равно позвонит в газету. Сейчас же. Из своего номера.

— Сейчас он с крылышками свяжется, потом твоя очередь,— сказал Спиридонов.— А ты пей, не люблю, когда мои люди манкируют своими обязанностями.

Шубин понял, что никуда ему не деться от принадлежности к людям Спиридонова. И пить придется.

Он выдохнул воздух. И подумал — господи, спаси меня от этой чести...

Свет погас. Он погас везде — на лестнице, в коридоре, даже погас красный огонек лифта.

Это произошло не беззвучно — все здание будто ахнуло — так отозвался в ушах Шубина общий вздох, вскрик всех, кто стоял вокруг. И сразу стало видно, что небо за окном зловеще светится желтоватым отблеском.

Шубин посмотрел туда. Фонари на площади потухли, потухли окна в домах на площади. Погасли окна в вокзале. И лишь в автобусе, что стоял посреди площади с открытыми дверями, у которых лежали его водитель и пассажиры, горел яркий свет. И дальше к вокзалу светился еще один автобус. Тоже пустой.

Шубин поставил стакан на край стола. «Если высшие

силы прислушиваются к моим просьбам», — началась мысль, но так и не кончилась, потому что невдалеке возник голос Эли:

— Юра, ты где?

— Я здесь, — сказал Шубин. Он пошел к Эле, наткнулся на кого-то... Я здесь!

Эля была рядом. Вот она. Она уцепилась в его руку, как цепляется перепуганный ребенок.

За спиной голос Спиридонова произнес:

— Как связь? Работает?

— Нет, — ответил Гронский. — Молчит.

— Значит, энергию вырубili. Кто-то догадался, что опасно.

— А может, не догадался, — сказал Шубин. — Может, до них добрался туман.

— Это может быть? — спросил Спиридонов.

— Электростанция старая, на реке, — сказал Гронский.

— В низине?

— На нашем уровне.

— Мог добраться, — сказал Спиридонов. — Так что, Шубин, со звоном в Москву придется потерпеть.

— Вижу, — сказал Шубин.

Небо за окном светилось, по нему быстро бежали синие облака, между ними открывалась и сразу пропадала луна.

— Гражданка дежурная, — сказал Спиридонов. Он всегда успевал сказать раньше других. — Дежурная по этажу здесь?

— Здесь, — отозвалась та.

— На случай перебоев в энергии, где хранятся свечи или лампа?

— У горничных в комнате, — ответила дежурная.

— Тогда несите.

— Не могу, — сказала дежурная. — Как раз керосин кончился. Обещали завтра принести.

— Все у вас наперекосяк!

— Но ведь обещали. Если бы знать, из дому бы принесла.

— Все равно несите, — сказал Спиридонов. — В каких-то лампах должен остаться керосин. Вы ведь его не выпивали? Спички есть?

— Ой, кто тут? — раздался голос дежурной — значит, она все же двинулась и натолкнулась на кого-то в темноте.

— Да помогите ей кто-нибудь,— рявкнул Спиридонов. Его квадратная фигура закрыла окно. Шубин подошел к нему.

— Нас, конечно, вызволят,— сказал Спиридонов тихо, будто сам себе.— Но скандал будет большой. Гронскому не удержаться.

Сзади что-то гремело, дежурная искала лампы.

— Вы что-то сказали? — услышался голос Гронского.

Шубин подумал, что Гронский услышал слова Спиридонова, но предпочел не разобрать их.

— Ничего,— сказал Спиридонов.— Просто меня интересует, как вы дошли до жизни такой?

— Это не мой завод!

— Все равно будут искать виноватых. Смотри, сколько народу погубил.

— Когда разберутся, поймут, что мы ни при чем.

— Завтра на митинге бы и выяснилось,— сказал Шубин.

— Какой еще митинг?

— Да так, общественники, вы же знаете, сколько их теперь развелось,— сказал Гронский.— Сейчас нам надо думать о том, как выбраться отсюда.

— Общественность, говоришь? — Спиридонов не стал поддаваться на отводящий маневр Гронского.— И чем она была недовольна?

— Я с ними разговаривал,— сказал Шубин.— Вполне серьезные люди. Их беспокоило состояние атмосферы в городе. Они хотели написать коллективное письмо в Москву.

— Не успели,— сказал Спиридонов.— Но были правы. Понимаешь, Гронский, что были правы?

— Сначала надо разобраться, что случилось,— упрямо сказал Гронский.

— Тебя не собьешь.

— Что же делать, на этом держимся. Вы завтра поглядите, сколько мы писали в министерство, чтобы нам выделили фонды. Вам и писали. Мы этим воздухом дышим, а вы, Сергей Иванович, приехали и уехали.

— Еще напomini, что банкет вместе гуляли,— сказал Спиридонов.

— Я не это имел в виду. Я о нашей общей ответственности за дело. Мы — подчиненные люди, мы старались как можно лучше выполнить указания.

— Ну вот,— усмехнулся Спиридонов,— топи всех, мо-

жет быть, в коллективе выплывем... Нет, Гронский, боюсь, что тебе это не удастся.

Сзади замелькал огонек.

— Нашла,— сказала, подплывая, дежурная.— Нашла! И керосину там наполовину.

— Вот и отлично,— сказал Спиридонов, поворачиваясь и как бы сбрасывая с себя разговор с Гронским.— Иди обратно, ищи еще.

— Да она же горит! — сказала дежурная.

— Сколько их там у тебя?

— Штук шесть есть.

— Так вот бери лампу и иди обратно. Из шести еще две должны гореть. Мы одной не обойдемся. А когда найдешь, одну поставь мне сюда, с другой пойдешь по этажам, скажешь другим дежурным, чтобы тоже лампы зажигали. И собирали людей. Никого в номерах оставаться не должно. Всех поднимать и гнать... Большое помещение есть? Чтобы повыше?

— Все холлы одинаковые,— сказала дежурная. Она высоко подняла горящую керосиновую лампу, и в круге света замелькали лица — Шубин понял, что народу вокруг прибавилось.

Тишина, владевшая гостиницей, сменилась растущим гулом голосов, окликов, шагов, стуков.

— Значит, так: собираем всех, кто живет в гостинице, в холле третьего этажа. Понятно? С дежурной, пойдут Плотников и Гронский. Нужны еще добровольцы — по одному на этаж. Ну, кто?

Второй командировочный откликнулся: ,

— Я пойду.

— Я могу пойти,— сказал Шубин.

— Нет, ты останешься со мной.

— Я тоже, пожалуй, останусь здесь,— сказал Гронский тихо и требовательно.— Надо организовать мозговой центр.

— Мозговой центр — это я,— сказал Спиридонов.— При мне будут Шубин и милиция. Ты здесь, милиция?

— Здесь,— сказал сержант.

— Остальные — исполнять.

Появилась вторая лампа. Стало веселее и уютнее. Был установлен вроде бы порядок, который помогает не думать о тех людях, что лежат этажом ниже. Дежурная, преисполненная ощущением собственной значимости, двинулась вверх по лестнице. За ней — группа мужчин. Шубин заметил, как Гронский, шедший сзади, в послед-

ний момент отвернул от лестницы и остался в глубине холла.

— Сергей Иванович,— сказал Шубин,— Мы забыли про наш этаж. Я пройду, разбужу, не возражаете?

— Давай, и возвращайся поскорее.

— Я с тобой пойду,— сказала Эля.— Мне страшно здесь оставаться.

Шубин взял со стола лампу.

Она легко шла за Шубиным, касаясь его рукой.

— Юрочка,— сказала она, как бы моля, чтобы он ее переубедил.— А газ до моих не доберется?

— Он тяжелее воздуха,— сказал Шубин, стараясь, чтобы голос звучал убедительно.— Вверх он не поднимается. Сюда же не поднялся. Твои ведь на четвертом?

— На четвертом.

— Значит, они в безопасности.

— А вдруг они проснутся и вниз пойдут?

— Я надеюсь, что скоро все это кончится. Ведь не все же в городе вымерли. Есть районы, куда газ не добрался. Особенно на возвышенных местах. Поднимется ветер и все сгонит...

— А вдруг...

— Да подожди ты,— огрызнулся Шубин.— Лучше помогай. Я буду стучать в правые двери, ты — в левые.

Он постучал в первую дверь.

Не отвели. Постучал сильнее. Внутри кто-то завозился, недовольно прокашлялся.

Эля стучала в дверь напротив. Потом засмеялась.

— Ты что? — смех ее был удивителен.

— Я подумала,— сказала она,— что там они, как мы с тобой... Ведь сейчас больше двадцати трех.

Господи, улыбнулся Шубин. Как давно все это было! Целый час назад!

— Открывайте! — крикнул Шубин.— Авария! Одевайтесь и спокойно выходите из номера. Авария, понимаете?

— Что? Что такое? — открылась дверь дальше по коридору, где было совсем темно. Голос оттуда испуганно спросил: — Почему нет света?

— Где авария? — откликнулись за дверью.

Скрипнула дверь напротив. Шубин услышал, как Эля говорит двум девчушкам, стоящим в дверях в ночных рубашках:

— Ничего страшного. Но надо выйти из номера. Одевайтесь.

— А вещи с собой брать нужно? — спросили издали, из конца коридора.

Шубин пошел вдоль дверей, молотя в них кулаками. Некогда было уговаривать каждого в отдельности.

— Срочно одеваться! — кричал он. — Срочно выходить!

А в ответ раздавались голоса — казалось, они доносились не только из-за дверей, а со всех сторон — катились по коридору, отражались от потолка, от стен...

— Что? Пожар? Где свет? Что случилось? Кто там хулиганит...

Три лампы горели на столе дежурной на третьем этаже.

Холл этажа был тесно набит тяжело дышащими, перепуганными, сонными людьми. Некоторые не поместились, толпились в коридоре, все время подходили новые люди и шепотом, а то и громко спрашивали, что произошло.

Говорил Спиридонов. Неверный свет ламп обтёкал его грубое, щекастое лицо. На кого он похож? На Фантомаса? За его спиной стояли несколько человек, среди них, конечно же, Гронский и его шестерка. Как бы штаб. Шубин, обняв за плечи Элю, встал у окна.

— Пока не прибыла помощь, — продолжал Спиридонов, — а на ее прибытие мы рассчитываем, как только восстановится связь, никто из гостиницы не выходит. Никто не спускается ниже второго этажа, там высокая загазованность. Опасно для здоровья.

— Насколько опасно? — спросил кто-то из толпы.

— Очень опасно. Если не верите, можете проверить. Жильцы второго этажа переходят на этаж выше. Занимают пустые номера или остаются в коридорах.

— А водой пользоваться можно?

— Водой пользоваться не рекомендуется. Пока ее не проверят специалисты. Оснований для паники нет. Приказываю: строго подчиняться административной группе, которая размещается здесь. Я — Спиридонов Сергей Иванович. В случае необходимости обращаться лично ко мне.

Толпа качнулась к центру, к столу, за которым стоял Спиридонов. Начали спрашивать, перебивая друг друга, вопросы повторялись: про вещи, про радиацию. Спиридонов отвечал уклончиво и уговаривал оставаться в номерах. Но в номера мало кто ушел, спрашивали друг друга, никто толком ничего не понял. Но потом кто-то выглянул в окно, ахнул, все стали давиться у окна, Шубина оттолкнули. Он сказал Спиридонову через головы:

— Я пойду вниз, передайте мне лампу.

— Зачем? — спросил Спиридонов.

Шубин пробился к столу.

— Я хочу проверить, не поднимается ли газ.

— Рациональная идея, — сказал Гронский.

Спиридонов взял одну из ламп, протянул Шубину.

— Доложишь мне лично, чтобы никто не знал.

И тут же крикнул:

— Милиция, ты здесь?

— Здесь, — откликнулся сержант от лестницы.

— Никого вниз не пускать.

— Слушаюсь.

— Как же так? — раздался высокий голос. — Я же вещи из номера не взяла.

— Вещи возьмете завтра! — крикнул Спиридонов.

— Там мертвые! Они же все мертвые! — крикнули от окна.

Шубин пошел к лестнице. Эля собачонкой спешила за ним.

— Пойду погляжу, как там, — сказал он милиционеру.

— Вы осторожнее, — сказал тот.

— Спасибо.

— Может, девушка ваша здесь останется?

— Ничего, — сказал Шубин. — Она шофер.

— Шофер? — удивился милиционер. — А мне сказали, что это... из ресторана с вокзала.

— Они скажут, — огрызнулась Эля. — Я еще им покажу.

— Не покажете, — сказал милиционер. — Он там лежит, задохся.

Им удалось спуститься только до второго этажа. И тут же, тремя ступеньками ниже, Шубин увидел желтое, маслянистое в свете керосиновой лампы, мерцание. Что-то произошло, заставив туман ожить и двинуться выше. Впрочем, если источник тумана, где идет смертельная реакция, продолжает действовать — а почему бы и нет? — то газ постепенно заполняет котловину города. Люди, что живут в одноэтажных домах, давно уже умерли. Вернее всего, умерли. И не заметили, как это случилось.

— Поднимается, — сказала Эля. — Почему поднимается?

— Не знаю, — сказал Шубин.

— И сколько будет подниматься?

— Вернее всего, это предел, — сказал Шубин. — Газ

будет растекаться вокруг — он уже наполнил низину, а теперь будет растекаться.

— И убивать тех, кто выше?

— Шубин пожалел, что разрешил Эле идти сюда. Она дрожала, голос срывался.

— Надо посоветоваться со Спиридоновым, сказал он.— Пошли обратно.

Милиционер наклонился, увидев, как поднимается Шубин с лампой в руке. За спиной милиционера гудели голоса.

— Ну что? — спросил он.

— Немного поднялось,— сказал Шубин.— На второй этаж лучше не ходить.

— У вас закурить не найдется?

— Черт возьми, кончается,— сказал Шубин, достав пачку.

— Тогда не надо.

— Нет, берите, я в номере возьму.

— Ты туда не ходи,— сказала Эля.

— Слушайте, мы с вами вроде теперь знакомы,— сказал Шубин милиционеру.— А я не знаю, как вас зовут.

— Сержант Васильченко.

— А по-человечески?

— А по-человечески Коля, Коля Васильченко.

— Меня Юрой.

— Вот познакомились, даже странно,— сказал милиционер.— Сначала вроде как вы нарушали, а теперь мы вместе.

— Это ты точно заметил,— сказал Шубин.— Только когда-нибудь потом расскажешь мне, чего я нарушал?

— Сами знаете,— сказал Коля и покосился на Элю.

— Ладно. Слушай, Коля, Эля останется с тобой. Чем скорее я схожу в номер, тем лучше. У тебя, Эля, там ничего не осталось?

— Нет. У меня только сумка была.

Он подтолкнул Элю к милиционеру и быстро спустился вниз.

Огонек в лампе затрепетал, чуть-чуть уменьшился. Еще не хватало, чтобы она погасла. Шубин покачал лампу, вроде бы внутри булькнуло.

На площадке второго этажа он остановился и снова поглядел вниз. Желтый туман мирно лежал у его ног. От него исходил мертвый запах. Это как вода, подумал Шубин. Как океан или озеро. На дне его лежат утонувшие люди. Было крушение, утонул корабль, и там лежат люди.

И между мной и ними толща воды. И эта вода разлилась широко, еще не известно, насколько широко. Затопила много домов... Наводнение на Урале, могут сообщить по телевизору. Хотя наводнения обычно случаются в Бангладеш. Да и лучше, если было бы наводнение. Или землетрясение. В этом никто не виноват. А здесь смерть безмолвная, подлая, придуманная людьми.

Он пошел по коридору. Еще недавно здесь были люди, даже запахи остались. Но теперь стояли тишина и запустение покинутого корабля, который чудом удерживается на плаву. В номере Шубин открыл чемодан. Что взять? Наверное, самое разумное — взять весь чемодан и отнести его наверх. Но неловко. Кто-нибудь заметит, и люди со второго этажа начнут рваться вниз. Нет, если всем нельзя, то и мне тоже. Шубину раньше не приходилось попадать в стихийные бедствия, и он даже удивился собственному решению — оказывается, совесть твоя не дремлет, Юра, сказал он себе.

Он достал из чемодана сигареты, потом положил в карман аляски банку с кофе. Документы здесь. Больше человеку на плоту в открытом океане ничего не нужно. Он хотел уже выходить, но тут его посетила мысль: а что, если предметы, попавшие в желтое мерцание, заражаются? Тогда он больше чемодана не увидит. Жалко, хороший чемодан, небольшой, крепкий, красивый, в Кельне покупал. И он забросил его на верх шкафа. Все же лишние полтора метра — может, не достанет. Потом заглянул в ванную, взял оттуда зубную щетку и пасту — тоже может пригодиться.

Перед тем, как уйти совсем, вернулся к окну.

Площадь была такой же — по ней тянулись тени от луж. В пустом автобусе все еще горел свет. Люди на снегу лежали так же покорно и неподвижно, как прежде. На крыше вокзала было какое-то шевеление. Шубин пригляделся. Там был человек. Нет, два человека. Ну и холодно им, подумал Шубин.

Где сейчас Бруни, Борис, Наташа? Если их забрали в милицию, то, вернее всего, их уже нет в живых. Шубин подумал об этом отстраненно, будто решал логическую задачу. Хорошо, если их отпустили. Тогда они дома. И если Бруни увидел, что творится, до того, как погас свет, он мог успеть позвонить в Москву или в Свердловск. Кто-то же должен был сообщить! Есть железная дорога, аэродром и воинская часть — город как бы вписан в паутину постоянных связей с внешним миром. Значит, сейчас уже

поднимается тревога — надрываются телефоны, спешат самолеты...

Шубин спохватился. Пора идти. Эля там с ума сходит. Вчера Эли не существовало. А сейчас он убежден, что она сходит с ума. И ничего в том странного. Может, никогда жена не была ему так близка, потому что за одиннадцать лет жизни ему ни разу не пришлось бояться за нее, да и она никогда не дрожала от мысли, жив ли он? Даже когда родилась дочка, он был за границей. Узнал об этом из телеграммы как о событии радостном и не тревожился. И расстались они как-то без трагедии. Он знал, что у нее роман, и даже почти знал — с кем, и даже понимал, что тот, другой, сильнее и отнимет Дашу. Когда захочет Даша, тогда он ее и отнимет. Так и произошло.

Два человека шли по гребню крыши вокзала.

Шубин закрыл дверь в номер. В этот момент керосиновая лампа погасла. Он потряс ее. Не булькает. Пришлось возвращаться, придерживаясь рукой за стену, а потом, уже в холле, возле стола дежурной, стало страшно — ему представилось, что желтый туман подобрался к лестничной площадке и молча поджидает его. Шубин набрал воздуха и задержал дыхание. Он шел, выставив вперед руки. Сердце заколотилось, и не хватало воздуха — грудь разрывало, так хотелось вдохнуть. И потом воздух сам прорвался в легкие. Даже зашумело в ушах. Но ничего не случилось. Шубин отыскал ступеньку и стал подниматься, хватаясь за перила ослабшей от страха рукой.

— Это ты? — прошептала сверху Эля.

— Лампа погасла, — сказал Шубин. И голос сорвался. Он кашлянул. — Все в порядке. Только лампа погасла, керосин кончился.

Эля бросилась к нему. Она плакала.

— Я хотела к тебе бежать, — сказала она. — А Коля не пускает.

— У нее же света нет, — сказал рядом не различимый в темноте Коля. Они, оказывается, спустились на пролет, ожидая его.

— Да чего со мной случится? — сказал Шубин. — Ничего не случится.

— Чуть не забыл, — добавил Шубин. — Держи. Сигареты.

— Вот спасибо, — обрадовался Коля. — А я думал, что забудете.

— Спички есть?

— Есть.

Они с Элей поднялись выше. Лампа на столе мигала, в ней тоже кончался керосин. Можно было различить силуэт Спиридонова, который стоял, опершись ладонями о стол. Возле него было несколько черных теней. Толпа куда-то рассосалась.

— Основа, очевидно, сероводород,— негромко бубнил Гронский,— он сам по себе опасен. Но без анализа я не скажу.

— Ты же химик. Придумай, что делать,— сказал Спиридонов.

— Я не химик, а администратор. Но даже химик другого не скажет.

— Мать вашу! Довели город до ручки!

Спиридонов почувствовал приближение Шубина.

— Куда провалился?— сказал он ворчливо.

— За сигаретами ходил,— сказал Шубин.— Пока не поднимается.

— Дай-ка сигареты,— сказал Спиридонов,— Хоть я и бросил. Шубин открыл пачку. Спиридонов взял сигарету.

— «Мальборо»,— сказал он.— Фирменные куришь?

Из темноты протянулись еще две руки, взяли по сигарете.

— Вы будете?— спросил Шубин у Гронского.

— Я не курю,— ответил тот, словно в предложении Шубина было нечто неприличное.

Потянуло вкусным дымом.

...Слабенькое пламя керосиновой лампы, огоньки сигарет вокруг, тишина, чей-то повествовательный голос неподалеку, доносящиеся до слуха слова: «И был еще такой у меня случай. Попал я в командировку в Курган...» — все вместе создавало по-своему гармоничный, законченный ночной мир, и, если забыть, что внизу, под слоем желтой воды, лежат утопленники, то можно придумать вполне мирную, обыденную причину, объединившую этих людей, ожидающих, но не напуганных ожиданием.

— Сергей Иванович,— сказал Шубин.— Я хочу подняться на крышу.

— Зачем? Хотя ты прав, надо, наконец, осмотреться. Иди. Доложишь. Возьми с собой только кого-нибудь. Один не ходи.

— Я милиционера возьму,— сказал Шубин.— Он местный, он может объяснить.

— Разумно. Идите. Плотников, смени милиционера на лестничной площадке.

Эле Шубин велел остаться внизу, потому что она была

без пальто. Эля не стала спорить. Она сказала, что поищет свободный номер, чтобы там устроиться, потому что Юре надо поспать.

С ними пошла дежурная со второго этажа. Этажом выше они нашли лампу. Лампы горели и на пятом этаже, и на шестом, последнем. Во всех холлах был народ — люди боялись расхотиться по темным номерам. При виде милиционера с Шубиным люди оборачивались, вставали, спрашивали, что нового. Какая-то женщина сказала:

— Я видела пожар. Из моего окна.

— Спасибо, мы сверху поглядим,— сказал Шубин.

На шестом этаже играла музыка — она доносилась из глубины коридора. Музыка была современная, рваная, с выкриками.

— Что там? — спросил Коля у старика, который сидел за столом дежурной и читал при свете керосиновой лампы.

— Гуляют,— сказал старик равнодушно.— Видно, большие запасы спиртного. Вот и решили ликвидировать.

— Со страху, что ли? — спросила дежурная.

— А им с шестого этажа ничего не видно,— сказал старик и перевернул страницу.

— А вы что читаете? — спросил Шубин.

— Евангелие,— ответил старик. И снова перевернул страницу.

— Чудак,— сказал милиционер, когда они вышли на служебную лестницу. Дежурная показала дверь на чердак. Дверь была закрыта и опечатана.

— Здесь печать,— сообщил Коля.

— Вижу,— сказала Шубин.— Срывайте.

Милиционер колебался. Шубин протянул руку и сорвал печать. Он нажал на дверь, та не поддавалась.

— Дайте я,— сказал милиционер. Он отклонился назад и ударил в дверь плечом. Дверь послушно распахнулась.

Дежурная сказала:

— Вы там найдете выход. А я не пойду. Не одетая я. Я здесь подожду. Вам лампа не нужна?

Они легко нашли выход на крышу.

Было холодно, но безветренно. Большинство домов в городе были ниже гостиницы, потому был виден весь город до невысоких холмов, ограничивавших котловину, разделенную посередине рекой.

Видно было хорошо. Светила луна, чуть светилось небо, а за рекой полыхал пожар. Дворы и крыши домов были покрыты снегом. Так что город был виден почти как днем.

Крыша была плоской, снег лежал на ней ровно — никто не поднимался сюда за последний день.

Город спал. Ни в одном из домов не было огня. Хотя нет, если напрячь зрение, увидишь, что далеко, там, где стоят пятиэтажки, в одном или двух окнах мерцает слабый свет — кто-то зажег свечи.

Шубин поглядел вниз — видна была улица, ведущая от вокзала к центру. Он сразу увидел те же игрушечные фигурки, темные полосы и закорючки на снегу и на грязной мостовой — всюду лежали люди. Их было не так много, потому что несчастье случилось поздно, а город после одиннадцати засыпает. Но все равно в поле зрения оказались десятки тел. Там несколько человек тесно лежат на автобусной остановке, а вот и сам автобус — окна светятся, как у того, что у станции.

Дальше по дворам и переулкам, видимым лишь частично, мертвых было очень мало. Один, два... но переулки были застроены одноэтажными домами, и желтый газ забрался в них.

Газ можно было угадать. Не столько увидеть, сколько угадать — настолько он был прозрачен. Он накрыл центр города ровным спокойным слоем прозрачной воды. На главной улице он достигал середины окон первого этажа, дальше в переулках он кое-где залил одноэтажные строения до самых крыш. Местность постепенно понижалась к реке — черной полосе за домами. Там, у реки, туман поднимался даже до третьих этажей.

Над водой он клубился, двигался, жил, как бы рождался из воды, выплескивался и, успокаиваясь, как вода, выходящая из подземной скважины, растекался во все стороны. Слева река вливалась в черное незамерзшее озеро, также покрытое подушкой желтого тумана.

Значит, понял Шубин, процесс рождения газа продолжается. И он постепенно поднимается. В желтом тумане там, за рекой, играли отблески пожара. Горело большое трехэтажное здание — в его широких окнах светилось адское пламя, языки прорывались уже сквозь крышу, черный дым порой закрывал луну.

— Что там? — спросил Шубин.

— Текстильная фабрика, — сказал Коля.

Удивительна была безжизненность пожара. Ведь пожар всегда привлекает к себе — не только пожарные машины, но и зеваки окружают место пожара, он вызывает мельтешню людей. А этот пожар пылал в полном безмолвии и равнодушии города.

Шубин старался понять, рассеивается ли желтый туман рядом с огнем, но на таком расстоянии нельзя было вычленить его бесплотную суть из сполохов огня.

Еще один пожар разгорался дальше — там горел жилой дом, стандартная пятиэтажка, частично перекрытая другими домами, и потому земля вокруг нее не была видна. Но даже если бы и была — лучше не смотреть, потому что люди, выбегая из дома, наверняка погибали тут же от газа — дом стоял неподалеку от реки.

А за рекой и такими же немymi и темными кварталами, как по эту ее сторону, город взбирался на пологий склон. Там тоже стояли дома — одноэтажные улицы сбегали к озеру, погружаясь в туман. Дальше начинались заводские здания. Над лесом труб не было дыма, в окнах — темнота. А есть ли там люди и что они делают — отсюда не разберешь.

— Юра, ты здесь?

Эля вылезла на крышу и побежала к ним. Она была в одном платье.

— Ты зачем сюда пришла? Здесь ничего мне не грозит, — сказал Шубин. — А ну, давай обратно, простудишься.

— Ну и пускай, — сказала Эля. Она отмахнулась от Шубина, она смотрела к реке, в сторону горящего дома.

— Ты что?

— Ой, — сказала Эля.

— Это твой дом? — впервые за эту ночь Шубин ощутил холодный ужас.

— Нет, это двадцатый, — сказала Эля. — Мой дальше, правее.

— Не бойся, огонь не перекинется, — быстро сказал Шубин. — Ты же видишь, между ними сквер.

— Но там Верка живет... ты не знаешь. Подруга моя...

— Уходи, — сказал вдруг милиционер. — Уходи, а то силой уведу!

— Нет, не надо, я боюсь, там темно. Пожалуйста, не надо.

Шубин снял аляску, накинул на плечи Эле.

— Коля, — спросил он осторожно, — а ты где живешь?

— Я в общежитии, — сказал милиционер. — Я же после армии. Отсюда не видно... за теми домами. Мне не за кого беспокоиться. Как и вам.

— А почему он загорелся? — спросила Эля.

— Кто-то мог оставить утюг или плитку...

— Оставить и умереть, да?

— Тише!

Над головами родился отдаленный гул. Он приблизился. Над ними летел самолет.

— Нет,— сказал милиционер.— Это рейсовый. Высоко летит.

— Если никто не заметил, что нет энергии,— сказал Спиридонов, который тоже вышел на крышу,— то пожар заметят. Уже заметили.

— Хорошо бы заметили, но плохо, если поедут тушить,— сказал Шубин.

— Далеко не доедут,— согласился Спиридонов.

Спиридонов был в расстегнутом пиджаке, обширный живот наружу. Галстук съехал набок.

— Сейчас бы выпить,— сказал он.— Твой стакан где остался?

— На втором этаже.

— И бутылка там?

— Там, наверное.

— Ладно, потом схожу.

Между тем Спиридонов оглядывал город. У него плохо поворачивалась голова, и потому он разворачивался всем телом.

— До воинской части далеко?— спросил Спиридонов у милиционера.

— Километров двадцать,— Коля показал в сторону завода.

— Дым должны заметить. Не могут не заметить. А аэродром где?

— Там же, только поближе,— сказал милиционер.— Сейчас самолет пролетал.

— Чего же вы молчали? И куда полетел?

— Наверное, рейсовый,— сказал Шубин.— Он высоко пролетел.

— Не люблю,— сказал Спиридонов,— сидеть и ждать, пока тебя сожрут с дерьмом. Этого не люблю. Как ты думаешь, есть какое-нибудь противоядие?

— Не знаю.

— Я тут допрашивал — есть ли химики? Один нашелся, но никакой версии не дал. Потом смылся куда-то.

— Надо сделать ходули,— сказал милиционер.— Только подлиннее, чтобы голова выше была.

— Хорошая мысль,— сказал Спиридонов.— А потом что?

— Потом уйти.

— Много ты на ходулях в своей жизни ходил?

- Не ходил еще.
- И на скрипке не играл?
- Нет, не играл, а что?

— А то, что всему научиться надо. Выйдешь ты на ходулях на площадь, гробанешься на третьем шаге — и прощай, деревня.

Спиридонов прошел на ту сторону крыши, Шубин присоединился к нему. Оттуда были видны подъездные пути с темными вагонами, трупы на рельсах, далее — погруженные по пояс в желтый туман дома, склады... С той стороны город кончался раньше — можно было разглядеть в темноте щетку леса.

— Я что думаю,— сказал Спиридонов,— у них в гостинице должен быть штаб гражданской обороны. Милиция, случайно не знаешь, где он?

— Нет, не знаю.

Милиционер тоже подошел к ним, на той стороне крыши осталась только Эля. Она все смотрела на свой дом и соседний, горящий.

— Жаль,— сказал Спиридонов.— Но вернее всего на первом этаже. И какого черта все склады устраивают на первом этаже?

— Потому что города редко затопляет,— сказал Шубин.

— Обыскать бы первый этаж, там наверняка противогазы гниют.

— Если противогазы помогут от этого,— сказал Шубин.— Нет гарантии. Нужны с автономным питанием.

— А мы бы попробовали. Надели бы на Гронского и отравили его. Останется живой, мы все спасены, а погибнет — почетные похороны.

— Жалко, но ваш план не пройдет.

— Вижу, что не пройдет. А может, морду замотать мокрым полотенцем? Я читал где-то.

— И куда пойдете?

— Заведу автобус...

Сзади донесся гулкий звон. Еще удар, еще...

Они кинулись на тот край, к Эле.

— Что это?— спросил Спиридонов.

— Это в церкви,— сказала Эля.— Звонят.

— Зачем?— спросил Спиридонов.— Это еще зачем?

— Набат,— сказал Шубин.— Слышите, как бьют? Часто и одинаково.

— Кто разрешил?— И тут же Спиридонов опомнился, махнул рукой.

— Странно,— сказал Шубин.— Он ведь как-то прошел в церковь?

— Церковь на холме,— сказала Эля.— А он, наверное, в доме живет, возле церкви. Красный дом такой.

— Точно,— согласился милиционер.— Он там живет.

— Зря он колотит,— сказал Спиридонов,— и без него плохо.

— Может, он хочет предупредить,— сказал Шубин.— Или привлечь внимание.

— Не знаю, не знаю,— сказал Спиридонов.— Какой дурак услышит, выскочит из дома — вот ему и конец.

Они замолчали, колокол продолжал бить, словно пытаются разбудить мертвый город.

— Я бы полжизни сейчас отдала, только бы до дому дойти,— сказала Эля.

— Не швыряйся жизнью, девушка,— сказал Спиридонов.— Еще нарожаешь.

Эля поежилась, но сделала вид, что не расслышала.

Она потянула Шубина за руку — чтобы уйти.

— И точно холодно,— сказал Спиридонов, заметив ее движение.— Пошли, я совершу рейд на второй этаж — чтобы бутылка не пропадала.

Шел второй час ночи, на шестом этаже холл опустел. Три человека спали в креслах, поставив рядом вещи, остальные все же разошлись по комнатам.

На четвертом этаже все еще играла музыка. Спиридонов сказал:

— Разогнать их, что ли? Пир во время чумы устроили.

— Не тратьте силы, только нарветесь на скандал,— сказал старик. Он все еще читал Евангелие.— Они хотят заглушить страх. Каждый это делает, как может.

— Но нам-то бояться нечего.

— Люди, которые мертвые, тоже ничего вчера не боялись.

— Ладно, пошли,— насупился Спиридонов,— нечего тут мистику разводите.

На третьем этаже у стола стояли Гронский и шестерка Плотников. О чем-то шептались.

— Вас долго не было,— сообщил Гронский Спиридонову.— Пока никаких происшествий не произошло.

— Отдыхайте,— сказал Спиридонов.— Завтра трудный день.

Звук колокола сюда не проникал.

— Я пошел на второй этаж,— сказал Спиридонов.—
Надо проверить.

— Я с вами,— вызвался Гронский.

— Обойдусь,— сказал Спиридонов.

Лампа совсем уже выгорела, вот-вот погаснет.

— Ты лучше сходи, Гронский, наверх,— сказал Спиридонов.— Принеси другую лампу, там вроде лишняя есть. Только у старика не отбирай.

Он подмигнул Шубину.

— Даю вам пять минут,— сказал Шубин.— Потом высылает спасательный отряд.

— Я сам кого хоть спасу,— сказал Спиридонов и, убедившись, что Гронский с шестеркой ушли, уверенно двинулся к лестнице.

Лампу он взял с собой. Стало темно.

— Я комнату нашла,— сказала Эля.— Пойдем, ты поспишь немножко. Тут рядом, вторая от края.

Шубину спать не хотелось, но он послушно пошел за Элей — она должна быть занята, думал он, хотя никак не мог придумать ей такого занятия, чтобы она отвлеклась от мыслей о доме.

Эля толкнула дверь. Номер был куда больше, чем у Шубина.

— Люкс,— сказала она.— Он был пустой, они всегда люксы держат для особых гостей. Как Спиридонов.

— А кто он такой, не знаешь?

Шубин отодвинул тяжелые шторы, чтобы впустить в комнату лунный свет.

— Вроде бы начальник главка. Из Москвы. Он Гронского начальник.

— Станный человек. В нем нет страха. И нет вины. Как будто он на каких-то маневрах.

— Это хорошо или плохо?— не поняла Эля.

— Не знаю. Но знаю, что сейчас лучше, что он с нами. Бывают люди, которые умеют командовать. Это призвание.

— Он умеет, это точно,— сказала Эля.

Шубин притянул к себе Элю, поцеловал ее в закрытые глаза. Она покорно стояла рядом. Потом сказала:

— Не надо сейчас, хорошо?

— Что не надо?— не понял Шубин. И тут же догадался, улыбнулся и ответил:— Я просто тебя поцеловал. Понимаешь — просто, потому что ты очень хорошая и я тебя люблю.

— Правда?

— Честное слово.

Он смотрел в ее глаза — удивительно, как он привык к темноте, словно лемуру какой-то.

— Мне страшно,— сказала Эля.— Но я очень счастливая. Это плохо?

— Почему плохо?

— Потому что Митька и мама там, а я счастливая?

— С ними ничего не будет. Я тебе слово даю.

— Спасибо, ты добрый.

Шубин посмотрел в окно — как там люди на крыше вокзала?

Но никого не увидел.

И замер от удивления. К вокзалу подходил товарный поезд. Яркой звездой появился огонь прожектора, ударил по вокзалу, протянулся дальше. Даже сквозь стекло было слышно, как стучат колеса. Поезд миновал вокзал. В про свете между зданием вокзала и багажными строениями было видно, как проскакивают вагоны.

— Неужели он не заметил?— спросила Эля.

— Он и не должен здесь останавливаться,— сказал Шубин.— Только если впереди какое-нибудь препятствие.

— Какое?

— Может быть, состав не увели с пути, или человек лежит... Не знаю.

— Пускай ничего не будет, пускай он проедет,— сказала Эля.

И как бы в ответ на ее слова раздался отдаленный скрежет. Вагоны начали как-то дергаться, замедляя ход, поезд останавливался.

— Черт, сглазил,— сказал Шубин.

Он представил себе, как машинист, увидев какое-то препятствие или почувствовав неладное, потому что не освещен вокзал и не горят светофоры, начал срочно тормозить. Он остановит состав... вот-вот. Потом скажет своему помощнику: «Свяжись со станцией, что у них там произошло, чего не отвечают?»

И никто им не ответит.

Видно было, как все медленнее тянутся мимо вокзала вагоны. И вот поезд остановился... А сейчас машинист прыгнет на землю... вот он упал... Вот его помощник спускается к нему, чтобы узнать, что случилось...

— Все!

— Что все?

— Ничего, это я про себя. Сколько времени прошло? Пойду посмотрю, что там со Спиридоновым. Ты останешься здесь?

— Нет, только не здесь. Я лучше к дежурной пойду. У стола дежурной Спиридонова не было. Милиционера тоже. Где Коля?

— Коля!— позвал он. Тот не откликнулся.

Лампа была у Спиридонова. Шубин ожидал увидеть ее свет, как только опустится на пролет ниже, но в холле второго этажа было темно. Куда же он отправился? Неужели вниз?

— Сергей Иванович!— позвал Шубин.

Шубин вспомнил о зажигалке. Сошел еще на несколько ступенек и остановился — не исключено, что желтый туман поднялся на площадку и Спиридонов попался.

Зажигалка горела ровно, но свет ее был очень слаб. Шубин присел на корточки — внизу, насколько доставал свет, тумана не было. Шубин спустился еще на две ступеньки вниз, снова осветил. Так он добрался до второго этажа, не обнаружив тумана. Он выпрямился.

Слабый свет падал через окно, на столе стояла бутылка из-под водки и пустой стакан.

Шубин прислушался. Из коридора донесся какой-то неясный шум. Хлопнула дверь.

Шубин окликнул:

— Сергей Иванович!

Кто-то громко выругался.

Шубин выскочил в коридор. Там, в дальнем конце, он увидел свет. На полу стояла керосиновая лампа. Возле нее дверь в номер была раскрыта, и в дверях возились какие-то темные фигуры.

Шубин побежал к свету. Там дрались... Невнятные и гулкие в темноте всхлипы, удары, возгласы...

Когда Шубин подбежал ближе, раздался тонкий, будто детский крик. Один из драчунов упал.

— Стой!— кричал Шубин.— Стой, я говорю!

Еще один человек старался подняться, перебирая руками по стене. Третий побежал к Шубину.

— Уйди!— кричал он на бегу.

— Не пускай! Не пускай!— кричали от открытой двери. И Шубин узнал голос Спиридонова.

Шубин кинулся навстречу бегущему, тот махнул рукой, но не удержался от встречного удара, что-то звякнуло о пол, человек упал, откатился к стене, но тут же поднялся и, прихрамывая, побежал дальше.

Второй, странно согнувшись, бежал следом. Нет, не Спиридонов — этот был тонок и невысок.

— Держи же, черт тебя дери!— Спиридонов лежал там, у двери, царапаясь, рвался прочь.

Шубин мгновенно вцепился в убежавшего, повис на нем. Человек вырвался из объятий Шубина, тот побежал за ним. Нет, не догнать. Он молодой и очень испуган.

— Ты куда!— это был голос милиционера Коли. Он раздался сверху.

Милиционер стоял на лестнице, подняв керосиновую лампу.

Шубин успел увидеть искаженное дракой, отчаянием плоское лицо. И тут на площадку выбежал, держась за бок, второй — тот, за которым бежал Шубин.

— Стой, стрелять буду!— крикнул Коля.

И оба беглеца, ничего не соображая и думая только о спасении, кинулись по лестнице вниз.

— Туда нельзя!— закричал Шубин.— Вы что!

Снизу раздался стон, глухой мягкий удар тела о пол. И еще один удар...

— Все,— сказал Шубин.— Идиоты.

— Чего же они,— сказал милиционер.— Не понимают?

— Теперь поздно рассуждать.

Шубин сказал:

— Дай лампу.

— А что там случилось?

— Что-то со Спиридоновым.

Он взял лампу и первым пошел по коридору. Коля шел сзади и задавал пустые вопросы:

— Слушай, а кто они? Ты их пугнул? А ты их рассмотрел? Здешние или пришли?

— Откуда пришли?— огрызнулся Шубин.— С крыши?

Спиридонова они увидели не сразу, потому что между ними и им была полоса огня: керосиновая лампа в драке упала, керосина в ней оставалось мало, но достаточно, чтобы пятнами занялся в коридоре грязный палас.

— Еще пожара нам не хватало!— крикнул Шубин. Он начал топтать пятна огня, от них сыпались искры. Шубин высоко поднял лампу, чтобы в нее не попадали искры.

Милиционер тоже принялся было протаптывать дорожку дальше. Было дымно, палас отвратительно вонял.

— Потом!— крикнул Шубин. Он перепрыгнул через полосу огня и наклонился над Спиридоновым. Тот полусидел, прислонившись к стене, закрыв глаза, прижав толстые крепкие пальцы к боку. Пальцы были темными от крови.

— Сергей Иванович!— позвал Шубин.— Что с вами?

Спиридонов ответил, еле шевеля губами:

— Пырнули, суки. У них нож был.

Милиционер продолжал вытаптывать очажки огня.

— Я думал, что сгорю,— сказал Спиридонов.

— Больно?— спросил Шубин.

— Нет, не больно, тошнит.

— Это от дыма,— сказал милиционер.— Давайте посмотрю, что там.

Спиридонов с трудом, как со сна, приоткрыл маленькие светлые глаза.

— А ты умеешь?

— Нас учили первую помощь оказывать,— сказал Коля.

— Тогда оказывай.

Шубин с милиционером помогли Спиридонову лечь на спину. Милиционер задрал пиджак и рубашку, чтобы увидеть рану.

— Эй!— сказал Спиридонов.— Огонь-то опять пошел. Шубин поднялся и принялся топтать проклятый палас.

— Ну и что?— спросил Спиридонов.— Как говорится, жить буду.

— А черт его разберет,— сказал Коля.— Рана небольшая. Только не знаю, какая глубокая. Это у них пером называется.

— Черт меня дернул,— сказал Спиридонов.— Я услышал, что они тут шуруют — удивился. Думаю, ну кому придет в голову шуровать в такое время? Я решил, что, может, кто из клиентов решил свои вещички наверх вытянуть. А они... а они... Слушай, живодер, ты можешь пальцами не лазить? Больно же! Еще микробы занесешь!

— Я платком,— сказал милиционер.

Шубин осмотрелся. Кое-где палас еще тлел. Водой бы его полить.

— Товарища надо наверх отнести,— сказал милиционер.

Спиридонов натужно кашлял. Он снова схватился за обнаженный грязный бок, и видно было, как кровь течет сквозь пальцы.

— А может, не трогать меня?— спросил Спиридонов.

— Нет,— принял решение Шубин.— Сюда газ в любой момент может проникнуть. И дымно.

— Вы не дотащите, только замучаете.

Палас дымил, дышать и в самом деле было трудно, милиционер пропал за пеленой дыма.

— Мы на одеяле,— сказал он.— Я из номера возьму.

Он отыскал дверь в номер, споткнулся обо что-то, выругался. Спиридонов застонал.

— Паршиво,— сказал он.

— Черт знает что,— сказал Шубин.— В самом деле грабители. Неужели в такое время они бывают?

— А почему нет?— сказал Спиридонов.— В такое время грабить — самый шик. Сбежали они?

— Сбежали,— сказал Шубин.

— Зря вы их не поймали. Они же на других этажах этим займутся.

— Нет, они вниз побежали.

Ясно... Значит, сильно мы их пугнули... черт, больно. Знал бы, не сунулся. Ты понимаешь, я думал, кто из клиентов...

Спиридонов замолчал. Он тяжело и быстро дышал.

Появился милиционер. Он тащил за собой одеяло. В дверях опять натолкнулся на чемодан, который, видно, бросили мародеры. И Шубин с равнодушным отстранением понял, что это его чемодан. Хороший, купленный в Кельне и совершенно не нужный.

Они перетасили тяжелого, как камень, Спиридонова на одеяло. Потом пришлось оставить его и снова топтать тлеющий палас.

— И ведра нету,— сказал милиционер.

— Сейчас, отнесем его к лестнице, там народ позовем, с ведрами. Потушим.

Они поволокли одеяло по коридору. Оно рвалось из рук, выламывало своей тяжестью пальцы.

— Здоровый вы мужик,— сказал милиционер.

— Теперь сам жалею,— сказал Спиридонов.— Осторожнее, черти!

Пока они дотащили его до лестничной площадки, Шубин выбился из сил. Еще шаг — и сердце лопнет.

Он отпустил одеяло и сказал милиционеру:

— погоди, я сейчас.

Только сейчас он сообразил, что милиционер так и не оставил лампы. Тащит одеяло одной рукой, лампа — в другой. Упрямый.

Шубин поднялся по лестнице — ему казалось, что он бежит, а дыхания не хватало, ноги были ватными. У стола сидели только Эля с дежурной. Они о чем-то разговаривали, и Эля резко подняла голову, услышав шаги и дыхание Шубина.

— Что случилось?

— Спиридонов ранен. У вас аптечка есть?— Шубин не дошел нескольких ступенек до этажа. Стоял, держась за стену.

— Должна быть,— сказала дежурная.— Сейчас поищу.

— Нам нужен доктор и мужчины, чтобы поднять его сюда. Где все?

— Кто выше перешел, а кто в номере сидит,— сказала дежурная.

— Беги по номерам!— приказал Шубин Эле.— Ищи доктора. Или сестру, ну, кого-нибудь ищи. И мужиков зови. Где Гронский с его шестеркой?

Шубин прислонился к стене. Не было сил сделать хоть шаг.

Эля бежала по коридору, барабанила в двери, и слышно было, как она спрашивает:

— У вас доктор есть? Там человека ранило! А мужчины есть — надо помочь.

Ему бы следовало подняться этажом выше и сделать то же там, но ноги не слушались.

Дежурная сказала:

— Вот аптечка, я думала, куда я ее сунула — вчера еще видела, а оказывается, в нижний ящик, голова садовая!

Шубин запрокинул голову и закричал в пролет лестницы:

— Если там есть доктор, пускай спустится на третий этаж! И мужчины, чтобы поднять раненого.

— Иду, иду,— послышалось сверху.

Быстро спулся старик, который читал Евангелие. Он нес лампу. За ним шел командировочный.

— Вы доктор?— спросил Шубин.

— Нет, но я хотел бы помочь.

Шубин открыл коробку из-под ботинок и высыпал ее содержимое на стол. Аспирин, таблетки от кашля, йод... Он взял с собой только рулон ваты.

Внизу было дымно. Милиционер сидел на корточках возле Спиридонова и поддерживал его голову. Спиридонов глухо стонал, в горле булькало. Шубин взглянул вниз и увидел, что желтая мгла, как бульон, заполнивший чашку до краев, подступила к самой лестничной площадке. Вот-вот начнет переливаться через край.

Остальные этого не заметили. Шубин дал Спиридонову ком ваты, и тот окровавленной рукой приложил его к боку. Когда тащили Спиридонова к лестнице, Шубин покрикивал:

— Выше держите, выше!

Он боялся, что провисшее под тяжестью Спиридонова одеяло коснется желтого тумана.

Пролетом выше их встретили Гронский с толстой Верой. Гронский помог тащить Спиридонова. Вера испугалась, что Спиридонов рассердится на Гронского. Она шла рядом с одеялом и все время повторяла:

— Все обойдется, у вас замечательное здоровье... Ну как же вас угораздило...

А когда Спиридонова втащили, толкаясь и делая ему больно, в первый из номеров, Гронский протиснулся к Спиридонову и укоризненно сказал:

— Ну, как же так неосторожно, Сергей Иванович!

Спиридонов не отвечал. Он закусил губу, по подбородку текла струйка крови.

Эля отыскала среди постояльцев медсестру, они выгнали из комнаты всех, кроме милиционера Коли, который помог им раздеть Спиридонова, и закрыли дверь.

Тогда Шубин вспомнил о пожаре.

Он стоял в холле, вокруг возникли люди. На шум пришли те, кто сидел по номерам.

— Кто пойдет со мной на второй этаж?— спросил Шубин, нарушив ожидательное молчание. Никто не назначал его заместителем Спиридонова, но тем не менее ждали именно его слов.

— Я пойду,— сказал старик, который читал Евангелие.

— Мы постараемся быстро посмотреть, что там творится. А остальные — срочно, понимаете, срочно — ищите ведра, миски — что угодно. Надеюсь, вы понимаете, что значит для нас пожар?

Снизу через лестничную клетку тянуло дымом.

— Я пожарный щит там видел,— сказал молодой грузин в кепке. Его звали, кажется, Русланом.— Огнетушитель есть.

— Это самое лучшее,— сказал Шубин.

Он колебался, сказать ли о желтом тумане, или промолчать. Ведь испугаются.

Но паузу уловили окружающие.

— А что? Что?— спросил кто-то из темноты.

— А вот что: газ добрался до площадки второго этажа. Предупреждаю — площадку проходить быстро, не задерживаться.

— А если до ног дотронется?— спросил женский голос.

— До ног, надеюсь, не опасно — очень надеюсь. Но гарантировать ничего не могу. Мы все тут равны... Впрочем, давайте договоримся: мы проходим к пожару. Если опас-

ности нет — то вы не спускайтесь. А если есть... тогда нужны будут добровольцы.

Вокруг молчали. И в этой внезапной тишине послышались гулкие быстрые шаги. Из темноты выскочил Руслан. Он нес огнетушитель и багор.

— Я же говорил,— сказал он.

— Спасибо,— сказал Шубин, протягивая руку.

— Багор возьми,— сказал грузин.— А огнетушитель сам буду использовать. Я инструкцию читал, а ты не читал.

— На площадке газ.

— Ты идешь?— обиделся Руслан.

— Иду.

— Значит, я иду, ара?

— Тогда вам не надо,— сказал Шубин старику.

— Прошу, не указывайте мне, что надо, а что нет,— тихо сказал старик.

Шубин не стал спорить.

Он взял с собой лампу, оставив холл третьего этажа в темноте. Лампа была последней, если не считать той, что горела в номере, где лежал Спиридонов.

Перед площадкой второго этажа Шубин остановился. Грузин и старик ждали сзади. Здесь было много дыма. Как Шубин ни вглядывался, он не понял — поднялся ли еще желтый туман.

— Не видно?— спросил сзади Руслан.

— Я пойду,— сказал Шубин.

— Подождите,— сказал старик.— Я вас буду держать за руку. Если вам, не дай бог, станет дурно, я вас вытяну.

— Спасибо, не надо,— сказал Шубин, но руку протянул. Пальцы старика были сильными и прохладными.

— И я возьму,— сказал Руслан.

Он ступил на площадку. Ничего не случилось.

— Пошли,— сказал он.

Так они и прошли площадку, держась за руки, втроем. Дальше было так дымно, что свет лампы проникал метра на два, не больше.

— Я включу огнетушитель,— сказал Руслан.

— Рано,— сказал Шубин.— До очага метров двадцать, не меньше.

— Может, и меньше,— сказал Руслан. Они прошли еще метров десять и близко услышали треск настоящего пожара.

— Плохо дело,— сказал Шубин.

Было куда теплее, чем на площадке, в лицо дуло горячим ветром, сквозь дым пробивались оранжевые блески.

— А теперь не рано,— сказал Руслан. Он перевернул огнетушитель. Он действовал по инструкции. Шубин подумал, что по закону подлости огнетушитель должен быть неисправен. У него же в руке был багор — бессмысленное оружие для борьбы с пожаром в гостиничном коридоре.

— Я пойду по номерам,— сказал старик.

— Зачем?

— Надо всюду включить воду. Пускай течет.

— Номера заперты,— сказал Шубин.

— Эх!— сказал Руслан радостно. Огнетушитель дернулся в его руке, и пенная струя рванулась вперед.

Шубин надеялся почему-то, что дым отступит, но струя пены смешалась с дымом, а тот не отступал. Дышать было невозможно — глаза резало так, что трудно было их открыть. Старик ударил ногой в дверь. Дверь открылась, а старик скрылся в темноте.

Стало слышно, как зашумела в ванной вода,— этот звук перекрыл треск пожара и шипение огнетушителя.

— Погоди,— Шубин схватил Руслана за руку.— Ты все истратишь.

— Понимаю,— сказал тот и скрылся впереди в тумане. Старик вышел из номера. Он нес большой белый ком.

— Я намочил полотенца,— сказал он.— Чтобы легче дышать.

Он вытащил из кома одно, и Шубин благодарно замочил им лицо. Показалось, что лучше.

— Эй, генацвале!— крикнул он.— Возьми противогаз!

Из дыма возник Руслан.

— Какой противогаз?— крикнул он.

Шубин протянул ему мокрое полотенце.

Сзади раздался крик:

— Вы где?

Это бежал командировочный. Он нес ведро.

— Мы вас не дождались,— сказал он.— Что делать?

— Вон там открыта дверь,— сказал старик.— Там течет вода.

— Понятно,— сказал командировочный.

Рядом появился еще человек, в дыму не разберешь — кто. Он тоже ринулся в номер, где текла вода, столкнулся в дверях с командировочным. Командировочный тут же, от двери, с силой плеснул водой вперед.

— Огонь дальше,— сказал Шубин.

— Без вас знаю,— крикнул командировочный и снова исчез в номере.

— Простите,— сказал старик.— Вы не будете так любезны помочь мне отойти немного.

Старик стоял у стены, запрокинув голову, и глаза его над белым полотенцем были мутными.

— Вам плохо?

— Сейчас пройдет.

— Ведра ни у кого нет?— спросили рядом.

— Возьмите багор,— сказал Шубин.

Он помог старику выйти в холл, что с трудом удалось сделать, так как навстречу бежали люди, в дыму и темноте они налетали друг на друга. Подняв лампу, чтобы обойти человека, который не мог разойтись с ними, Шубин узнал милиционера. Милиционер добыл где-то большой таз.

— Коля?— обрадовался Шубин.— Как там Спиридонов?

— А кто его знает. Лежит.

— Ладно. Возьми лампу и постарайся как-то организовать людей,— сказал Шубин.— А то, боюсь, они только мешают друг другу.

— Слушаюсь,— ответил милиционер.

Шубин в полной темноте вывел старика в холл, но и тут задерживаться было нельзя — из-за дыма трудно дышать. Вокруг были крики, метались люди, и Шубин подумал, что пожар был для них делом понятным и даже спасительным, потому что очень страшно было сидеть в тишине и чего-то ждать, когда в любой момент можно подойти к окну и увидеть мертвых людей на площади. Люди бежали на пожар с остервенением, но без страха, потому что пожар был бедствием объяснимым и всем было известно, что пожар можно потушить.

Шубин помог старику подняться этажом выше. Дыма было много и здесь, но, по крайней мере, можно было дышать.

— Есть тут кто живой?— спросил Шубин.

— Я на месте,— ответила дежурная, и Шубин различил ее силуэт за столом.

— Где-то было кресло,— сказал старик, отцепляясь от Шубина.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, спасибо вам,— сказал старик.— Я уже сижу. Так что вы можете заниматься своими делами.

Шубин перевел дух, сердце еще билось, ноги еще бежали, надо было сообразить, что делать дальше.

— Вы идите, не беспокойтесь,— неправильно истолковал его колебания старик.

— Сейчас... Скажите, а вы кто по специальности?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы читали Евангелие.

— Нет, я не священник. Я пианист. Я здесь на гастролях. Моя фамилия Володиевский, не приходилось слышать?

— Простите, я плохо разбираюсь в серьезной музыке.

— Меня мало кто помнит,— сказал старик.— Я всю жизнь подавал надежды. Но не больше. Но очень приятно, когда кто-то говорит мне: «Как же, слышал, неужели это вы?»

— Я к вам еще подойду,— сказал Шубин. Он обернулся к дежурной и добавил:— У вас там в аптечке есть что-нибудь от сердца?

— Не надо,— сказал Володиевский.— Я уже принял нитроглицерин.

Шубин пошел к Спиридонову.

Дверь в первый номер была закрыта. Он постучал:

— Войдите,— сказала Эля.

Шубин закрыл за собой дверь, чтобы не просачивался дым.

На столике у кровати горела керосиновая лампа. Эля сидела на стуле, держа Спиридонова за руку. Тот лежал на спине, глядя в потолок, одеяло ровным и пологим горбом покрывало его живот.

— Это ты Шубин?— спросил Спиридонов,— Ну как там?

— Горит,— сказал Шубин.— Но прибежало столько добровольцев, что, может, и обойдется.

— Если начало гореть как следует, нам не потушить,— сказал Спиридонов.— Глупо получилось.

— Почему глупо?

Эля поднялась со стула.

— Ты садись,— сказала она.— Хочешь, я тебе воды принесу? Только из-под крана.

Эля все еще была в его аляске.

— Слушай,— вспомнил Шубин.— Там в кармане — банка с растворимкой. Разведи мне холодной водой.

— Хорошо,— сказала Эля.

Она ушла в ванную.

— Я боюсь, что помру,— сказал Спиридонов.

— Еще чего не хватало.

— Ты думаешь, что я молодой?— сказал он.— Я же на фронте был. Я ран насмотрелся. Этот гад меня глубоко пронзил, слишком глубоко. А они кровь остановить не

сумели. Перевязали, все сделали, а она идет. Я уж руку держу под одеялом, чтобы кровь под себя подгрести. Чего людей беспокоить.

— Нет, так не будет,— сказал Шубин, словно отменял приговор.

— Дурак ты,— сказал Спиридонов.— Может, я этого заслужил. Пожар почему? Потому что я сдуру сунулся, куда не следует, лампу опрокинул. Если погибнете, проклинайте меня.

— Вы хотели как лучше.

— Я всю жизнь хотел как лучше. А получилось не как лучше... А знаешь, мне лучше помереть как бы на боевом посту... Я не шучу, Шубин. Я же понимал, чего Гронскому надо — на повышение, в Москву. Он старался, вторю очередь пустил без очистных — и отрапортовал. А я знал, что здесь липа. И про общественность знал, и про митинг. Все знал и дал понять Гронскому, что не замечаю. Даже вони не замечаю, в которой люди жили. Думал, что обойдется. Мне же тоже рапортовать — уже министру. А я уже пенсионный возраст прошел, сечешь? Если не выполним, мне уходить. А я еще сильный, у меня работать охота была... да что тебе говорить... Я и в Москву тебе не дал звонить... помнишь?

Шум воды в ванной прервался. В кране заурчало.

— Ну вот,— сказал Спиридонов.

— Что?— не сообразил Шубин.

— Я все ждал,— сказал Спиридонов.— Это же должно было случиться.

— Вода?

— Конечно. Там же насосная станция. Не из колодца же... А я все думал, как вы начали пожар тушить, вот и конец... вот и конец... Ко-нец... ко-нец...

Спиридонов будто играл этим словом, произнося его все невнятнее и тише.

В комнату вернулась Эля.

— Вода кончилась,— сказала она.

— Тогда плохо,— сказал Шубин.— Если они пожар потушить не смогли... не знаю, куда и бежать...

— Юра,— сказала Эля.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Надеюсь, у тебя еще будет в жизни немало поводов сказать это.

— Я правда тебя люблю.

Спиридонов застонал тонко и тихо, будто ребенок.

— Надо будет тащить его на крышу, — сказал Шубин, и мысль эта была просто ужасна. Эля не могла понять, что значит тащить Спиридонова.

— Почему на крышу?

— Это наш единственный шанс, — сказал Шубин. — Вниз нельзя. Это мгновенная смерть. А если уже поднялась тревога, то ищут на крышах.

— На вертолетах ищут?

— Наверняка... И пожар не сразу туда доберется.

Господи, как я неубедительно говорю, подумал Шубин. Я должен говорить твердо, чтобы Эля мне верила. И сейчас будут другие люди, и я тоже должен говорить им твердо, чтобы они верили.

Шубин подошел к окну. Окно в этом номере выходило на пустые крыши домов, на мертвые улицы и зарево пожаров. Шубин поглядел на часы. Еще нет трех. Всего три часа прошло?

Эля стояла рядом с ним, осторожно касаясь его плеча.

— Эля, — сказал Шубин. — Я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Да?

— Ты не согласишься быть моей женой?

— Ты с ума сошел!

— Я никогда в жизни не был так серьезен. Ты для меня — самый близкий человек на земле.

— Ой, ты для меня тоже. Митька и ты.

По коридору кто-то бежал. Остановился у двери. Громко спросил:

— Здесь?

Далекий невнятный голос дежурной ответил:

— Здесь, здесь.

Дверь распахнулась. Это был милиционер. Грязный, в саже. Он с порога закричал:

— Воды нет! Вода не идет!

— Знаю, — сказал Шубин.

— Но там горит! Весь этаж горит.

— Значит, не успели, — слышался слабый голос с кровати.

— Что делать?

Шубин вздохнул — никуда не деться.

— Будем выводить людей на крышу, — сказал он. — Сколько-то времени у нас есть. Давай, зови всех людей снизу. Пускай поднимаются. Проверьте по номерам, чтобы никто не остался. Я сейчас приду.

— Слушаюсь,— сказал милиционер.— Правильно, Юра.

— А сам придешь сюда. Гронского позови, нет, лучше того грузина, с огнетушителем... Будем поднимать наверх Спиридонова,— Шубин показал на кровать.

— Не надо,— сказал Спиридонов явственно.— Лишнее дело. Я умер.

— Иди, иди,— сказал Шубин.

— Сейчас,— милиционер громко затопал по коридору. Эля отошла к кровати. Посмотрев, Шубин увидел, что простыня и одеяло мокрые от крови, кровь течет на пол.

— Сергей Иванович,— позвал он.

Спиридонов не откликнулся.

— Он кровью истечет,— сказала Эля.

— Вижу. Перельют. Надо скорее его поднимать.

— А там мороз.

— Какого черта ты сомневаешься?— закричал Шубин.— Нельзя сомневаться. Если мы будем сомневаться, то останемся в мышеловке!

— Да,— сказала Эля робким голосом.

— Прости.

— Ты прав.

— Эля, если ты думаешь, что я сказал про женитьбу только потому, что у нас так получилось — нет!

— Я верю тебе, Юрочка,— сказала Эля.— Ты не беспокойся, я тебе, конечно, верю.

По коридору снова затопали. Вошел милиционер, за ним Руслан. Руслан был черен — весь — от кепки до пят. Кто-то еще топтался в дверях.

— Отнесем Спиридонова наверх,— сказал Шубин.— Нужно шесть человек, он тяжелый.

— Сейчас подойдут,— сказал Руслан. Зубы и белки глаз у него были белые. На кого же он похож? На шахтера, конечно же, на шахтера!

— Как там пожар?— спросил Шубин.

— Горит,— сказал Руслан.— Красиво горит.

— Нельзя понять,— сказал Коля.— Там дым.

Дым проникал и в номер, потому что дверь была открыта. Все толпились в махонькой прихожей.

— Заходите,— сказал Шубин.— Беремся за углы матраса, а двое посередине. Спиридонов молчал. Эля наклонилась, попробовала пульс.

— Не задерживай,— сказал Шубин.— И захвати все одеяла. Сколько можешь. Его надо будет закутать.

Спиридонова они до крыши не донесли. Сначала пришлось остановиться между четвертым и пятым этажами. Спиридонов начал биться, будто хотел вырваться, он ругался, но невнятно и непонятно было, чего он хочет. Эля, которая захватила с собой графин с водой, старалась его напоить. Он не пил. Потом вдруг перестал биться, замолк, вытянулся. Но еще не умер.

— Шубин,— прошептал он.— Шубин, ты здесь?

— Я здесь, Сергей Иванович.

— Прости, Шубин,— прошептал Спиридонов. Все замолкли, чтобы было слышно Шубину. Спиридонов быстро, мелко дышал. Потом заговорил снова:— Бойся Гронского. Он выживет. Ему надо будет это все дело покрыть... нейтрализовать. Понимаешь? Ты скажи... меня нет, а ты скажи... только осторожно, а жена моя проживает... ты паспорт мой возьми.

И вдруг он замолчал. И перестал дышать. Сразу.

Они стояли вокруг и ждали чего-то. Эля поставила графин на пол и пригнулась к его лицу, слушала. Потом наклонилась еще ниже и прижала ухо к груди.

— Молчит,— сказала она.

Шубин увидел, что глаза Спиридонова полуоткрыты. Он положил ладонь ему на глаза, и веки послушно сомкнулись. Лоб Спиридонова был горячим.

— Все,— сказал милиционер.

Мимо них проходили люди, обходили, поднимаясь наверх, некоторые несли вещи. Они старались не смотреть на лежащего человека. И ничего не спрашивали.

Шубин ощутил усталую тупость проходивших людей. Уже не страх, а усталость, когда все равно.

— Поднимем его?— спросил Шубин.

— Ты что, совсем дурак?— удивился Руслан.— Зачем мертвого таскать. Ему и здесь лежать хорошо.

Он натянул одеяло на лицо Спиридонову.

И они пошли наверх, на крышу.

На крыше уже было много народу. Некоторые принесли одеяла и кутались в них, сидя на чемоданах, другие стояли или ходили, вглядывались вдаль, смотрели в небо, откуда должно было прийти спасение.

Говорили тихо.

— Старик,— вдруг вспомнил Шубин,— старик там сидит.

— Где?— не поняла Эля.

Но дежурная по этажу поняла. Она стояла рядом, закутанная в одеяло, которое капюшоном свисало на глаза.

— Помер старичок, вы ушли, а он помер,— сказала она.— Я точно знаю.

— Почему вы знаете?

— Потому что он со стула упал. Я слышу, со стула упал, а он помер. Инфаркт, наверно.

— Не надо, не ходи туда,— сказала Эля.— Он все равно умер.

— Все помрем, грехи наши тяжкие,— сказала дежурная.— Никто живой не останется.

Шубин подумал — чего-то не хватает, чего-то ожидаемого. И понял: молчит колокол в церкви.

— Возьми куртку,— сказала Эля.

— Не надо, мне не холодно.

— Возьми, у меня одеяло есть.

— Вернусь, тогда возьму.

— Ты куда? Тот старик умер. Я сама видела.

Шубин увидел Гронского. Он стоял у края крыши, за ним шестерка Плотников. И две толстые женщины. Они были одеты — значит, было время одеться: Шубин понял, что он давно уже не видел Гронского. И он не обгонял их, когда несли Спиридонова. Значит, он поднялся сюда раньше.

Гронский стоял, приложив к ондатровой шапке руку в перчатке, и смотрел вдаль, как моряк, ожидающий встречи с землей.

Шубин хотел было сказать ему, что Спиридонов умер, но потом передумал: если сам не спрашивает, значит, забыл о начальнике. Вспомнит.

Подул ветер. Это хорошо. Ветер очень нужен. Зачем? Голова работает с трудом. Ветер нужен, объяснил он себе терпеливо, чтобы разогнать газ, и тогда мы все выйдем из гостиницы. Газ улетит, и мы выйдем. Если, конечно, огонь не отрежет нам путь.

— Коля,— позвал он.— Пошли вниз.

— Пошли,— сказал Коля, святой человек.— Зачем?

— Посмотрим, где огонь. И можно ли выйти из гостиницы.

— Я с вами пойду,— сказал Руслан.— Здесь холодно.

— А выйти нельзя,— сообщил милиционер, спускаясь за Шубиным по лестнице.— Там газ.

Было темно, приходилось идти, придерживаясь за стену.

— Ветер,— сказал Шубин.— Если станет сильнее, он разгонит газ.

— Ветер есть,— сказал Руслан.— Еще какой!

Спиридонов лежал на площадке, и Шубин, проходя, не удержался — поднял его уже похолодевшую тяжелую руку и постарался нащупать пульс.

Руслан и Коля молчали, ждали.

— Пошли,— сказал Шубин.

Но они смогли добраться только до третьего этажа. Там уже был такой дым, что не выйдешь даже в холл. Снизу доносился громкий треск — огонь пожирал нижние этажи. Шубина охватил ужас от ненадежности существования, от того, что огонь пытается выгрызть низ гостиницы и скоро, очень скоро он подточит ее, и крыша со всеми людьми, и Эля, и он — все рухнет в оранжевое пламя.

Шубин даже забыл, что хотел найти старика Володиевского.

— Плохие дела,— сказал Руслан.

— Поднимемся на четвертый,— сказал Шубин.

Там они подошли к окну, что выходило на площадь. Луна спряталась, и стало куда темнее. И небо светилось меньше. Площадь порой скрывалась за клубами дыма, что рвались снизу. Клубы мешали смотреть.

— Что хотите?— спросил Коля.

— Хочу понять, есть ли ветер на площади?

Он вглядывался в прорывы в дыму, стараясь угадать, в каком состоянии газ. Ему казалось, что желтая мгла завивается смерчками... нет, наверное, он так хочет это увидеть, что видит.

— Погляди,— сказал он Коле.

Милиционер и Руслан прижались к стеклу.

— Поехала,— сказал Руслан.— Точно говорю, поехала.

— Кажется, гонит,— сказал Коля.— Только не знаю, хорошо это или плохо.

— Почему?— спросил Руслан.

— А потому,— рассудительно произнес милиционер,— что ее может нагнать еще больше, чем раньше. Ты думаешь, что ее отгонит, а ее может пригнать.

Это была здравая, хоть и грустная мысль.

Дым валил все сильнее, и площадь появлялась лишь в редких просветах.

— Пошли вверх,— сказал Шубин.— Все ясно.

На крыше мало что изменилось — лишь возросло напряжение. Многие столпились у края, заглядывая вниз, показывали пальцами. Шубин понял, что надежда на то, что ветер, который не спадал, отгонит газ, овладела всеми.

Эля подбежала к Шубину.

— Разгоняет,— сказала она.— Ты знаешь?

— Хорошо бы скорее,— сказал Шубин.— Горит уже третий этаж.

— Не может быть,— прошептала Эля. Она сразу все поняла.

Высокий столб дыма поднялся над крышей, порывом ветра его бросило на людей, кто-то закашлялся. Испуганно вскрикнула женщина. Поднимавшийся ветер подавал надежду на спасение. Черный дым напомнил об опасности.

Шубин смотрел вдаль, к реке, к заводу. Зарево пожара на текстильной фабрике достигало реки, и Шубин мог поклясться, что видит не ровную желтую гладь, а клубы тумана, гонимого ветром.

— Надо спускаться,— сказал кто-то.

Гронский пошел к выходу с крыши. Шубина он обошел, словно не заметил.

За ним потянулась толстая Вера с приятельницей. Сзади шагал шестерка Плотников.

— Вы хотите спускаться?— спросил Шубин.— Я там только что был. Горит уже третий этаж. Вы не пройдете.

— Не поднимайте паники,— брезгливо сказал Гронский.— Мы намочим полотенца и пробежим.

— Вы забыли, что воды нет?— Притворяется он, что ли? Или обезумел?

— Как так нет воды?— Гронский подобрал брыли и нахмурился.

Шубин понял, что Гронский на крыше давно, он сюда поднялся еще до пожара, чтобы первым увидеть спасательные вертолеты.

— Воды нет давно,— сказал Шубин, понимая, что его слушают несколько десятков человек, готовых ринуться за спасителем — Гронским.— Вы сгорите. Это не лучшая смерть.

— Не может быть,— сказал Гронский, забыв следить за своим голосом. Оказалось, что в действительности он у него куда выше, чем полагают окружающие.

— Три этажа уже сгорели,— сказал весело Руслан.— А вы, гражданин, пока мы пожар тушили, по крыше гуляли, да? Самое интересное пропустили. Ничего, скоро крыша внутрь упадет — как фанерка в печку.

— Пускай он замолчит!— закричала толстая Вера, кутаясь в норковую шубу.— Запрети ему говорить.

— Он совершенно прав,— сказал Шубин.— Но мы еще не погибли. Еще есть время спастись.

Вокруг поднялся гомон, трудно было всех перекри-

чать. Надо было успокоить людей. Как? Только не паника!

— Тише! Тише!— закричал шестерка Плотников.— Не мешайте товарищу Шубину!

— Опасности нет! Мы все спасемся. Если вы будете молчать и слушаться меня.

Когда Шубин начинал фразу, он еще не знал, чем ее закончит. И в середине фразы до примитивности простая мысль пришла в голову. И в самом деле был шанс.

— Да тише вы!— закричал Гронский.

Породистое, собачье величие его лица превратилось в оскал — словно лицо потеряло все мясо.

— Успокойтесь,— сказал Шубин негромко, хотя хотелось кричать.— Мы можем спастись только в случае абсолютной дисциплины. Полного самообладания. Потому что путь, который я предлагаю, сложный. Если начнется давка — погибнут все.

Он говорил, и вокруг уже было тихо. Так что слышен был треск пожара снизу.

— Мы забыли, что есть пожарная лестница,— сказал Шубин.— Вон она, справа.

Все смотрели туда. Там, словно передок саней, загибались на крышу поручни пожарной лестницы.

И тут же кто-то побежал к лестнице.

— Сейчас еще спускаться нельзя,— сказал Шубин.— Потому что внизу газ. Если кто хочет погибнуть, пускай пробует.

Человек, что побежал к лестнице, остановился в двух шагах от нее.

— Придется немного потерпеть,— сказал Шубин.

Он подошел к краю крыши и заглянул вниз. Раньше он всегда боялся высоты, а сейчас страх прошел, но Шубин даже не заметил этого.

Сначала он увидел не лестницу, а языки пламени, почти бездымного, яркого, что вырывались на втором этаже из окна, которое было рядом с лестницей.

Между вторым и третьим этажами лестница была забита досками — так часто делают, чтобы злоумышленники не забрались по ней в комнаты.

— Там доски. Их надо оторвать,— сказал Шубин, понимая, что долго рассматривать лестницу нельзя.— Сначала спустится... Руслан. Он их оторвет. Ты сможешь?

— Почему не смогу?— сказал Руслан.

— А почему не я?— вдруг выкрикнул шестерка. Уши его вылезали из-под шапки под прямым углом.

— Потому что там пожар. Посмотрите вниз,— сказал

Шубин:— Руслану я верю. Он в пожаре был, а вам я не верю, вы только погубите все дело и сами погибнете.

Гронский подошел к краю крыши, присел на корточки и что-то достал из кармана. К изумлению Шубина, это был электрический фонарь. Луч его скользнул вниз, по ступенькам лестницы, до досок.

— Все правильно,— сказал он.— Товарищ Шубин прав.

Если я скину его с крыши, подумал Шубин, на том свете меня оправдают. Как нужен был фонарь раньше!.. Впрочем, что бы от этого изменилось? Пускай живет...

Эти мысли неслись как-то стороной и не помешали Шубину спросить Элю:

— Ты графин где оставила?

— Я его с собой взяла,— сказала Эля.— Я думала, вдруг тебе пить захочется.

— Дайте шарф,— сказал Шубин.

Никто не двинулся.

И тогда Шубин мстительно избрал Гронского, подошел к нему и рванул шарф на себя. Голова Гронского мотнулась, он еле успел подхватить очки.

— Это что? Это что такое?— жалобно крикнул он.

— Эля,— сказал Шубин, не глядя на него,— намочи шарф и дай Руслану. Пускай обмотает лицо.

— Меня огонь уже не возьмет,— сказал Руслан.

— Там может газ быть,— сказал Шубин.

Руслан быстро спустился до верхнего края досок. На секунду его скрыло дымом. Эля потянула Шубина за руку, чтобы не стоял близко к краю.

— Сверзишься, ты же усталый,— сказала она, словно извинялась. Она понимала, что Шубину надо смотреть вниз, но все равно боялась.

Шубин послушно присел за низкий парапет.

Руслан начал бить каблуком по концам досок, прикрепленных вертикально к леснице. Ему пришлось спуститься пониже, чтобы удар получался сильнее. Огонь вырывался из окна на втором этаже, но пока до Руслана достигал только дым. Доски не поддавались.

— Сильнее!— крикнул сверху Гронский.— Не бойся!

Руслан не откликнулся. Он спустился еще ниже, стал пробовать концы досок руками. Затем, ловко держась за перекладыны лишь носками ботинок, опустился за доски, так что лишь его голова поднималась над их концами.

Шубин догадался, в чем дело: доски были не прибиты — их прикрутили к стойкам проволокой.

Шубину было холодно. Он насквозь продрог под морозным ветром. Только бы вытерпеть... Ведь не худшее испытание.

Вцепившись одной рукой в стойку лестницы, Руслан отматывал ржавую проволоку.

Гронский стал ходить по краю крыши, выказывая нетерпение.

Шубин старался понять, что же происходит с желтой мглой.

Ему казалось, что ветер выдул ее с той стороны здания. Но надолго ли?

— Я помогу ему, — сказал шестерка Плотников и перегнулся через край, чтобы тоже спускаться. Ему не терпелось скорее на землю, Гронский понял это, схватил за рукав, зарычал на шестерку, и обе дамы, что паслись возле Гронского, заверещали. Шестерка, напуганный, отступил.

Снизу донесся крик.

Шубин посмотрел туда. И изумился. За те несколько секунд, что он отвлекся, огонь прорвался в комнаты третьего этажа, и язык пламени, будто разумное существо, высунулся из окна и как-то лениво, любопытствуя, потянулся к Руслану. Руслан, не заметивший этого нападения, обжегся, подтянулся и, перебирая руками, поднялся выше.

— Не трись! — крикнул Гронский, который внимательно наблюдал за тем, что происходит внизу. — На тебя надеются женщины и дети.

— Смелее? — озлился Руслан. — Смелее сам сюда лезь, ара?

Язык пламени облизал доски, почернив их, и спрятался в доме, выпустив вместо себя черный удушающий клуб дыма.

Руслан со злостью ударил по доске. Проволока уже была ослаблена, доска с хрустом оторвалась верхним концом от лестницы и закачалась под прямым углом к зданию.

— Молодец! — закричал Гронский. — Действуй!

Кто-то из зрителей, сбежавшихся к краю крыши, захолопал в ладоши.

Руслан снова полез было вниз, но тут же ему пришлось ретироваться — лестница стала дорожкой между языками пламени, такими горячими, что жар достигал Шубина. Каково же там Руслану!

Эля наклонила графин. Струйка воды, светясь, пролетела мимо Руслана.

— Ну, это уж никуда не годится!— возмутился Гронский.

Шубин так и не понял — необдуманном поступком Эли или поведением Руслана.

Руслан держался из последних сил, на одном упрямстве. Он не мог вернуться с пустыми руками. Интересно, есть ли в грузинском языке слово для этого состояния? У испанцев его называют «мализмом».

Руслан снова сражался с досками. Вторая доска оторвалась. Язычок огня пробежал по плечу Руслана.

— Возвращайся!— закричал Шубин.— Скорее!

— Ну почему же?— сказала Вера.— Вы ему только мешаете! Ведь немного осталось.

Она не понимала, как больно Руслану.

— Наверх!— закричал Шубин.— Я приказываю тебе.

— Жалко,— махнул рукой Гронский, не споря, впрочем, с Шубиным.— Совсем немного осталось.

Одна из оторванных досок, что покачивалась у окна, занялась. Огонь лизал ее сбоку и был упорен.

На четвертом этаже со звоном вылетело стекло, и оттуда вырвался сноп искр.

Руслан поднялся на крышу. Он был чуть живой. Сразу несколько рук протянулись к нему, вытаскивая на крышу. Руслан жестоко обжегся, но сам этого еще не чувствовал.

— Можно спуститься,— сказал он.— Честное слово. И газа нет. Я смотрел.

— Нужна очередность!— Гронский взял на себя руководство спуском.

Шубину было все равно. Люди жались ближе к лестнице. Некоторые так и не выпустили чемоданов.

— Сначала женщины,— сказал Гронский.— И дети.

Детей, к счастью, не было. Среди женщин возникла заминка.

— Сначала пойду я,— сказал тогда Шубин.— Надо оторвать остальные доски.

— Возьмите себя в руки,— сказал Гронский.— Не отталкивайте от лодки слабых. Сначала пойдут женщины.

— Идиот, разве ты не видишь, что доски горят! Как твои женщины пройдут?

— Не спорь, Юра,— сказал милиционер.— Такая уж моя работа. Я пойду. Спустишь и буду принимать людей.

— Давай,— сказал Шубин.— Спасибо тебе за все... Смотри, чтобы газа не было.

— Увидимся,— сказал Коля.— Ты не дрейфь.

Он застегнул шинель, подтянул пояс, надвинул гряз-

ную фуражку на самые уши. Гронский замолчал, не вмешиваясь.

Милиционер спускался быстро. И все у него получилось ладно. Видно, проволока перегорела. Ему удалось сразу сбить оставшиеся доски. На несколько секунд его окутал дым, потом он возник уже внизу.

Коля стоял на последней ступеньке, которая не доставала до земли метра полтора, и внимательно смотрел вниз. Ему было страшно.

— Давай!— крикнул Гронский.— Не робей!

Подчиняясь этому голосу, милиционер оттолкнулся от лестницы и упал на снег. Сразу встал. Поднял голову.

— Порядок!— крикнул он.

Крик его донесся слабо, потому что с новой силой взвыл огонь.

— А теперь женщины,— сказал Гронский.— Верочка, иди сюда.

Только тут Шубин догадался, что эта матрона в норковой шубе — его жена.

— Нет!— закричала вдруг Верочка.— Ни за что! Я лучше умру!

Гронский тащил ее к краю крыши, ругал, она отбивалась.

— Пойдешь?— спросил Шубин Элю.

— Потом,— сказала она.— Пускай они идут.

Из двери, через которую они выходили на крышу, вырвался дым.

Шубину не хотелось подходить к Гронским, но он понимал, что придется. Время идет. В этот момент какая-то маленькая женщина в нейлоновой шубке кинулась к лестнице и начала спускаться.

Шубин испугался за нее. Эта шубка может вспыхнуть как спичка.

Он закричал:

— Снимите шубу! Вы слышите, снимите шубу! Бросьте ее вниз!

Женщина не слышала или не хотела слышать криков Шубина.

Многие догадались, в чем дело, и тоже начали кричать:

— Сбрось шубу!

Запрокинув лицо, кричал милиционер:

— Сбрось шубу!

— Мать ее!— зарычал Руслан, который только что сидел рядом с Шубиным и, тихонько воя, пытался унять боль в обожженных руках. Он перемахнул через бортик крыши и

начал спускаться, чтобы догнать женщину раньше, чем она достигнет полосы огня.

Он тоже кричал. Все кричали. Только женщина не слышала. Может, она ценила шубу и боялась с ней расстаться, а может, полагала, что именно она ее защитит.

Женщина благополучно миновала третий этаж, и язык пламени догнал ее, когда она была уже у второго. Вместо того, чтобы скорее спускаться вниз, женщина вдруг остановилась и, отпустив одну руку, стала сбивать с себя пламя, которое окутало ее легким искристым шаром.

Руслан, почти догнавший ее, принял отчаянное решение. Он прыгнул вниз, схватив в этом прыжке женщину и оторвав ее от лестницы.

Коля подставил было руки, чтобы их удержать, но они упали рядом с ним.

Женщина начала пронзительно и заунывно кричать.

Руслан с трудом поднялся и тут же упал — нога у него подкосилась. Видно, сломал.

Коля сначала потянул в сторону визжавшую женщину, затем помог отползти Руслану.

Люди стояли у лестницы, ждали чего-то.

Гронский все еще уговаривал жену:

— Я буду тебя поддерживать, я тебя не отпущу.

— Нет!— кричала она.— Нет! Ты же сказал, что нас спасут. Мы будем ждать, что нас спасут...

И тут — будто мольбы Верочки донеслись до небес — над ними появился вертолет.

За шумом пожара и криками они его не услышали — только, когда луч его прожектором упал на крышу, все поняли, что с неба пришло спасение.

Это был большой военный вертолет. Он был темнее неба. Зависнув над самой крышей, он казался огромным, как дирижабль.

В брюхе вертолета образовался квадрат света. Все, кто был на крыше, потянулись к свету, поднимая руки... Наступила тишина.

И тогда стал слышен клекот вертолетного мотора.

По веревочному трапу, мягко упавшему на кровлю, ловко спустился офицер в комбинезоне.

— Спокойно,— сказал он, спрыгивая на крышу.— Без паники, товарищи.

— Я Гронский, директор химзавода.— Почему-то он первым оказался возле офицера.

— Я вас слушаю,— офицер оглядывал толпу, жмущуюся к нему. Он выглядел усталым, и Шубин догадался, что для него это не первая подобная миссия.

— Мне необходимо в штаб,— сказал Гронский.— Он организован?

— Да,— сказал офицер.— Давайте сначала возьмем женщин.

— Разумеется,— сказал Гронский.— Верочка, скорее, тебя же ждут.

Верочка закричала снова, что она упадет.

Сквозь ее крик прорвался резкий голос Гронского:

— Товарищ капитан, неужели вы не можете опустить машину ниже? Вы же видите, в каком состоянии женщины.

Люди толпились вокруг трапа, многие держались за него руками, будто боялись, что вертолет улетит.

— Да не толпитесь!— закричал офицер.— Чем спокойнее вы будете себя вести, тем быстрее мы вас всех погрузим.

Гронский уже поднимался по трапу, буквально волоча за ворот шубы свою жену. Офицер удерживал трап снизу, Верочка кричала, из люка высунулся солдат, чтобы принять первых беженцев.

— Шестьдесят восемь человек,— сказал Шубин.

— Ты всех пересчитал?— удивилась Эля.

— Я хорошо учился в школе. Ты будешь пробиваться туда? За раз ему всех не взять.

— Нет, я с тобой,— сказала Эля.

— Тогда у меня есть предложение,— сказал Шубин.

— Пошли скорее,— сказала Эля,— пока можно спуститься.

Шубин опустил капюшон аляски и затянул молнию, чтобы спрятать Элины волосы. Он тронул кончик ее носа.

Эля улыбнулась.

Шубин спускался по лестнице первым. Эля за ним. Шубин думал, что боится ее, а Эля спускалась так, чтобы успеть протянуть руку, если Шубин будет падать.

Пламя хваталось за лестницу. Было очень жарко.

— Терпи!— крикнул Шубин, но Эля не услышала.

Шубину казалось, что он залез в духовку. Вспыхнули волосы — он догадался, что вспыхнули волосы, потому что стало больно голове. На какое-то время ему стало так жарко и так горяч был воздух, которым приходилось дышать, что он потерял Элю из виду.

Неизвестно, смогли бы они прорваться, если бы порыв ветра не рванул с такой силой, что пламя отлетело от лестницы... Потом была последняя ступенька — за ней ничего. Шубин не сообразил, что последняя, он упал, но Коля был

там, он все еще стоял у лестницы. Он подхватил Шубина, потом Элю.

— У тебя голова обгорела,— это были первые слова Эли.

— Лучше расти будут,— сказал Коля.— Как в лесу. Шубин провел рукой по голове. В ушах страшно гудело. Волосы были короткие, неровные, ежиком.

— Больно,— сказал он.

— Пройдет,— сказала Эля,— У мамы мазь есть от ожогов. Из трав.

И, сказав «мама», Эля мысленно перенеслась к себе домой. Шубин как бы потускнел в ее глазах — она заторопилась...

— Мне надо,— сказала она.— Мне надо, Юрочка, ты не сердись.

— До свидания.

— Погоди,— сказал Коля,— сейчас по городу опасно ходить. Кто знает, где этот газ затаился.

— Коля прав,— сказал Шубин.— Погоди, отдышусь, пойдем вместе.

Эля затихла. Шубин так и не спросил, не обожглась ли она. Рукав аляски оплавился — из него торчала обгоревшая подкладка.

Руслан лежал на снегу и выл сквозь зубы.

— Потерпи,— сказал Шубин,— мы «скорую» вызовем.

— Найдешь здесь «скорую»,— зло сказал Руслан.— У меня нога сломана, понимаешь?

— Вы идите,— сказал Коля.— Я знаю, что у Эли ребенок дома, я знаю. А я не уйду, я помощь найду.

— Увидимся,— сказал Шубин, пожимая руку Коле.

— Обязательно увидимся,— сказал Коля и широко улыбнулся, как будто все плохое в его жизни уже кончилось.— Если вы меня, конечно, узнаете.

Шубин поглядел вверх. Вертолет все еще висел над крышей, и на той части трапа, что была видна снизу, висели люди. Они очень медленно поднимались вверх. Порывы ветра раскачивали трап и заставляли людей замирать, вцепившись в перекладины.

Вдруг вертолет загудел сильнее, перекрывая шум пожара, и резко пошел вверх.

— Смотри, что делает, гад!— воскликнул Руслан, который тоже смотрел на вертолет.

И только в следующее мгновение Шубин понял, что произошло.

В том месте, где за секунду до того был вертолет, возник

клуб дымного пламени. Раздался зловеший утробный грохот, поглотивший все остальные звуки. Крыша провалилась внутрь. Вертолет уходил в сторону, быстро снижаясь, и люди, висевшие на раскачивающейся лесенке, казались тлями. Шубин понял, что пилот хочет как можно быстрее спуститься на вокзальной площади, чтобы спасти людей.

И тут он увидел, как один из них сорвался и черной кляксой, растопырив руки, полетел вниз... Что было дальше, Шубин не видел. Вертолет скрылся из глаз.

Руслан зло кричал по-грузински.

Шубин не знал, видела ли это Эля — она склонилась над плачущей женщиной в обгоревшей шубе.

Но оказалось, что Эля все видела. Потому что она сказала подошедшему к ней Шубину:

— Ты умный, что повел меня по лестнице. А то бы мы точно погибли. Мы бы последними поднимались, правда?

Они оттащили подальше от здания Руслана и ту женщину, потому что стало жарко. Казалось, что гостиница ярко освещена изнутри — в окнах горел желтый и оранжевый свет.

Теперь, когда наступала реакция на эту, так еще и не кончившуюся ночь — была половина пятого, еще далеко до рассвета, — Шубину стало смертельно холодно.

Эля сказала:

— Тут недалеко, если ты со мной пойдешь.

— Конечно, пойду, — сказал Шубин, который понимал, как страшно ей одной возвращаться домой.

— Но ты не дойдешь, — сказала она. — Ты по дороге околеешь.

— А мы побежим с тобой, — сказал Шубин.

Они вышли на улицу. По улице мело. На выходе из гостиничного двора лежал, согнувшись, будто старался согреться, человек, его уже припорошило снегом. меховая шапка откатилась в сторону и лежала, как пустое птичье гнездо.

Эля наклонилась, подняла шапку и отряхнула, ударяя ею себя по бедру.

— Возьми, — сказала она. — Ему уже не нужно.

— Не надо, — сказал Шубин.

— Давай, давай, — Эля приподнялась на цыпочки и обеими руками натянула шапку на саднящую, обожженную голову Шубина.

— Погоди, — сказал Шубин. — Больно.

Он поправил шапку, она была мала.

— Это в сущности мародерство, — сказал он.

— Твою тоже кто-то носит,— сказала Эля.

Она выглянула на улицу, посмотрела направо, налево. Было темно. Облака, затянувшие небо, подсвечивались пожарами, и на открытых местах по снегу пробегали оранжевые блики.

Они вышли к автобусной остановке. Здесь люди лежали странной грудой, один на другом, будто хотели согреться. Автобус с открытой дверью въехал передним колесом на тротуар и уткнулся в столб.

Эля сказала:

— Ты, конечно, не захочешь, а может, пальто снимем.

— Перестань,— сказал Шубин.— Куда идти?

Шапка грела голову, конечно же, грела, но она была чужая, от нее неприятно пахло...

И в следующее мгновение Шубин очнулся.

Он лежал на мостовой. Эля стояла рядом на коленях, приподняв его голову, и прижималась к щеке губами.

— Миленький,— говорила она,— миленький, ну не надо, нельзя, ты что делаешь?

Голова раскалывалась так, что нельзя было двинуть ею, но попытку движения Эля уловила и вдруг принялась ругаться:

— Ты что,— говорила она со злостью.— Ты зачем при-творяешься? Поскользнулся, что ли, я не могу больше... ну, нельзя же так. Вставай, вставай, простудишься. Тебе что, плохо стало? Ну вот, потерпи немного, придем домой. я тебе чаю сделаю...

Шубин с помощью Эли сел, его мутило.

— Извини,— сказал он,— отвернись...

Он приподнялся на четвереньки, и его вырвало. Это было мучительно, потому что безжалостно выворачивало, пока хоть что-то оставалось внутри. Эля что-то хотела сделать... но Шубин находил силы лишь отмахиваться, отталкивать ее.

Чтобы она не приставала с пустой, как казалось Шубину, заботой, он попытался отойти на четвереньках в перерыве между приступами рвоты, но рука натолкнулась на холодную преграду — красивая девушка лежала на боку, и ее мертвые глаза внимательно смотрели на Шубина.

Шубин отпрянул, и тут же его снова свернуло пружиной приступом рвоты.

Шубин увидел, что Эля набрала в пригоршню снега, подбирая его у столбиков остановки, где было не натоптано. Он слабо ударил ее по руке, снег рассыпался.

— Ты что? Это как вода, охладит,— сказала Эля как больному ребенку, не обижаясь.

— Дура,— сказал Шубин, стараясь подняться.— Не поняла, что ли? Там газ остался.

— Да,— согласилась Эля, так и не поняв. Она подобрала с асфальта шапку и протянула ее Шубину.

— Эля,— сказал он, стараясь говорить внятно и убедительно,— выбрось ее и не трогай ничего, что было на земле. Ничего. Я тоже не сразу догадался. Даже когда понял, что шапка воняет... Видно, она на мне согрелась... хорошо еще, что доза была невелика. Ты поняла?

— Ой!— Эля отбросила шапку на мостовую, шапка ударилась о днище лежащей на боку машины. Вторая машина стояла, уткнувшись в нее помятым радиатором, дверца была раскрыта, и человек, что лежал на переднем сиденье, все еще держался за ручку сведенными пальцами.

— Вытри руки об аляску,— сказал Шубин.— Как следует. И пошли.

Его все еще мутило, во рту было отвратительное ощущение, но он пошел дальше, обходя тела, лежащие здесь особенно тесно. Шубин никак не мог сообразить, почему здесь погибло так много людей. А Эля, которая догнала его, сказала:

— Здесь кино «Космос», понимаешь? Они с последнего сеанса выходили.

— Побегали,— сказал Шубин, понимая, что вот-вот окоченеет совсем.

Ему казалось, что он бежит, но он трусил лишь чуть скорее, чем если бы шел шагом. Так что Эля, идя быстро и часто, успевала держаться за ним.

— Здесь направо,— сказала она.— Мы дворами пройдем.

Справа догорал дом, в котором жила Элина подруга Валя... или Лариса? Значит, близко... Здесь, между домов, росли тополя, голые, мокрые, пустыми были запорошенные снегом скамейки и детские качели. Здесь не было мертвых и казалось, что дома мирно спят под утро.

Они миновали еще один дом. По дорожке вдоль дома стояли пустые автомобили. На скамейке возле клумбы сидели, обнявшись, двое.

Они сидели столь мирно и уютно, что Шубин сделал шаг в их сторону, словно хотел окликнуть.

И тут же он понял, что ошибся. И парень, обнявший девушку за плечи, и девушка, положившая голову ему на грудь, были мертвы.

— Ты что?— спросила Эля, которая уже дошла до угла дома.

Она их не заметила.

Шубин побежал следом за ней.

Эля остановилась возле угла дома. Впереди был переулочек, на той стороне еще один дом.

— Я здесь живу,— прошептала Эля.

Шубин думал, что она сейчас кинется со всех ног к своему дому, но Элю вдруг оставили силы, и она буквально повисла на Шубине.

— Я не могу,— сказала она.

Дом был темен, он спал. В некоторых окнах были открыты форточки.

— Четвертый этаж?— спросил Шубин.

— Вон те окна.

— Пошли.

Шубин взял ее под руку и буквально потащил через мостовую.

Но в этот момент что-то заставило его поглядеть направо, туда, откуда прилетел очередной заряд снега.

Это их спасло. Снежный заряд был желтым.

Газ, смешанный со снегом, подхваченный ветром где-то над озером или в низине у реки, собрался в гигантский, в несколько метров в диаметре шар и, легкий и даже веселый, мерцая под отблесками пожара, несся вдоль улицы.

— Назад!— крикнул Шубин и с силой последнего отчаяния рванул Элю назад, к дому, от которого они только что отошли. Эля не поняла, она пыталась вырваться, но Шубин, охваченный страхом, был столь силен, что оторвал ее от земли, кинул за дом и упал сверху.

И все это случилось так быстро, что он не успел ничего сказать. Но лежа, отворачивая лицо от несущегося шара, прохрипел:

— Не дыши!

И сам постарался задержать дыхание.

Возможно, прошла минута...

Шубин поднял голову. Улица была пуста. Ветер стих.

Шубин встал первым, помог подняться Эле. Она придерживала рукой локоть — ушибла.

— Ты что?— спросила она.— Там что было?

— Газ,— сказал Шубин.

— Откуда газ?

— Его по улице несло.

Они быстро перешли улицу, крутя головами, словно боялись, что газ подстерегает их, завернули во двор и вошли в подъезд.

Шубин не дал Эле войти в дом первой. Сначала он открыл дверь в подъезд и сосчитал до пятидесяти.

— Ты газа боишься?— спросила Эля.

Она переступала с ноги на ногу от нетерпения. Она пыталась оттолкнуть Шубина. Она понимала, что он прав, но в ней уже не осталось ни крошки терпения.

Она вырвалась и вбежала в темный провал подъезда. Застучали ее подошвы по лестнице.

Шубин пошел следом. Ему было страшно догнать Элю, ему было страшно, что будет потом.

Шубин поднимался по лестнице с трудом. Снова мутило, дыхание срывалось — не хватало почему-то воздуха. Он ощущал запах желтого газа в подъезде особенно на первых двух этажах, но шагов не ускорял, потому что был обессилен.

Он догнал Элю у двери ее квартиры.

Обыкновенная дверь, без глазка, покрашенная коричневой краской, с номером «15».

Эля обернулась, услышав его шаги, и сказала:

— А ключей нет... Ключи в сумке... или в пальто. Не знаю.

— Тогда позвони.

Эля нажала на кнопку звонка, но было по-прежнему мертво-тихо.

— Дурачье,— сказал Шубин, упираясь ладонью в косяк двери, чтобы не упасть.— Электричества нет. Стучи.

Эля постучала. Тишина.

— Они же спят,— сказал Шубин.— Стучи громче.

Эля постучала сильнее.

— Они не спят,— прошептала она.

Она не смогла ничего больше сказать. Лицо ее было неподвижно, и по грязным щекам катились слезы.

Шубин ударил по двери кулаком. Еще раз, начал молотить, только чтобы перебить высокие, жалкие звуки, что вырывались изо рта Эли.

И он молотил так, что не услышал, как из-за двери раздался женский голос:

— Кто там?

— Стой!— Эля повисла на его руке.— Это я, это я; мама! Где Митька? Это я; мама!

— погоди, не шуми,— ответил голос, щелкнул замок, дверь открылась, и мать Эли произнесла фразу, которую намерена была сказать, еще не отворив дверь, и которая теперь прозвучала как из другого мира:— Ты что, опять ключи забыла?

И тут она увидела Элю и страшного — это Шубин только потом, увидев себя в зеркале, понял, до чего страшного — мужчину.

— Господи! — сказала она.

За соседней дверью раздался недовольный мужской голос:

— Вы что шумите, не знаете, сколько времени?

— Порядок, — ответил голосу Шубин. — Извините. Все в порядке.

Эля упала внутрь, повисла на матери и начала судорожно смеяться. Шубин толкнул ее в дверь и быстро захлопнул. Наступила кромешная тьма, и в ней был слышен лишь истерический смех Эли, который прерывался возгласами матери: «Ты что, ты что, что с тобой?» И попытками Эли спросить: «А Митька, где Митька?»

И снова смех.

— Положите ее куда-нибудь, — сказал Шубин. — Ей надо лечь.

Но Эля вырывалась — она рвалась в комнату, распахнула дверь. В свете догорающего пожара была видна кровать. На ней спал мальчик. Эля схватила его, мальчик начал отбиваться со сна, а Шубин оттаскивал Элю и кричал на нее:

— Не смей его трогать! Не смей! На тебе может быть газ.

Эля опустила мальчика на кровать, а сама как-то спокойно, тихо и мирно легла возле кровати на коврик, будто заснула. На самом деле это был глубокий обморок.

Шубин подхватил Элю и спросил ее мать, белая ночная рубашка которой светилась в темноте, как одежда привидения:

— Куда ее положить?

— Ой, а что с ней?

Мать все еще ничего не понимала — да и откуда ей было понять?

— Где диван?..

— Рядом с вами, туда и ложите.

Она была сердита, потому что уже уверилась в том, что ее непутевая дочь где-то напилась, попала в переделку и вот теперь хулиганит. Шубин не знал, бывало ли такое с Элей, — он ничего не знал о своей будущей жене. Он с трудом перетащил ее на диван.

— У вас валерьянка есть?

— А вы кто такой? — спросила мать Эли, в которой росло раздражение против бродяги, которого Эля притащила домой.

— Накапайте валерьянки. Или валидола. Ничего страшного. Она очень устала. И переволновалась.

И в голосе Шубина была такая настойчивость, что мать, бормоча что-то, пошла в другую комнату и принялась щелкать выключателем.

— Света нет,— сказал Шубин. Он присел на корточки перед диваном и положил ладонь на теплую щеку Эли. И та, все еще не приходя в себя, подняла руку и дотронулась слабыми пальцами до его кисти.

— Почему света нет?— спросила из этой комнаты мать.

— Воды нет тоже,— сказал Шубин.— А если есть, то лучше ее не пить. В чайнике вода осталась? Из чайника налейте.

Митька повернулся в кровати и забормотал во сне.

— Да вы хоть скажите по-человечески, что случилось?— спросила из той комнаты мать. Она, видно, шуровала среди лекарств, разыскивая валерьянку.

— Авария,— сказал Шубин.— Авария. Выходить из домов нельзя. Закройте форточки...

Мать зашаркала шлепанцами на кухню, громыхнула там чайником.

Шубин прислушался к дыханию Эли. И понял, что она спит.

— Не надо,— сказал он,— она заснула...

Мать уже вернулась в комнату. Шубин не заметил как — в сознании пошли провалы.

— Вы сами тогда выпейте,— сказала мать уже без озлобления.— Вам тоже нужно.

Она вложила в его руку стаканчик с валерьянкой.

— А где авария? Серьезная, да? На химзаводе?

— Серьезная,— сказал Шубин. И заснул, сидя у дивана на коврике, положив голову на руки, которыми касался руки Эли.

Было пять часов утра. Те жители города, что остались живы, еще спали.

Шубин проснулся, и ему показалось, что он и не засыпал — только закрыл на минутку глаза, чтобы не так щипало. Он сразу вспомнил, где он, и первая мысль была хорошая: ну вот, обошлось.

Он лежал на том же диване, у которого, сидя на полу, отключился. В комнате стоял утренний полумрак — небо за окном было холодным, голубым. Повернув голову, Шубин увидел кровать и спящего на ней Митьку, которого он толком еще и не видел.

За стенкой тихо разговаривали.

Шубин вспомнил, что обгорел, спускаясь с крыши, он провел рукой по колючей голове. В комнате было холодно.

Он поднес часы к глазам, но света в комнате было слишком мало. Ничего не увидел. Он поднялся и пошатнулся так, что чуть было не уселся обратно. В голове все потекло.

Эля услышала и вошла в комнату.

— Ты чего встал?— прошептала она.

— Ты же тоже не спишь,— сказал Шубин.

Он прошел на кухню, где на табуретке сидела мать Эли, обыкновенная полная женщина, тоже скуластая и черноволосая. Только губы, в отличие от Элиных, у нее ссохлись и сморщились. Глаза были заплаканы.

На кухонном столе горели две свечи. От них уже наплыло на блюдце.

— Здравствуйте,— сказал Шубин.— Простите, что так вышло.

— Это вам спасибо, Юрий Сергеевич,— сказала мать Эли. Она всхлипнула.— Мне Эля все сказала, а мы вот сидим и боимся.

— Лучше не выходить,— сказал Шубин.

— А воды нет,— сказала мать,— и газа, знаете, тоже нет. Когда дадут, вы как думаете?

— И холодно, просто ужасно,— сказала Эля.— Знаешь, на улице похолодало.

В синее окно Шубину было видно, что на улице метет.

Наверху кто-то прошел, зазвенел посудой, дом был панельный — слышимость абсолютная.

— Сколько времени?— спросил Шубин.

Эля поглядела на ходики, висевшие над столом. Шубин сам увидал: половина восьмого.

— В это время уже машины ездят,— сказала Эля,— люди на работу идут. А мама мне верит и не верит.

— Чего ж не верить,— ответила та.— Многие говорили, что этот завод нас погубит. Детей вывозили. Вы слышали?

— Да, я даже видел.

— Но с них как с гуся вода. А Эля говорит, много народу погибло.

— Да,— сказал Шубин,— многие погибли.

Он посмотрел на Элю. Она встретила его взгляд настроенно, будто таясь.

Уже был другой день, другая жизнь, и он в ней был будто гостем. Да и что скажешь при матери?

Шубин подошел ближе к окну. Улица, на которую оно выходило, была пуста. Вон оттуда, из-за угла дома на той стороне, они пытались перейти улицу и потом спрятались от желтого шара. Он увидел истоптанный снег, там они лежали, боясь поднять головы. А чуть дальше за домом — лавочка, где сидят влюбленные.

— Я пойду,— сказал Шубин.

— Что?— не поняла Эля.

— Я пойду. Сама понимаешь, не сидеть же здесь.

— Я вас, Юрий Сергеевич, никуда не пушу,— сказала Эля, перейдя снова на «вы».— Вы на себя в зеркало посмотрите. Вы же на последнем издыхании.

— Я выспался,— сказал Шубин.— Я больше двух часов проспал.

— Я с вами.

— И не мечтай,— сказала ее мать.

И Шубин как эхо повторил:

— И не мечтай.

— Ну как же так...— покорила Эля.

— Я очень прошу вас,— сказал Шубин,— никуда из дома не выходить. У вас четвертый этаж, это спасение. Мы не знаем, кончилось все уже или еще будут последствия.

— Холодно ведь,— сказала мать,— когда затопят?

— Я все узнаю и вернусь,— сказал Шубин.

— Правильно,— сказала мать,— сходите, поглядите и возвращайтесь.

Шубин взял свечу, прошлепал босиком в ванную комнату. Вода не шла. И не могла идти. Он поднял голову, посмотрел в зеркало и увидел себя впервые с вечера. И не сразу узнал, потому что за тридцать девять лет жизни привык к другому человеку.

На него смотрело грязное, обросшее щетиной существо. Волосы его и ресницы были опалены, от волос вообще остались какие-то клочья. На виске и щеке — высохшая кровь. И как назло — нет воды.

— Юрий Сергеевич,— сказала из-за двери Эля.— У нас в кастрюле вода осталась. Вам пригодится.

Шубин хотел было с благодарностью согласиться, но сказал:

— Отлей мне в стакан. Неизвестно, когда пустят воду. Надо экономить. М жет, целый день придется терпеть... или больше. Ты же понимаешь, что водопровод может быть отравлен.

— Понимаю,— сказала Эля.— Щетку зеленую возьми-те, это моя.

Он открыл дверь. Она протянула ему полный стакан. Он услышал голос матери из кухни.

— В чайнике еще осталось. Смотри, не выплесни.

Шубину было неловко, что он не может спустить за собой воду в унитазе. Он прикрыл его крышкой, потом почистил зубы, намочил водой край полотенца и протер кое-как лицо. На полотенце остались пятна сажи и крови.

Пока Шубин натягивал ботинки, Эля почистила его пиджак и пыталась уговорить его съесть холодного мяса. Но есть совсем не хотелось. Он бы еще выпил воды, но не посмел попросить.

Эля стояла в смущении перед вешалкой, потому что Шубину надо бы переодеться, а дома не было мужских вещей. Она уговорила его надеть под рваную аляску свой толстый свитер, и Шубин согласился. Потом вытащила откуда-то белую лыжную вязаную шапку и сказала:

— Это ничего, что она женская, у нас ребята многие носят.

На шапке были изображены олимпийские кольца.

— До свидания,— сказал Шубин матери, которая стояла в дверях кухни.

— Приходите,— ответила та сдержанно.

Эля вышла проводить Шубина на лестницу.

Он пониже надвинул на глаза лыжную шапку.

— Ты адрес помнишь?— спросила вдруг она.— Улица Строительная, двенадцать, корпус два, квартира пятнадцать. Записать?

— Нет, запомню,— сказал Шубин.— Только не выходи. Не надо. И мать не пускай. Пока не вернусь, не выходи, обещаешь?

— Обещаю,— улыбнулась Эля. Впервые он увидел ее улыбку с прошлого вечера. Блеснула золотая коронка. А он и забыл, что у нее золотая коронка.

Дверь напротив открылась, и оттуда выглянул громоздкий мужчина в пижаме.

— Привет,— сказал он,— гостей провожаешь?

В вопросе было плохо скрываемое презрение к соседке.

— Доброе утро, Василий Карпович,— сказала Эля, не выпуская руки Шубина.

Этот человек был из другого, обыкновенного, сонного, вчерашнего существования.

— Чего-то света нету?— спросил он.— Не знаешь?

— А вы проверьте,— сказал Шубин,— нет воды, нет газа и не работает телефон.

— А что?— Человек сразу поверил и испугался.— Что случилось, да?

— Эля,— сказал Шубин, отпуская ее руку.— Я тебя очень прошу. Пройди по квартирам и еще лучше — возьми кого-нибудь из мужчин, на которых можно положиться. Сейчас люди будут вставать, они ничего не знают. Может быть паника, кто-то может заразиться... Ну, не мне тебя учить.

— Хорошо, Юрий Сергеевич,— сказала Эля.

Она хотела еще что-то сказать, но Василий Карпович из соседней квартиры не дал:

— Да что случилось, я спрашиваю!— почти закричал он.— Ты можешь человеческим языком объяснить?

Перешагивая через две ступеньки, Шубин сбежал с лестницы. Хлопнула бурая дверь подъезда.

Холодный ветер ударил в лицо. Он нес колючие снежинки. Шубин надвинул капюшон аляски.

На улице рассвело. Он перешел улицу и оглянулся. Эля стояла у окна. Она смотрела вслед. Тут же рядом с ней возникло лицо Василия Карповича — значит, он уже проник к ним в квартиру.

Шубин прошел за соседний дом. И остановился у его угла, не оборачиваясь больше. Он понимал, что через несколько шагов уйдет из той обыденности мира, в котором еще ничего не произошло, который только сейчас начинает открывать, и то не во всей полноте, масштабы бедствия — как будто от гостиницы, где они провели ночь, до этих домов — много километров, и звуку несчастья еще предстоит их одолеть.

Конечно же, Шубин мог остаться у Эли и поспать еще несколько часов. Нет, он бы уже не заснул. Он-то знал, что жизнь этого и соседних домов — только видимость, а то, настоящее, к чему он принадлежит, начнется за углом.

И вдруг неожиданная мысль заставила его оглянуться.

Он посмотрел на Элин дом. Нет, не на четвертый этаж, а на первый. В трех, нет, в четырех окнах первого этажа открыты форточки. Значит, почти наверняка, там лежат мертвые люди. Лежат мирно, будто спят, но скоро эти двери взломают. Где водораздел? Два этажа — гробы, три верхних — обыкновенные квартиры, где люди просыпаются и удивляются, почему нет воды и света. Водораздел — на втором этаже...

Больше он не мог стоять — он должен был оказаться

там, где много людей, где что-то делается, где он может пригодиться.

Шубин вышел в следующий двор. Навстречу ему рванулся крик. У скамейки, на которой сидели, обнявшись, влюбленные, стояла, подняв руки, женщина и неразборчиво кричала. Можно было лишь разобрать: ...моя девочка... девочка... Лидуша...

Хлопнула дверь, из дома выбежал другой человек, побежал к скамейке. Шубин быстро пошел стороной, к главной улице, к вокзалу.

Дворами Шубин вышел на главную улицу, что вела к вокзалу, как раз к арке, через которую он убегал от милиционеров.

Сыпал снег, неровно, зарядами, зло. У кафе, где он сидел с общественниками, лежали тела. Возле них стояли два человека, непонятно зачем — просто смотрели.

По улице, вдоль домов, шел парнишка, лет пятнадцати, он нес туго набитый пластиковый пакет. Перехватив взгляд Шубина, он побежал, одна ручка пакета оторвалась, и оттуда начали вываливаться меховые шапки. Парень остановился и принялся собирать их, не спуская взгляда с Шубина.

— Зря ты, — сказал Шубин, — они зараженные.

Прижимая пакет к животу, парень побежал в арку.

И тут Шубин увидел собственную кепку. Она лежала у края тротуара, совсем засыпанная снегом. Ждала его.

Шубин подошел к ней, поднял, снег примерз к ней, кепка была жесткой и чужой. И тут же Шубин уловил взгляд женщины, закутанной в серый платок. В ее взгляде было осуждение.

— Люди страдали, а вы пользуетесь, — сказала вдруг женщина.

— Это моя собственная кепка, — сказал Шубин. — Я ее вчера потерял.

И понял, как глупо это звучит.

— Понимаю, понимаю, — сказала женщина.

— А вы проходите, — озлился Шубин.

Женщина пошла у самой стены.

По улице ехал бронетранспортер. В нем стояли два солдата. Они смотрели по сторонам, видимо, изучая обстановку.

Шубин поглядел им вслед. Повернул туда же, куда ехала машина, — к вокзалу. Он миновал кинотеатр «Космос» и автобусную остановку. Автобус все стоял передним коле-

сом на тротуаре, но столкнувшиеся машины были убраны с дороги и трупы тоже исчезли.

Быстро работают, подумал Шубин. Молодцы. Кто молодцы и почему — он не задумывался. Ему приятно было, что кто-то думает, делает, принимает меры.

На остановке стоял старичок в военной шинели и заячьей шапке.

— Молодой человек! — окликнул он Шубина. — Почему нет автобуса? Я жду уже двадцать минут.

— Автобуса не будет, — сказал Шубин и пошел дальше.

— Почему? Вы мне можете объяснить, почему? — старичок стучал палкой.

Шубин увидел, куда убрали трупы, — их, оказывается, еще не успели вывезти. В просвете между большими домами они громоздились грудой, частично прикрытые бульдозером, которым, видно, их туда и отодвинули. Бульдозер был пуст, но возле него стоял милиционер и курил.

Он увидел, что Шубин остановился, и сказал устало:

— Идите, гражданин, смотреть не положено.

— Ладно уж, — сказал Шубин.

По улице медленно ехал грузовик. Задний борт его был откинут. Там тоже лежали тела.

Простоволосая растрепанная женщина в распахнутой шубе бежала посреди улицы навстречу грузовику и кричала, открыв рот, на одной ноте. Грузовик затормозил, гуднул, но она его не видела. Водитель подождал, пока она пробежит мимо, и снова дал газ.

Окна продовольственного магазина, мимо которого проходил Шубин, были разбиты, большие куски стекла валялись на тротуаре. Внутри шевелились какие-то темные фигуры.

Должна была показаться гостиница, но ее не было. И Шубин, пройдя последний большой дом перед вокзальной площадью, понял, что случилось: гостиница стала вдвое ниже — провалившись, крыша увлекла за собой два верхних этажа. Казалось, что в гостиницу попала бомба.

Развалины еще дымились, и снег вокруг был черным.

Шубин вышел на площадь. Как ни странно, подъезд гостиницы не был тронут огнем. Даже сохранились стеклянные двери и стеклянные вывески с названием гостиницы по сторонам. Но сквозь дверь было видно черное сплетение упавших балок.

Вокзальная площадь была странно оживлена. По какой-то организационной причине именно в вокзале

находился штаб, который руководил спасательными работами. На площади стояло несколько бронетранспортеров, дальше, между пустыми автобусами, тянулись крытые военные грузовики. У монумента труженикам стоял танк. Его зачехленная пушка была высоко задрана. У входа в вокзал Шубин увидел несколько легковых машин, в том числе две или три черные «Волги».

Правильно, понял Шубин, направляясь через площадь к вокзалу. Вокзал — это связь с другими городами. Здесь должны быть паровозы, так что можно обойтись без электричества, пока не запустят станцию.

Трупы с площади уже убрали, и Шубин не стал искать глазами куда. Он пошел мимо танка. Люк его был открыт, в нем сидел солдат в шлеме и курил. Рядом стоял автобус, двери его были открыты, на полу головой к открытой двери лежал человек.

— Юрий Сергеевич! — услышал Шубин. — Юрий Сергеевич, это вы?

К нему бежал Борис.

И если он был неопрятен и даже страшноват в обычной жизни, то сейчас казался неким подземным чудовищем. Черные длинные волосы сбились неопрятным стопом, пальто было без одного рукава, из которого торчала ковбойка. Под глазом большой синяк.

Борис схватил Шубина за руку и принялся трясти. Солдат из танка смотрел на них сверху, потом сплюнул окурки и спрятался в башне.

— Я думал, что вас нет, что вы погибли. Я ведь специально пришел сюда, к гостинице, я уже час здесь, у меня теплилась надежда. Никто ничего не знает, мне только говорили, что ночью, когда гостиница сгорела, оттуда с крыши люди вниз кидались. Вот у меня и оставалась надежда.

— Успокойтесь, — сказал Шубин. Он был рад видеть этого психа. — Что с остальными, что случилось?

— Про Наташу я не знаю, — сказал Борис, — Наташу отпустили. Они, конечно же, вас искали, потом я был на допросе, только это неинтересно, они искали компромат, но в самом деле — письмо Бруни, они думали, что письмо Бруни у вас.

— Кто они, какие письма? — Шубин оглянулся, куда бы отойти с ледяной площади. — Пошли в вокзал, может, там хоть не дует.

— Не сходите с ума, кто вас туда пустит? Там же штаб. Там все оцеплено. Кто нас пустит?

Шубин посмотрел в ту сторону. Он просто не обратил раньше внимания на солдат, каждый из которых был как бы сам по себе, но все вместе они образовали редкую цепочку, перегораживавшую площадь примерно там, где стояли машины. Вот одна из них вдруг развернулась и, поднимая пыль, понеслась с площади. На заднем сиденье был виден профиль Силантьева. Значит, он остался жив.

Шубин повел Бориса в сторону, к киоскам, что тянулись вдоль площади, к стоянке автобусов.

— Зачем нам туда?— спросил Борис.— У нас так мало времени.

Шубин подошел к автобусу, дверь в который была открыта. Он поднялся внутрь и сказал Борису:

— Идите, здесь не дует.

В проходе лежал человек лицом вниз. Значит, сюда не догадались заглянуть те, кто убирал трупы.

Борис скользнул взглядом по мертвецу.

— Вы начали говорить о ваших друзьях,— сказал Шубин.

— Да? Я не знаю, что с Наташей.

— Вы говорили это. Что еще? А остальные.

— Бруни и Сырин погибли. Я видел. Меня наверх повели, меня там допрашивали. Они меня били, потому что я неприятен. Я вызываю раздражение, это я знаю. Даже в вас.

— Нет, вы не правы.

— Впрочем, вы тоже сейчас не красавец,— сказал Борис.

— Они погибли в милиции?

— Дежурный повел меня наверх, они меня допрашивали, а потом внизу был какой-то шум, дежурный заподозрил неладное, это было в одиннадцать — сорок две, вы знаете?

— Догадываюсь.

В автобусе было холодно накопившимся за ночь тесным холодом. По площади проехала «скорая помощь», остановилась у вокзала. Кое-где из соседних улиц возникали люди, тянулись к вокзалу, и Шубин увидел, как их останавливали солдаты и поворачивали назад.

— Он долго не приходил. Было тихо. Я посмотрел в окно и увидел туман. Вы видели туман?

— К несчастью, видел.

— А я видел, как он догонял людей и они падали. Но я был в лучшем положении, чем дежурный. Он не знал, чего ждать, а я ждал этого уже больше месяца. Бруни все это

предсказал, он три письма послал об этом. Они лежат у них в делах.

— У кого?

— У Гронского, у Силантьева, в Госконтроле. Ну и, конечно, в эпидемстанции. Он даже механику предсказал — механику диффузии. Именно так... он нам рассказывал, но вы сами понимаете, кое-что было слишком специально. Например, его расчеты о сочетании рельефа, розы ветров и этих компонентов... Помните, мы вчера просили вас взять в Москву письмо? Представляете, там уже все это описано! И смертельные случаи тоже. Только он не знал, что это будет в таких масштабах, — они пустили вторую очередь, очень спешили и перешли критическую массу... Я ждал, ждал, открыл дверь — никого в коридоре нет. Ночь. Внизу тихо. А я уже знал.

Борис перевел дух. Ему было жарко.

— Я вниз не побежал. Я только увидел, что капитан лежит внизу, у лестницы. И еще один милиционер. Оба лежат. А Бруни и Пашка Сырин, они же были в КПЗ — на первом этаже и не могли выйти. Я сразу понял, что они не могли выйти. Что я остался один. Я всю ночь там присидел. И мне нужно найти вас, а если нет — вырваться и добраться до Москвы. Но лучше, чтобы вы, вы объективный человек. И у вас нет детей.

— А дети здесь при чем? — Шубину показалось, что Борис бредит.

— А я не сказал?

— Что?

— У меня жена, трое детей... я дома уже был.

— И что?

— Понимаете, простите, но моя жена погибла. Дети были у бабушки, мы в одном подъезде живем, а она, наверное, беспокоилась, куда я делся. И она спустилась вниз, — она меня иногда встречала, — очень беспокоилась, куда я опять попал. Она так и лежала у нашего подъезда — она пальто на халат накинула и спустилась. Вы простите, пожалуйста. Я ее отнес наверх, но не домой, потому что дети еще спали. Потом я разбудил Ниночку, она старшая, и сказал, что скоро приду, а в школу сегодня не надо. Вам неинтересно?

— При чем тут интересно или неинтересно! — крикнул Шубин. — Мне непонятно, чего вы здесь делаете! Идите домой!

— Я сейчас пойду, вы не волнуйтесь.

— Неужели вы думаете, что я скрою это в Москве? Что это вообще можно скрыть?

— У нас все можно скрыть,— сказал Борис.— И лагерь, и выселение народов... все.

— Но это было раньше, теперь все изменилось.

— Изменилось, да. Поэтому мы еще разговариваем, и я еще надеюсь. Но механика сокрытия осталась. Надо только отрапортовать, что случилась авария, есть человеческие жертвы. И все — дальше молчок. И нет Аральского моря! Но тихо... И в другом городе — в Свердловске, в Кургане — накапливаются в отстойниках эти жидкости, идут реакции, чтобы взорваться, чтобы кинуться на людей... Бруни все это написал.

— Но, может, они поняли?— неубедительно сказал Шубин.

— Поняли?— Борис громко, деланно засмеялся, как в плохом театре.— Ха-ха-ха! Горбатого могила исправит! Вы думаете, чем они занимаются?

— Как и любой штаб во время бедствия,— сказал Шубин.— Есть какие-то правила, неподвластные даже тем, кто этим занимается. Там, конечно, суматоха, неразбериха, но они стараются что-то сделать.

— Они стараются сделать так, чтобы не сесть в тюрьму, вот что они стараются сделать.

— Как вы видите, здесь в основном армия.

— Армия, потому что ее вызывают делать черную работу. Солдатики убирают трупы, а потом будут травиться, очищая озеро. Им прикажут, они сделают. А генералы будут обедать вместе с Силантьевым и Гронским и обсуждать, как сделать, чтобы империалистическая пропаганда не подняла шума, чтобы народ не испугался, чтобы великие свершения не скрылись за темным мраком отдельных недостатков.

— Даже если вы правы, Борис,— сказал Шубин,— то сейчас они уже бессильны.

— Почему же?— Борис сунул пятерню в спутанную шевелюру, пальцы запутались, он с остервенением дернул руку, чтобы освободить.

— Слишком велики жертвы. Этого не скроешь.

— А что вы знаете о том, что уже скрыли? Вы даже о Чернобыле узнали не сразу и не все, хоть он так близок к Киеву. А ведь купленные профессора и академики пели по телевизору, что опасности нет и жертв почти нет... У нас два года назад на Сортировочной цистерны рвануло — домов двести разрушено, народу перебило... а что вы об этом слышали? МПС отрапортовало, и в Москве

согласились. Неужели вы не понимаете, что никому не нужны несчастья? От них портится настроение.

— Тогда мы с вами ничего не сможем поделать.

— И пускай моя жена погибла, да, и Бруни тоже? И еще люди? Может, вы провели ночь у бабы и ничего не заметили? Вам хочется поскорее в Швейцарию? В следующий раз они рванут так, что и от Швейцарии ничего не останется. Достанут вас, достанут, честное слово даю!

Борис поднял руку и вопил. Он вопил, как какой-то древний еврейский пророк в пустыне, он готов был пойти на костер, и отблески его, рожденные усталым воображением Шубина, поблескивали за спиной.

— Я не провел ночь у бабы,— сказал Шубин.— Я был в гостинице.

Он вяло показал на дымящиеся руины.

— Тем более,— сказал Борис.— Ни черта вы не видели.

Шубин понял, что спорить с ним бесполезно, нельзя с ним спорить. Он имел монополию на высшее страдание. А впрочем, и право.

— Хорошо,— сказал Шубин.— Мне очень грустно, что у вас такое несчастье...

— Дело не в моих несчастьях. Дело в будущих несчастьях!— закричал Борис, как учитель, отчаявшийся долбить тупым ученикам элементарную теорему.

— Что я могу сделать?

— То, о чем мы просили вас вчера. И вы должны это сделать ради памяти о Бруни, обо всех... Вы возьмете все документы — и все, что писал Бруни, копии наших писем, выкладки, прогнозы... и то, что написал я сегодня на рассвете. Я писал возле тела моей жены, вы понимаете? И вы отдадите все прямо в ЦК, прямо Генсеку — как можно выше. Пускай это будет набат.

— Понимаю,— сказал Шубин, голова просто разламывалась от этого надрывного крика. Жутко неприятный этот Борис, физически неприятный. Но у него правда, если бывает много правд, то у него более важная правда.

— Возьмете?

— Возьму.

— Тогда вам нужно как можно скорее отсюда выбраться. Пока не оцепили город. А может быть, они его уже оцепили.

— Как выбраться?

— Я скажу.

— Почему не сейчас?

— Но мне же нужно принять меры. У меня нет с собой писем. Не могу же я носить их с собой по городу, где меня каждая собака знает! Они за мной будут охотиться, если уже не охотятся. Они подозревают.

Шубин хотел сказать, что сейчас никому нет дела до Бориса, но понимал, что этим вызовет лишь очередную вспышку крика.

— И что вы предлагаете?

— Через сорок минут я снова буду здесь. В этом автобусе. Добро? А вы где-нибудь укройтесь. Не надо, чтобы вас видели. Где ваш чемодан?

— Сгорел.

— Ах да, конечно. Ну ничего, вы еще новый купите, в Швейцарии.

— И сдалась вам эта Швейцария!

— Ладно уж, мне ее не видать как своих ушей. Я пошел. А вы не суйтесь.

— Не сидеть же мне здесь все время.

— Лучше сидеть.

— Я должен увидеть как можно больше собственными глазами. Нет ничего глупее, чем отсиживаться. Я могу там пригодиться.

— Вы? Им?— вставил Борис с сарказмом.— Чтобы вас прихлопнули?

Борис подошел к двери автобуса и с минуту оглядывался, как в детективном фильме, нет ли за ним слежки. И если бы кто-то посмотрел в ту сторону, наверное бы, уверился, что видит злоумышленника.

Шубин не стал ждать, пока Борис, пригибаясь и изображая из себя злоумышленника, убежал с площади. Он спрыгнул из промерзлого автобуса на снег, и ему показалось, что снаружи чуть теплее, чем в машине. Он сунул руки в карманы аляски, надеясь отыскать там сигареты, но нащупал только банку с растворимым кофе. Чего же Эля не вынула, подумал он. Лучше бы вынула и положила сигареты.

От того, что сигарет не было, страшно хотелось курить. Шубин подошел к танку и только собрался постучать по броне, спросить, нет ли закурить у танкистов, как увидел табачный киоск. Киоск был открыт.

Шубин, ничуть не удивившись, пошел через площадь.

В киоске кто-то был.

Шубин спросил:

— Пачку сигарет не дадите?

После некоторой паузы изнутри послышался тонкий голос:

- А вам каких?
- «Прима» есть?
- Сейчас.

На полочку перед окошком легла черно-красная пачка. Ее держала тонкая детская рука.

Шубин сказал:

- Спасибо,— и положил рубль.
- Рука сгребла рубль и исчезла.
- А спички есть?— спросил Шубин.
- Спичек нету.

Окошечко со стуком закрылось.

Шубин отошел на три шага, разломал пачку, вытащил сигарету.

Боковая дверь в киоск открылась, и оттуда высунулась голова мальчишки в вязаной шапке. Мальчишка вытащил мешок, явно набитый пачками сигарет, и ловко закинул его за киоск, прочь с глаз. Увидев, что Шубин наблюдает за ним, он ничуть не испугался, а разжал кулак, в котором оказался коробок спичек, и кинул его Шубину.

Тот успел подставить руку и схватить коробок.

Следом за мальчишкой из киоска выбралась девочка с таким же мешком. Оба спрятались за киоск.

Шубин пошел к вокзалу.

Солдат с автоматом, который стоял возле черных «Волг» и военных «газиков», число которых за время разговора с Борисом увеличилось, шагнул навстречу Шубину.

— Нельзя,— сказал он.

— Мне можно,— сказал Шубин. Он достал из кармана пиджака редакционное удостоверение. Солдат взял удостоверение, раскрыл, начал читать, шевеля губами. Потом посмотрел на Шубина, сравнивая его с фотографией, и Шубин понял, что сходства солдат отыскать не может. Он закрыл удостоверение и крикнул:

— Величкин! Товарищ старшина!

Старшина в теплой куртке, разрисованной камуфляжными узорами, подошел не спеша. Он был без автомата, но кобура повязана поверх куртки.

— Тебе же приказано — не пускать,— сказал он.

Солдат протянул старшине удостоверение Шубина, а сам посмотрел с тоской на дымящуюся сигарету. Шубин вытащил пачку, протянул солдату.

Тот взял сигарету, но закуривать не стал, он смотрел на старшину.

— И что вам там нужно?— спросил старшина.

— Мне надо пройти в штаб,— сказал Шубин.— Я журналист, из Москвы, корреспондент. Я в командировке.

— В командировке?— спросил старшина, и взгляд его проехал по Шубину — от вязаной шапки, заросшего щетиной, порезанного лица до рваной аляски и замаранных брюк.— Что-то непохоже. Паспорт есть?

— Есть здесь кто-нибудь постарше чином?— спросил Шубин терпеливо, отдавая старшине паспорт.

Солдат держал сигарету так, будто готов был вернуть ее Шубину, как только того разоблачат.

— Приказано посторонних не пускать,— сказал старшина.— Авария.

— Послушай, старшина,— сказал Шубин.— Я всю ночь был на этой аварии, пока ты в казарме спал. И мне некогда было себя в порядок приводить. Я там был.— Шубин показал на гостиницу. Солдат и старшина послушно посмотрели на гостиницу.

— Погодите,— сказал старшина и, взяв удостоверение, пошел к вокзалу.

— Самое время бюрократию разводить,— сказал Шубин и зажег спичку. Солдат закурил. Солдат был из Средней Азии, он был напуган, ему было холодно.

Низко над площадью прошел вертолет. Загромыхал за вокзалом состав.

— Как оттуда ушел?— спросил солдат, показывая на гостиницу.

— По пожарной лестнице, с крыши,— сказал Шубин.

— Понимаю,— сказал солдат.— И вещи сгорели?

— Вещи сгорели.

Подъехал «рафик». Из него вылезали люди, некоторые сонные, одетые кое-как, напуганные. Из вокзала выбежал шестерка Плотников, издали замахал рукой и крикнул людям, что стояли у «рафика».

— Сюда, товарищи, в зал ожидания, там вас ждут. Пропустите их!

Он убежал так быстро, что Шубин не успел его окликнуть. Он среди стоявших у «рафика» Шубин увидел Николайчика. Тот плелся за остальными к вокзалу.

— Федор Семенович!— крикнул Шубин.— Федор Семенович!

Николайчик остановился. Другие стали оборачиваться. Шубин подошел к нему.

— Шубин,— узнал его Николайчик.— В таком виде? Что с вами произошло?

— То, что и со всеми.

— Какой ужас!— сказал Николайчик.— Вы просто не представляете, какой ужас.

— Представляю,— сказал Шубин.

— Ну да, конечно. Но никто не мог представить. Меня разбудили час назад, вызвали сюда в штаб. Есть человеческие жертвы!— последнее Николайчик произнес тихо, будто делился с доверенным человеком государственной тайной.

— Даже у вас в доме,— сказал Шубин.

— Что?

— Те, кто жили на нижних этажах.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, Юрий Сергеевич,— сказал Николайчик, сразу насторожившись.

— Николайчик,— позвал кто-то из ушедших вперед.

— Сейчас. А вы почему здесь, Юрий Сергеевич? Хотите уехать?

— Меня не пропускают.

— Товарищ солдат,— сказал Николайчик,— надо пропустить товарища Шубина, он корреспондент, из Москвы.

— А мне как прикажут,— сказал солдат.

— Пойдемте со мной,— Николайчик потянул Шубина за рукав, но увидел, что рукав рваный, обгорелый, и отпустил его.

Солдат неуверенно сделал шаг, желая перекрыть путь Шубину, но Николайчик был настойчив, и солдат сдался.

Николайчик шел рядом.

— Ужасное бедствие,— говорил он, будто втолковывал Шубину урок,— роковое стечение обстоятельств.

— Какое к черту роковое!— возразил Шубин.— К этому все шло.

— Нельзя так категорично,— сказал Николайчик.— Если бы были предпосылки, неужели вы думаете, что товарищ Силантьев не принял бы мер?

— Вот не принял.

Николайчик насторожился и замолчал. У него было чутье, у этого Николайчика.

Они вошли в здание вокзала. Длинные скамьи для ожидающих, недавно переполненные народом, были пусты, только кое-где в проходах стояли чемоданы и сумки. Никто там не бродил, не фланировал, не убивал время — все спешили, бежали, исполняли. Военных здесь было

немного, встречались железнодорожники и милиционеры. Основное направление движения соединяло второй этаж и платформу — муравьиной дорожкой сбегали по широкой лестнице люди, хлопали двери, ведущие на перрон, оттуда также появлялись люди, и смысл этого движения Шубину был непонятен.

— Где здесь туалет?— спросил Николайчик у Шубина.

Шубин ответил не сразу. Он думал о том, сколько людей погибло здесь — ведь залы были переполнены...

— Туалет? Вон видите — стрелка вниз: камеры хранения, туалеты. Только учтите, воды нет.

— Но мне же надо!— капризно ответил Николайчик.— Подождите меня здесь!

Он поспешил к лестнице в подвал, пробежал возле приколотого к стене бумажного листа с надписью: «Вход воспрещен!» Рядом с Шубиным остановились двое мужчин в белых халатах.

— А может, еще повезло,— сказал один.— Почти нет пострадавших. Действовало сразу.

— «Почти», ты не был в первой больнице?

— Нет, меня из дома взяли.

— Там обожженные и раненые. В коридорах лежат, в вестибюле. А людей нету. Совершенно нету. Я даже не представляю, сколько наших погибло.

Неожиданно загорелся свет. Шубин настолько привык к полутьме, что зажмурился.

— Станцию запустили,— сказал медик.

— У тебя дома как?

— Обошлось.

— Ооо!— раздался крик. Шубин обернулся. Николайчик выскочил из подвала и бежал к нему, поддерживая расстегнутые брюки.

— Там,— сказал он,— там...

— Все ясно,— сказал Шубин.— Можете не объяснять.

— Там... ужасно... Вы не представляете! Там люди!

— А вы думаете, куда должны были снести трупы отсюда?— спросил Шубин.— И надо сказать, что они это быстро сделали.

— Солдаты,— сказал медик.— Они сейчас на путях работают. Там платформы подали.

— А что же будет? Что с ними будет? Вы не представляете.

— Захоронение,— сказал медик, закуривая.— Коллективное захоронение. И как можно скорей. Указание уже есть.

— Почему?— не понял Николайчик.— Как же так?
— А потому, Федор Семенович,— ответил Шубин,— чтобы не портить вам настроения.

— Тонкое наблюдение,— сказал медик.— Но, в общем, они правы, я бы то же самое приказал. Мы не знаем, как будет действовать газ на окружающих,— тела могут стать источником опасности. Не говоря об эпидемиологии.

— Солдатам только сейчас противогазы привезли,— сказал второй медик.— Там у них на складе, оказывается, всех выбило...

— Но вы не понимаете!— сказал Николайчик медику.— Там они лежат горой, до самого потолка.

— Представляю. Я был в аэропорту,— сказал медик.— Придется привыкать.

— Туда тоже добралось?— спросил Шубин.— Я думал, что аэропорт выше...

— Как я понимаю, туда понесло эту дрянь, когда поднялся ветер.

— А что вы здесь делаете?— спросил Шубин.

— Черт его знает — дежури́м. Нужна машина при штабе. Вот и дежури́м. Счита́й, что нам повезло.

Медики пошли на второй этаж, а Николайчик все не мог успокоиться:

— У туда спустился, понимаете, Юрий Сергеевич? Там же почти совсем темно. И запах... такой неприятный запах. Я чувствую, что не пройти — впереди преграда. Я стал руками искать проход — я не понял, что за преграда, может, вещи... совсем темно было. И вдруг загорелся свет. Я стою, а вокруг лежат мертвые люди — до самого потолка, вы понимаете? И такой страшный запах...

— Николайчик!— сверху перегнулся через перила незнакомый Шубину мужчина.— Срочно на ковер!

— Простите,— сказал Николайчик.— Вы идете?

— Иду,— сказал Шубин, но задержался, потому что вспомнил, что его удостоверение у старшины — надо забрать. Он пошел к выходу.

Шубин выглянул наружу — старшины не было видно. Здесь должна быть какая-нибудь комендатура.

Шубин поднялся на второй этаж вокзала.

Зал ожидания был прибран, пуст, скрепленные по шесть, жесткие вокзальные кресла отодвинуты к стенам. Но не сам зал был центром деятельности, а комната матери и ребенка, дверь в которую была распахнута, и вторая комната, над которой сияла неоновая, не к месту яркая вывеска «Видеосалон». Вокруг неоновых букв загорались

поочередно лампочки, совсем как на новогодней елке.

Пока Шубин стоял в нерешительности, не зная, к какой двери направиться, из видеосалона выбежал шестерка Плотников. За ним спешил низенький потный железно-дорожник.

— Ну как же я пропущу? Там же людям сходить надо,— говорил он.

— Пропустить без остановки. И все пропускать — неужели вам непонятно? Ведь чрезвычайное положение.

— Вы бы мне бумагу дали,— сказал низенький.

— Будет бумага, будет, вы же видите, что я занят!

Шестерка побежал от железнодорожника, который со вздохом развел короткими руками и пошел обратно в видеосалон. И тут Плотников увидел Шубина. Он пробежал мимо, не сразу узнав его, но затормозил где-то сбоку и сделал два шага задом наперед.

— Шубин?— спросил он.

— Он самый,— сказал Шубин.— И живой.

— Вижу,— сказал шестерка.— И очень рад. Очень рад, что у вас все в порядке. А что вы здесь делаете?

— Хочу встретиться с руководством штаба,— сказал Шубин.— Надеюсь, что могу пригодиться.

— Зачем?— сказал шестерка и, вместо того чтобы продолжать свой путь дальше, развернулся, кинулся к двери в комнату матери и ребенка.

Шубин пошел за ним. Пришлось посторониться — несколько солдат притащили тяжелый ящик и принялись втискивать его в двери комнаты матери и ребенка, застряв там и перекрыв движение людей.

Вокруг кипели голоса, ругательства и советы, отчего ящик еще больше заклинивало в дверях. Через головы солдат видны были люди, что стояли в зале. Их было много. Шубин увидел Гронского, к которому, подбежал Плотников и что-то говорил ему, отчего тот повернул голову к двери, и они с Шубиным встретились взглядами.

Гронский тут же отвел глаза и стал что-то говорить незнакомому чиновнику.

Шубин протиснулся к Гронскому. Гронский выглядел усталым, глаза красные, под ними темные мешки, благородные брыли свисали до плеч.

Он протянул Шубину руку. Рука была холодной, влажной.

— Вижу, что вы уже пришли в себя,— сказал Гронский. Потом добавил, обращаясь к статному усатому чиновнику в финском пальто и шляпе, что стоял рядом:—

Познакомьтесь, товарищ Шубин, журналист из Москвы. А это Николаев, директор биокомбината, заместитель начальника чрезвычайного штаба.

Рука Николаева была другой, твердой и широкой.

— Журналист?— недоверчиво спросил Николаев. Он был недоволен. Шубин словно услышал невысказанные слова: «Когда успел? Кто допустил?»

Гронский уловил недовольство. Он добавил, будто оправдываясь:

— Товарищ Шубин у нас здесь с лекциями по международному положению. Вот и попал в переделку. Мы с ним ночью в гостинице куковали.

— А, международник,— сказал Николаев облегченно и тут же закричал на солдат, которые распаковывали ящик, где таился какой-то прибор с экраном и множеством кнопок:

— Правее ставьте, правее, чтобы окно не загромождать!

Он потерял интерес к Шубину.

— Обзаводимся хозяйством, армия помогает,— сказал Гронский.— Ну как вы, отдохнули?

— А вы энергично взялись за дело.

— К сожалению,— сказал Гронский,— никто не будет нас хвалить за оперативную работу по спасению жизни и имущества граждан. У нас как бывает? Голову сносят за прошлые грехи, сегодняшние подвиги не в счет.

Гронский грустно улыбнулся. Он был искренен.

Шубин позавидовал: у него была возможность побриться.

— Как здоровье вашей жены?— спросил Шубин.

— Спасибо. Разумеется, ей придется отдохнуть — нервный шок. Вы знаете, какая трагедия произошла с вертолетом?

— Я видел.

— Мы буквально чудом остались живы.

— Я хотел быть чем-нибудь полезен,— сказал Шубин.

— Но чем, чем?— вдруг вспыхнул Гронский. Вроде бы оснований для вспышки Шубин ему не давал.— Вы пойдете в бригаду по уборке трупов? Или в пожарники — у нас пожарников не хватает! Или в госпитале кровь сдадите?

— Не волнуйтесь,— сказал Шубин.— Я понимаю, как вам трудно.

— А будет еще труднее. С каждым часом... Вам не понять.

— Я вас понимаю,— сказал Шубин, который более не испытывал неприязни к этому замученному человеку. Неприязнь осталась во вчерашней ночи. Какой он, к чертовой матери, убийца! Чинуша перепуганный. И о жене беспокоится, и надеется, что может быть каким-то чудом все обойдется, и понимает, что ничего уже не обойдется. По крайней мере, для него.

— И какого черта вы сюда именно вчера приехали,— сказал Гронский с горечью.— Приедете в Москву, начнете ахать — что я видел, что я видел!

— Ахать не буду,— сказал Шубин.— Но если вы в самом деле думаете, что мне здесь делать нечего, тогда помогите мне улететь в Москву. Я думаю, что смогу вам там чем-то помочь. Вам же нужно многое для города.

— Нам нужно все!— почти кричал Гронский.— У нас нет врачей, нет шоферов, ни черта нет — мы же не можем на одних солдатах спасти положение!

— Ну, не надо так нервничать,— послышался начальственный голос.

В зал, в сопровождении небольшой свиты военных и гражданских чинов, вошел Силантьев.

— От вас я не ожидал услышать капитулянтских высказываний.

Силантьев не заметил Шубина, не обратил на него внимания, а может, и не узнал — в отличие от Гронского, он видел корреспондента лишь в своем кабинете, в респектабельном обличии.

— Это не капитулянтские высказывания,— сказал Гронский,— а оценка ситуации.

— Ситуация критическая, но не трагическая,— сказал Силантьев.

Он обратился к стоявшему рядом генерал-майору, высокому брюнету с черными глазами и синими от щетины щеками:

— Правда?

— Не могу я больше дать солдат,— ответил генерал, видно, продолжая разговор, который они раньше вели.

— Ты мне больше не давай,— сказал Силантьев,— ты мне оставь, сколько есть.

— Люди который час на морозе таскают трупы,— сказал генерал.— Им надо отдохнуть, мы их даже не покормили.

— Что у тебя, детский сад, что ли?— обиделся Силантьев.— А если бы война?

— Сейчас не война,— сказал генерал. Он говорил с легким восточным акцентом.— Сейчас катавасия.

— Еще один капитулянт,— сказал Силантьев и развел руками, будто призывая всех в свидетели тому, как ему трудно с такими людьми.

— Вы, Василий Григорьевич, не представляете, видимо, масштабы,— сказал генерал.

— Никто не представляет. Но мы уточним. И твоим орлам выделим из неприкосновенных запасов. Не обидим.

— У меня солдаты,— сказал генерал,— специалисты, а не могильщики.

— Ссориться будем?— спросил Силантьев, мягко укладывая ладонь на зеленый защитный погон генеральской куртки.— Не надо со мной ссориться. Всем трудно. А мне труднее всех. Это мой город, это мой народ!

Шубин нечаянно встретил взгляд генерала. Во взгляде была тоска. Или отчаяние. То же самое, что во взгляде Гронского. И других людей — медиков, Николайчика, даже солдатика на площади. Не было тоски во взгляде Силантьева. Взгляд был ясен.

Подбежала женщина, в белых сапогах и распахнутой дубленке. Длинный шарф размотался, доставал до колен.

— Василий Григорьевич, есть телефонограмма,— сказала она.

Силантьев развернул листок, пробежал глазами.

— Так,— сказал он.— Будем готовиться.

— Что?— спросил Гронский.— Кто едет?

— Область,— сказал Силантьев.— Через сорок минут самолет будет здесь.

— У нас ничего не готово,— сказал Гронский.

— Где принимать будем?— спросил Силантьев у женщины в дубленке.

— В горкоме нельзя,— сказала она.— Там не готово.

— Знаю. С аэродрома везем сюда. Тебе, Мелконян, главная скрипка.— Это относилось к генералу.— Чтобы БТР спереди, танк сзади — психологическая атака по высшему разряду. Я буду встречать. Силина ко мне в машину. Ты, Гронский, тоже поедешь со мной, у тебя нервы расшались. Николаев поедет во второй с Немченко. Слышал?

— Слышал,— сказал Николаев.

— Главная наша задача, чтобы они не очень глядели по сторонам. И если на пути следования будет хоть одно неживое тело,— Силантьев сжал руку в кулак,— убью.

Неизвестно, к кому это относилось, но ответил генерал:

— По Пушкинской и Советской мы все очистили,— сказал он.— Но на шоссе гарантии нет.

— Да там и не было никого,— сказал Николаев.— Главное, чтобы автостанцию проехать.

— Мелконян, пошли человека надежного, чтобы весь маршрут проверил. Немедленно. Весь. Если что — в кювет, в кусты — ты понял?

— Я пошлю,— сказал Мелконян, не глядя на Силантьева.

— Хорошо. Кто готовил цифры?— спросил Силантьев.

— У меня есть,— сказала женщина в дубленке. Она протянула Силантьеву смятый листок.— Здесь оценочное число жертв, зажиганий и так далее.

Силантьев смотрел на листок. Все ждали.

— До ста человек жертв?— спросил он женщину.— Да ты с ума сошла! Они же перепугаются. Это в Москву надо сразу рапортовать.

— Мы писали приблизительно,— сказала женщина.

— Они тоже не лыком шиты. Если доложу, что сто смертельных случаев, они полезут смотреть. Сделаем так: жертвы есть, подсчитываются... Ладно, сделаю. Иванов!

Иванов — расплывшийся человек в потертом костюме, с золотым перстнем на безымянном пальце — отделился от стены.

— Рви в резиденцию. Чтобы обед был готов через два часа. Возьмешь «рафик» и трех милиционеров. Проверь, чтобы вокруг было спокойно. А вы работайте, товарищи,— обратился он к солдатам.— Чтобы через час, когда мы вернемся, все сверкало и работало — пусть товарищи из области видят, как у нас все поставлено.

— А если они меня спросят, сколько жертв?— сказала женщина.

— Санитарный врач доложит. Доложишь?

Шубин видел его раньше, тот был в кабинете Силантьева, когда он случайно подслушал их разговор.

— Я предпочту воздержаться от оценки,— сказал врач.

— Надеюсь, все запомнили эти мудрые слова?

По толпе, окружавшей Силантьева, прошел согласный гул.

— А ты, Шубин?— Шубин так и не понял, когда Силантьев разглядел и узнал его. Но разглядел раньше, не сейчас, потому что, произнеся последние слова, он смотрел уже на дверь.

Шубину надо было молчать. Не только из-за опасения

за себя — из интересов дела. Оттого, скажет ли он сейчас что-нибудь или нет, ничего в поведении Силантьева не изменится. А Шубин сможет тихо выбраться из города. Хотя, может быть, он недооценивал Силантьева, и тот уже решил не выпускать его из города.

Шубин сказал:

— Все первые этажи — мертвые.

— Что? Я не понял.

— Сейчас люди начнут открывать первые этажи, а там все мертвые.

— Шубин, не пугай людей, — сказал мирно Силантьев. Он взял Шубина под руку и повлек к двери. — Ты же не знаешь, а я знаю — эта дрянь через стекла не проникает. А ночь морозная, форточки были закрыты. Да и среди наших товарищей есть немало таких, кто живет на первых этажах. Есть такие, товарищи?

В зале была полная тишина, будто боялись пропустить каждое слово, сказанное Силантьевым.

Никто не ответил. Силантьев резко повернулся к толпе, которая медленно текла за ним.

— Надеюсь, среди вас есть люди, проживающие на нижних этажах?

И снова никто не признался.

Санитарный врач сказал:

— Мы не проверяли еще, Василий Григорьевич. У нас были первоочередные дела.

— Мне кажется, — сказала Шубин, — что вы здесь занимаетесь чепухой.

— Что? — Силантьев даже остановился.

— Вы думаете, как это все притушить, закрыть, спрятать... вы даже об обеде уже подумали. — И, говоря, Шубин как бы освобождал себя. Страх, который сковывал его, потому что он был маленьким человеком в этой отлаженной, хоть и давшей сбой машине и ничего не мог в ней изменить, пропал, как пропадает волнение у неопытного оратора после первых удачных фраз с трибуны. — Кого вы обманете? Областное начальство? А потом? Когда станут понятны размеры катастрофы?

— Неуместное слово, — сказал брезгливо санитарный врач.

— Вы же правите сейчас мертвым городом! — кричал Шубин. — Городом, дома которого наполнены мертвецами, вы это понимаете? Вы хотите навести марафет на одной улице? Для чего, чтобы завтра снова травить этот город? Чтобы завтра отравить всю страну? Весь мир?

— Нервы, нервы,— говорил Николайчик, оттаскивая Шубина в сторону.

— Погоди, пускай выговорится,— сказал Силантьев.

— Я выговорюсь не здесь,— сказал Шубин.— Я выговорюсь в Москве.

И в этот момент он уловил перемену в гуле, наполнявшем зал.

До этой секунды гул был сочувственным, потому что почти все, кто стоял там, были потрясены бедой, какими бы куцыми ни были обломки их моральных устоев. И Шубин пользовался их молчаливым сочувствием. Но в тот момент, когда он произнес слово «Москва» — он стал чужим.

— Ну что ж,— сказал Силантьев.— В Москве ты выговоришься. Но посмотрим, кому из нас поверят.

— Поверят,— сказал Шубин.— Поверят.

— А я бы хорошо подумал, прежде чем делать выводы,— сказал Силантьев, все еще владея собой.— Что ты видел здесь? Где ты прятался, когда мы все, в одном порыве, ликвидировали последствия аварии?

— Я был там же, где ваш товарищ Гронский,— сказал Шубин.

— Все ясно,— сказал Силантьев и даже улыбнулся:— С крыши наблюдали, как туристы. Хорошо еще, что мы успели вертолет организовать. Это там Спиридонов погиб?

Но вопрос был обращен не к Шубину, а к Гронскому.

Гронский вдруг подтянулся, словно вспомнил роль, которую должен был донести до публики.

— Обстоятельства гибели товарища Спиридонова загадочны,— сказал он.— Пока я организовывал спасение женщин, товарищ Шубин с группой мужчин должен был вынести раненого Спиридонова на крышу. Шубин появился на крыше один. Со своей любовницей.

— А, он и любовницей обзавелся! Ничего себе, моральный уровень.

Силантьев поглядел на часы.

— Разберитесь,— сказал он.— Слава богу, мы здесь не на пожаре. Таких вещей я никому не спускаю, Шубин. Ты мог вести себя трусливо, мог бежать в Москву и строчить доносы... Но смерть моего старого друга Спиридонова я тебе лично никогда не прощу.

— Все это ложь,— сказал Шубин.— И вы знаете, что это ложь.

— Я знаю то, что мне докладывают,— сказал Силантьев.

И он пошел к выходу из комнаты, на пороге наткнулся

на забытую там куклу — наподдал ее начищенным ботинком.

— Все это полная чепуха! — Шубин пошел за Силантьевым, не в силах совладать с желанием оправдаться, объяснить.

Шубина никто не задерживал. Когда он проходил мимо генерала, тот сказал:

— Я бы на вашем месте здесь не оставался.

И прежде чем Шубин смог ответить, он быстро отошел от него и приблизился к офицерам, что стояли у двери в видеосалон.

Шубин шел вслед за Силантьевым в рedeющей толпе «штабистов», и с каждым шагом желание поговорить, убедить Силантьева испарялось. Силантьев не будет его слушать. Но что делать? Может, взобраться на товарный поезд — они проходят тут. И на платформе попытаться доехать до соседнего города. Нет, лучше попробовать аэродром. Туда прилетают самолеты, аэродром открыт. Надо будет пробиться к летчикам, уговорить их...

Рассуждая так, Шубин вышел на лестницу и увидел, что Силантьев с Гронским и приближенными уже сошли в нижний зал и направляются к двери.

Но как добраться до аэродрома? На какой-нибудь машине? Надо поговорить с генералом. Сейчас, когда Силантьева нет, генерал может помочь. Ему лично катастрофа вряд ли чем грозит. Наоборот, он сразу принял меры, и Шубин может это подтвердить...

Шубин хотел вернуться в видеосалон, но тут услышал внизу крики.

От дверей вокзала к Силантьеву и Гронскому кинулась девушка в развевающемся пальто. Неумело, в вытянутой руке она держала нож. Черные свалевшиеся волосы гривой окружали ее маленькое лицо. Свет люстры отразился в больших очках.

Гронский отпрыгнул назад, за Силантьева, а тот закрылся большим портфелем, который нес в руке. Нож несильно ударился в портфель, скользнул по нему и со звоном упал на каменный пол. И тут же на девушку со всех сторон накнулись несколько мужчин и повалили ее на пол. Мелькали руки, и непонятно было, чего они хотят — избить ее, связать или вытолкнуть.

Мешая друг другу, они подняли девушку с пола, заломили руки за спину. Она билась, кричала что-то. Шубин узнал в ней робкую Наташу из книжного магазина.

Он не слышал, что она кричала, потому что кричали

все. Но слова Силантьева, выдержке которого можно было только позавидовать, донеслись до Шубина:

— Сумасшедшая. Бывает... Вы с ней осторожнее. Нервный стресс. Вызвать врачей!

И Силантьев продолжил движение к машине. Гронский отстал. Он, видно, совсем расклеился... Николаеву пришлось вернуться за ним. Он повел Гронского к выходу, поддерживая под локоть. Около девушки уже были медики, те, что курили внизу. Они повели ее куда-то в сторону. Зал опустел, только шестерка Плотников о чем-то разговаривал с милиционером.

Шубин был бессилен. По крайней мере, Наташиной жизни ничто не угрожало. Она жива, все обойдется...

Успокоив себя, Шубин пошел обратно. В видеосалон его не пустил солдат, что стоял за дверью.

— Мне нужно поговорить с генералом Мелконяном,— сказал Шубин.

— Нельзя.

Шубин пытался заглянуть в видеосалон через плечо солдата.

— Мелконян!— закричал он.— Мне надо с вами поговорить.

И в этот момент сильная рука рванула его от двери.

Он еле удержался на ногах. Перед ним стоял лейтенант милиции, такой же небритый, как сам Шубин. Рядом — еще один милиционер и шестерка Плотников.

— Этот?— спросил лейтенант у Плотникова.

— Этот.

— Пошли, гражданин, вы задержаны,— сказал лейтенант.

— Почему?— спросил Шубин.

— Пошли, разберемся.

Шубин обернулся, но Мелконян не вышел. Солдат, держа автомат у груди, равнодушно смотрел вслед Шубину. По его лицу бегали сполохи от веселой надписи «Видеосалон».

В станционной милиции лейтенант потратил на разговор с Шубиным минуты три. Его успели проинструктировать. Он потребовал у Шубина документы. Документов у Шубина не было, потому что их не вернул старшина. Об этом лейтенант, видно, уже знал. Затем лейтенант сказал, что товарищ, называющий себя Шубиным, задержан по подозрению в убийстве руководящего работника Спиридонова С. И. этой ночью в гостинице «Советская». Логика

в этом тоже была. А идея, как решил Шубин, принадлежала самому Силантьеву. Можно спорить и даже отбрехаться, если тебя обвиняют в хулиганстве, скандале и даже оскорблении вышестоящих лиц. Но с убийцами, особенно в чрезвычайном положении, ведут себя строго.

Шубин пытался объясниться, но лейтенант слушал его равнодушно и устало. Будто только и ждал, когда Шубин замолчит, чтобы заснуть.

Он сказал:

— Я бы вас к стенке поставил.

И Шубин замолчал. Не исключено: кто-то мог посоветовать измученному лейтенанту поставить этого бродягу к стенке при попытке к бегству.

Лейтенант сам отвел Шубина в камеру, единственную камеру вокзального отделения милиции. Он шел сзади, вынув пистолет, и Шубину казалось, что лейтенант раздумывает, не прибавить ли Шубина к числу жертв катастрофы. Лейтенант никогда не поверит, что его арестант — заложник Силантьева, Гронского, всей этой благопристойной банды, что трясется не от чувства вины или боли, а от страха за свои шкуры.

Дверь в камеру громко захлопнулась. Под потолком горела тусклая лампочка, возле нар лежало на полу человеческое тело. И Шубин даже не стал возмущаться этим, понимая, что у лейтенанта и тех милиционеров, что остались в городе, достаточно дел и без выволакивания трупов из КПЗ.

Окна в камере не было. Только дверь с окошком, затянутым решеткой, лампочка, унитаз в углу под крышкой.

Шубин подошел к унитазу и попытался спустить воду. Вода еще не шла. Не пустили воду. А на даче наверняка есть горный родник. Там и будут отдыхать инспектирующие чины, которым приятнее глядеть на красоты природы, чем на вонючие трупы.

Тут Шубин вспомнил, что его давно уже ждет Борис. А вдруг с ним что-то случилось? Знает ли он, что Наташа бросалась с кухонным ножиком на городское начальство? Бориса вполне могли забрать. Ведь Силантьев — человек предусмотрительный, и они наверняка знают о письмах и бумагах Бруни. А если знают, то ищут. Если вчера эти бумаги были лишь неприятным раздражителем, то сегодня они могут оказаться смертным приговором.

И как бы в ответ на мысли Шубина в коридоре послышались шаги, перед дверью остановились; и Шубин пред-

ставил себе, что сейчас в камеру войдет лейтенант и равнодушно произнесет:

— Именем закона о чрезвычайном положении вы приговариваетесь к смертной казни, которая будет приведена в исполнение немедленно.

И когда дверь отворилась, Шубин невольно отпрянул к стене. Он сам уже поверил в эти слова лейтенанта.

Лейтенант вошел и остановился у порога. С ним был второй милиционер. Плотников остался в коридоре. Его оттопыренные уши просвечивали красным.

— У меня есть свидетели!— вдруг воскликнул Шубин. Он сам не знал за мгновение, что скажет это. Но сказал:— Ваш сотрудник, сержант Васильченко, он присутствовал, он все знает.

— Лицом к стене,— сказал лейтенант.

— Почему? Зачем? Я ничего не сделал!

— Встаньте на шаг от стены,— устало сказал лейтенант,— протяните руки к стене, обопритесь на них.

Он говорил докторским голосом, и Шубин вдруг понял, что его не будут расстреливать, зачем для этого упираться руками в стену. И он быстро, стараясь показаться послушным и неопасным, повернулся к стене и выставил вперед руки. Шестерка засмеялся. Жесткие твердые руки прощупали бока Шубина, брюки, аляску. Затем поднялись и задержались на секунду на карманах.

— Отойди назад!— сказал лейтенант.

Послышались поспешные шаги — милиционер и Плотников отпрянули. Что же испугало лейтенанта?

Лейтенант запустил руку в карман аляски.

— Это кофе,— сказал Шубин,— растворимый кофе.

— Помолчите,— сказал лейтенант.— Вижу, что не граната. Бойченко, посмотри, что там внутри.

— Я сам посмотрю,— раздался голос Плотникова.

Руки Шубина заныли от неудобной позы.

— Повернитесь лицом ко мне,— сказал лейтенант.

Шубин оттолкнулся от стены, выпрямился и обернулся. Лейтенант стоял перед ним, милиционер на шаг сзади. Плотников в дверях завинчивал банку с кофе.

Лейтенант закончил обыск. Он вытащил из кармана бумажник. Отходя, задел ногой лежавшего человека. Тот что-то забормотал.

— Дайте сюда,— велел Плотников лейтенанту. Тот отдал бумажник. Шестерка сунул бумажник себе в карман.

— Больше ничего?— спросил он.

— Больше ничего,— сказал лейтенант.

Лейтенант пошел к выходу. Шубин осмелел:

— А вещи когда отдадите?

— Когда нужно будет, тогда и отдадим.

— Он еще спорит,— с деланным возмущением воскликнул Плотников.

Лучше бы Эля оставила кофе дома, подумал Шубин. Ведь не отдаст, сволоочь. Дефицит.

Когда дверь закрылась, Шубин присел на край нар.

Человек у его ног, который оказался не мертвым, а мертвецки пьяным, повернулся, уютнее устраиваясь на полу.

Ясно, что они искали бумаги Бруни. Плотников не сразу спохватился. Прибежал обратно и потребовал личного обыска.

Шубин сидел на краю нар. Спать совсем не хотелось. Ничего не хотелось, только вырваться из этой камеры. Но он понимал, что сейчас в этой суматохе никто его не разыщет. Эля? Эля спохватится, конечно, но кто она — шоферша? Случайная девочка? Борис? Бориса они постараются изолировать. Было бы окно — написал бы записку для генерала Мелконяна. Черта с два напишешь записку! Они отобрали бумажник и записную книжку, сейчас шестерка сидит у лейтенанта или в какой-нибудь спецкомнате — изучают его бумажки.

— Закурить не найдется? — трезвым голосом спросил сосед по камере.

— Сейчас,— сказал Шубин. Сигареты ему оставили.

Но пока он доставал сигареты и спички, сосед снова заснул.

Шубин закурил. За дверью простучали сапоги. Потом снова тишина. Шубин подошел к двери, приложив ухо к решетке, стал слушать. Далеко по коридору звучали голоса. Потом хлопнула дверь. И Шубин не столько услышал, сколько почувствовал тишину в отделении. А чего он ждал? Что они будут здесь сидеть, сторожить его?

Шубин постучал в дверь. Неизвестно зачем, но постучал. Потом сильнее. Ему хотелось стучать в дверь, ему хотелось колотить в нее, вкладывая в эти удары возмущение собственным бессилием.

— Не шуми,— сказал сосед.— Мешаешь.

Шубин спохватился. В самом деле глупо.

Не лучше ли продумать линию поведения? Может, изобразить полное раскаяние? Обещать, что будет молчать...

Далеко хлопнула дверь.

Кто-то вошел в отделение. Шаги замерли. Потом возоб-

новились. Они приближались к двери. Шубин отступил в сторону. Шаги были медленные, осторожные, в них была угроза.

Звякнула щеколда. Дверь открылась. Шубин стоял, прислонившись к стене.

— Ты здесь?— услышал он голос Коли.

Коля вошел в камеру.

— Не бойся,— сказал он.— Это я.

Коля тоже был не брит, но у него светлые волосы, так что не очень заметно. На лбу ссадина.

— Коля!— Шубину захотелось броситься к нему, обнять как старого друга, но Коля был строг и сух.

— Выходи,— сказал он.

Затем протянул Шубину его бумажник. И Шубин подумал: кофе шестерка все-таки взял себе.

— Быстрее,— сказал Коля.— Я из-за тебя под суд идти не желаю.

— Сейчас,— Шубин почему-то принялся застегивать молнию аляски.

Коля выглянул в коридор.

— Там никого нет,— сказал Шубин.

— Без тебя знаю. Нет, не в эту сторону, в другую.

Он провел Шубина по коридору, открыл своим ключом белую дверь, и они оказались на перроне.

— Иди вперед и не оглядывайся,— сказал Коля.

Со стороны должно было казаться, что милиционер ведет задержанного. Перрон был пуст. По дальнему пути медленно двигался маневровый паровоз. Из открытых дверей товарного вагона солдаты разгружали какие-то мешки. Встретившийся железнодорожник скользнул по Шубину равнодушным взглядом.

— Направо,— сказал Коля.

Они остановились в темном проходе между вокзалом и одноэтажным зданием.

— Ну вот так,— сказал Коля другим голосом.— Вот как получилось.

— Ты откуда узнал, что меня забрали?

— Услышал,— сказал он.— Говорили.

— И ты понял, почему?

— А чего тут не понять,— сказал Коля.— Они тебе хотели убийство Спиридонова пришить. Ты бы не отвертелся.

— Но ты же знаешь.

— У меня служба,— сказал Коля.— Ты сейчас сразу

налево, не оглядываясь, выйдешь на площадь, иди за киосками. За третьим киоском остановись. Понял?

— Понял.

— А я пошел. Меня и так с тобой увидеть могли.

— Мы обязательно увидимся,— сказал Шубин.

— Может быть,— сказал Коля и скрылся за углом вокзала.

Шубин осмотрелся — никого. Он прошел темным проходом и оказался на вокзальной площади.

Шубин быстро прошел к киоскам, за третьим из них остановился и осторожно выглянул на площадь.

Ветер стих, снег падал редко. На площади было куда больше людей, чем час назад. Видно, в городе уже знали, что штаб расположен в вокзале. Кучками, поодиночке, люди стояли возле цепочки солдат, просились внутрь. Голоса почти не доносились, но общий шум с визгливыми выкриками был явственно слышен.

Шубин вышел из-за киоска, и тут на площадь въехала кавалькада — с аэродрома. Впереди, как и было оговорено, бегемотом двигался БТР, затем три «Волги» — две черные, а одна, можно сказать, обыкновенная. Затем еще один БТР. Лучше бы танк, подумал Шубин. Внушительнее.

Машины, объезжая заснеженный газон, проехали вереницей совсем близко от Шубина. В третьей, у самого окна, сидел Гронский. Он посмотрел на Шубина. Шубин не испугался. Он встретил его взгляд, и удивление Гронского его даже позабавило. Женщины у оцепления кинулись к машинам.

У него было странное чувство непричастности к этим событиям. Будто он был заколдован, заморожен, будто у него был иммунитет против этой болезни.

— Юрий Сергеевич! — окликнул его Борис.

Борис выглядывал из подъезда, рядом с комиссионным магазином.

— Сюда!

Шубин зашел в подъезд.

— Я думал, что мне вас не выцарапать,— сказал он.— Просто сказочное везение.

— В чем везение?

— Я сержанту деньги стал давать, он меня чуть не забрал. А когда узнал, что это вас замели, он велел ждать. Я понял, что он вас выручит. Откуда он знает?

— Мы с ним всю ночь в гостинице были,— сказал Шубин.

— Нет, все-таки бог есть,— сказал Борис.

- Письма с вами?
- Поверил?
- Я давно поверил. Только не знаю, как мы их отсюда вывезем. Они не все перекроют?
- Силенок не хватит. Завтра с помощью области точно перекроют. А сегодня еще не перекроют.
- Сзади кто-то плакал.
- Что это?
- Ты забыл, что тут тоже есть первый этаж и второй этаж? Кто-то к своим пришел — и увидел. Не отвлекайся. Слушай. Я украл машину.
- Как украл?
- Проще простого. Как машины крадут? Сейчас в городе, наверное, с тысячу машин без водителей. И ключи в зажигании, понимаешь?
- Понимаю.
- Машина за углом. Я тебя вывезу из города, я знаю, где нет заслонов. Довезу до Синева, это станция такая. Там останавливается поезд на Москву. Через два часа ты в Перми. А дальше — сможешь? Деньги есть?
- Есть. Только паспорта нет и удостоверения.
- Они пробежали за угол, там стоял «жигуленок».
- Без паспорта плохо,— сказал Борис.— Паспорт нужен. Возьмешь мой.
- Он завел мотор и начал разворачивать машину.
- Мы с тобой непохожи.
- Когда я его получал, были похожи. У меня прическа была цивилизная и без бороды. Смотри.
- Свободной рукой Борис вытащил из кармана паспорт и кинул его Шубину на колени.
- Слушай,— сказал Шубин.— Мы не успеем заехать в одно место?
- Нет,— ответил Борис.— Мы никуда не успеем. Они сейчас объявят на тебя охоту. Чрезвычайное положение, убежал убийца, маньяк. Ты себя погубишь и дело.
- Хорошо,— сказал Шубин.— Мне нужно обязательно передать записку одной девушке.
- Напиши ей письмо.
- Я не запомнил адреса.
- Глупо. Если хочешь писать записки, сначала запиши адрес.
- Обстановка не позволяла,— сказал Шубин, но Борис не уловил иронии.
- Он пытался развернуться. Места было достаточно, но Борис оказался не очень умелым водителем.

— Давай я за руль сяду,— сказал Шубин.

— Тебе, может, придется прятаться — не хочу, чтобы твоя голова на виду торчала.

Шубин раскрыл паспорт. В самом деле, если особенно не присматриваться, сойдет. Борис Ашотович Мелконян.

— Я думал, что ты еврей. Генерал — твой родственник?

— Каждый дурак меня об этом спрашивает. Нет, нет, не родственник. Не нужен ему такой родственник!

Борис развернулся было, но тут над ухом взвыла «скорая». Пришлось затормозить.

— А ты Наташу видел?— вспомнил Шубин.

— Я же тебе сказал — не знаю!

— А я видел!

— Что?— Борис ударил по тормозу. Машина подпрыгнула, и ее повело по скользкому снегу.

— Не волнуйся, она жива и, может быть, здорова,— сказал Шубин.— Ты продолжай, разворачивайся, не до вечера же нам крутиться.

— Я буду, буду, ты только Расскажи, что видел.

Шубин стал рассказывать. Борис рычал, ругался, только непонятно было, кого он ругает — Наташу или Гронского.

Шубин посмотрел на площадь, словно прощался с ней. Слева обугленные останки гостиницы, справа — оживший вокзал. У одной из «Волг», что стояли у подъезда, сутились люди. Дверцы были распахнуты. С одной стороны туда залезал знакомый лейтенант. С другой шестерка Плотников.

— Ах черт!— сказал Шубин.

— Ты что? Ты что не рассказал! Куда ее увезли? В какую больницу?

— Это ты узнаешь. Меня другое волнует — по-моему, я сделал глупость.

— Ну, что еще?

— Когда они с аэродрома возвращались — меня, кажется, узнал Гронский.

— И что?

— Видишь «Волга» — она по нашу душу.

— С чего ты решил?

— Знакомые лица.

— Тогда я лучше обратно поеду, по переулкам.

— Пока ты будешь снова разворачиваться, они уже на нас сядут. Давай вперед!

Борис подчинился. Возможно, это было не лучшим решением. Машин на ходу в то утро в городе почти не было. Зеленый «жигуленок», так резво промчавшийся мимо вокзала, конечно же, обратил на себя внимание. Наверное, Шубину надо было спрятаться. Впрочем, тогда бы он открыл не менее известный преследователям профиль Бориса.

— Ничего, мы тут свернем,— сказал Борис, глядя, как черная «Волга» отходит от вокзала.

Он свернул направо, потом, увидев, что преследователей еще не видно, повернул в ворота большого дома, но тут ему пришлось затормозить. Во дворе, блокировав въезд, лежали трупы.

— Черт, я же знал...— сказал Шубин.— И забыл.

Борис хотел тут же выбираться из ворот задним ходом, но Шубин удержал его.

— Пригнись немного,— сказал он.— Дай им проехать.

Он смотрел назад, пригнувшись к сиденью. Он оказался прав. Через минуту мимо пронеслась черная «Волга». В ней был лейтенант милиции, еще кто-то в штатском и шестерка Плотников. Зеленую малолитражку, уткнувшую носом в ворота, они не заметили.

Борис подал назад, они вернулись к вокзальной площади и оттуда уже поехали по другой улице.

— Давай письма,— сказал Шубин.— Мало ли что, а вдруг придется срочно расставаться.

— Ты прав. Возьми в бардачке.

Шубин достал толстый конверт. Конверт был заклеен, но без надписи.

Борис затормозил на перекрестке. Работал автоматический светофор.

Шубин достал из кармана ручку и, пока машина стояла, написал на конверте крупными печатными буквами: «ПЕРЕДАТЬ В ЦК КПСС. СРОЧНО».

Потом с трудом втиснул конверт во внутренний карман аляски.

— Правильно,— сказал Борис, который видел, как Шубин писал.— А я не догадался. Надо предусмотреть каждую случайность.

Зеленый свет не зажегся. Справа, на первом этаже, было открыто окно и оттуда двое мужчин вытаскивали тело женщины. Женщина была в одной рубашке, ноги были белые, полные, тот мужчина, который тянул за ноги, все старался оправить рубашку.

— Давай нарушим,— сказал Шубин.

— А?— Борис тоже смотрел на то, как вытаскивают тело женщины.— Конечно, конечно,— сказал он.

Он рванул через перекресток.

— А я домой только на минуту забежал,— сказал он.— Там моя мама. Она все знает. Мою жену оденут и все сделают, да?

— Конечно,— сказал Шубин.

Он обратил внимание, что по тротуарам, в ту же сторону, что ехали они, идут люди, быстро, деловито, словно на службу. Машина переехала железнодорожные пути, за ними было открытое место, спускавшееся к реке.

И тут Борис затормозил в изумлении.

Все поле до самой воды было усеяно телами. У края стояло три или четыре грузовика с откинутыми бортами, и солдаты уныло и методично выкидывали тела на землю.

Но между этих тел, многих тысяч тел, ходили люди. Другие спешили туда, стекались с разных сторон. Некоторые вглядывались в лица мертвых, другие не смели подойти близко, одна женщина стояла на коленях перед телом мужчины и била себя кулаками в грудь.

— Вот сюда бы привезти весь обком,— сказал Шубин.

— Как только ты будешь в безопасности,— сказал Борис,— я это сделаю. Клянусь памятью моей жены, я это сделаю...

Они поехали дальше. Они ехали мимо одноэтажных домиков, улица была совершенно пуста, и Шубин понимал; почему она пуста — ни в одном из домов не осталось ни души. На мостовой валялась раздавленная собака. Две курицы спокойно клевали что-то у забора. То ли пересидели беду на насесте, то ли у птиц иммунитет...

— А сейчас на всякий случай пригнись,— сказал Борис.— Будет пост ГАИ. Я думаю, здесь никого нет, но если есть, они могли предупредить об особо опасном преступнике.

Шубин пригнулся. На полу машины у его ног лежала женская заколка.

— Можно подниматься. Пронесло,— сказал Борис.

— А хозяин этой машины?— спросил Шубин.

— Хозяйка. Она в соседнем доме жила. Я потом машину поставлю на место, ты не думай.

— Я не думаю.

По сторонам дороги тянулись склады, потом они миновали коровник.

— И сюда добралось,— сказал Борис.

Ворота коровника были распахнуты, и труп коровы валялся в них.

Они миновали опустевшую пригородную деревню.

— Нелегко будет Силантьеву это прикрыть,— сказал Шубин.

— У него сильная поддержка в области,— сказал Борис.— Потому мы и не смогли его скovyрнуть. Он у нас всего второй год, как подающий надежды. А области тоже не нужны неприятности.

Они въехали в лес. Дорога начала подниматься. Она поднималась ровно, и ее было видно на несколько километров вперед. Объехали приткнувшийся к обочине автобус. Потом «Москвич», который стоял поперек шоссе.

— Это не главная дорога,— сказал Борис.— Только до Синевы. Поэтому я тебя и повез. Они думают, что мы на аэродром или по свердловской трассе рванем.

«Жигуленок» легко катил в гору.

— Не обольщайся,— сказал Шубин. Он смотрел в зеркало над ветровым стеклом. Далеко-сзади шла черная машина.

— Может, другая?— Борис качнул головой, чтобы лучше увидеть преследователей.

— А я говорю — не обольщайся. Много ли шансов, что другая черная «Волга» идет именно по этой дороге и в этот час? Тут что впереди, их резиденция?

— Нет, резиденция по Свердловскому шоссе.

— Тогда жми,— сказал Шубин,— это за нами.

Борис честно жал, и «жигуленок» шел на пределе. Дорога была покрыта снегом и давно не чинена, так что порой машину подбрасывало так, что казалось — на асфальт она уже не вернется. Шубину жутко хотелось взять руль — он был куда лучшим водителем, чем Борис, но сейчас было некогда заниматься пересадками.

— Слушай, Борис,— сказал Шубин.— И все-таки ты выполни мою просьбу. Ты Николайчика из «Знания» знаешь?

— Знаю.

— У Николайчика работает шофером Эля.

— Знаю,— сказал Борис.— Она с парнем из моего класса жила.

— Когда?

— Ну, это давно было, года два назад.

— Вот моя карточка. Пускай она мне напишет. И еще мне нужен твой адрес. Ты же хочешь узнать, что мне удалось сделать?

Черная «Волга» постепенно приближалась. Водитель на ней был профессиональный.

— Пиши,— сказал Борис.— Гоголя, шестнадцать, двадцать три.

Шубин записал его адрес на одной из своих карточек. Положил ее себе в карман. Вторую — сунул в карман Борису.

«Волга» была уже угрожающе близко.

— Что-то надо делать,— сказал Шубин.— До станции еще далеко?

— Километров тридцать — тридцать пять.

— Догонят,— сказал Шубин.

— Я тоже так думаю. Как же они догадались?

— Они, наверное, думали, как и ты.

— Знаю!— крикнул Борис.— Через километр будет поворот, за ним дорожка, через лес, шесть верст, может, немного побольше. Выходит к разъезду Лихому. Там иногда товарняки останавливаются.

— Понял.

— На машине туда не проехать. Туда дорога с другой стороны путей, от Ловчей.

— Что предлагаешь?

— Я приторможу. Только на секунду — а ты беги, чтобы они не заметили, что ты ушел. Я их за собой поведу — как можно дальше. Тогда есть надежда, правда?

— Правда, есть надежда,— сказал Шубин.

Впереди был поворот. Шубин обернулся. До «Волги» метров четыреста. Они слышали скрип тормозов.

— Ты тормози не очень резко,— сказал Шубин,— чтобы они не услышали.

Он положил лыжную шапку с олимпийскими кольцами на спинку сиденья, чтобы сзади казалось, что пассажир в машине.

— Готовься!— крикнул Борис.

За поворотом он начал тормозить, сдвигаясь к обочине.

Шубин открыл дверь,— к дороге подступали деревья,— из «Волги» их не было видно. Когда машина, на его взгляд, затормозила достаточно, он оттолкнулся и полетел руками вперед в кювет.

Был удар. Он не почувствовал боли, потому что знал — нужно уйти. Он приподнялся — но в руке была такая боль, что он упал снова. Он пополз вниз, в кювет, и замер, потому что отчетливо услышал, как из-за поворота вылетела, взвизгнув тормозами, «Волга». Шубин вжался лицом в холодный жесткий снег. Он даже не знал — лежит

ли он на виду у края дороги, или кювет достаточно глубок, чтобы скрыть его.

«Волга» промчалась мимо, но это ничего не значило. Может, кто-то из них смотрел в окно и увидел его, но нужно время, чтобы развернуться.

Шубин приподнялся, стараясь не опираться на больную руку, и побежал к деревьям. Здесь уже было немало снега, по щиколотки, и он понял, что его легко найдут по следам. Добежав до подлеска, к счастью густого, он вторгся в него, не обращая внимания на то, как стегают по лицу ветви. Потом остановился. Дорогу было хорошо видно. Она была пуста.

Здоровой рукой он тронул больную и чуть не подскочил от острого удара боли. Хорошо, что не ногу сломал, сказал он себе. Мог и ногу.

Вокруг стояла удивительная, сказочная тишина. Вдалеке застучал дятел.

Несмотря на тупую боль, Шубин сломал густую еловую ветку и заставил себя вернуться к шоссе. Он тщательно заровнял истоптанный снег. Так, чтобы не заметили следов с проезжающей машины. Он отступал, размахивая своей метелкой, и думал о том, что еще не отыскал этой дорожки к разъезду, и не прошел потом по ней шести верст, и не дождался на неизвестном ему разъезде какого-нибудь товарняка. И все это впереди, все это надо вытерпеть.

А может быть, и вытерпеть те гневные и грозные письма, что, опережая его, рванутся из горкома и обкома. В них его будут обвинять во всех грехах, включая, может быть, и убийство начальника главка товарища Спиридонова. Считаю — пропала Швейцария.

Он бросил ветку в кусты. Ох и будет Борису, сказал он себе и кустами пошел обратно вдоль дороги, пока не отыскал полузанесенную снегом тропинку, которая через два часа вывела его, вернее его упрямую тень, к разъезду Лихому.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
ДО ПОЛУНОЧИ

3

Часть вторая
ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

53

Кир Булычев

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ

Фантастическая повесть

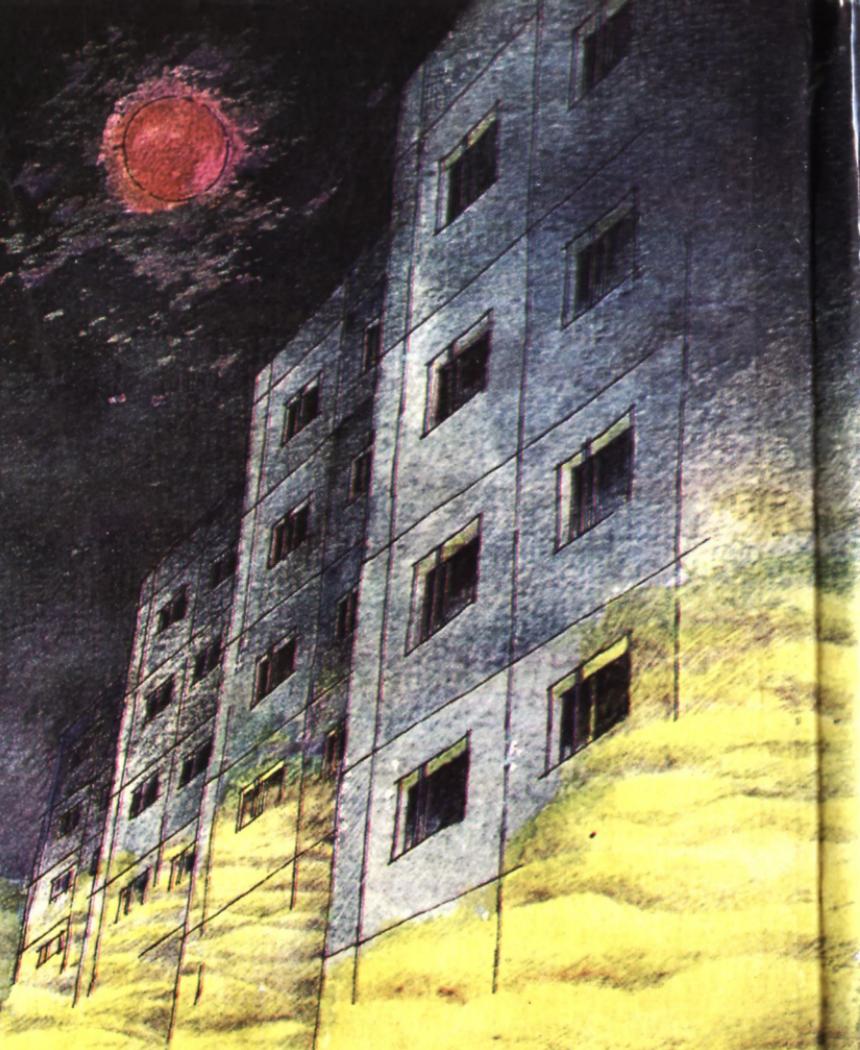
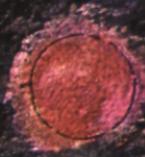
Редактор *А. Береснева*
Художник *К. Сошинская*
Художественный редактор *Ф. Барбышев*
Технический редактор *Г. Смирнова*
Корректор *Т. Семочкина*

ИБ № 4609

Сдано в набор 06.06.89. Подписано к печати 30.06.89.
Л-21611. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 9,55. Тираж
100 000 экз. Заказ 390. Цена 3 р. 10 к.

Советско-Западногерманское совместное предприя-
тие «Вся Москва», 101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Электросталь Московской области, ул.
им. Тевосяна, 25.

3 p. 10 к.

